

**ПЕРВЫЕ КУБАНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Международная академия информатизации
Краснодарское региональное отделение
Краснодарский государственный университет культуры и искусств
Научно-исследовательский центр
Краснодарский государственный историко - археологический
музей - заповедник им. Е.Д. Фелицына
Общество украинской культуры Кубани

ПАМЯТИ Ф.А. ЩЕРБИНЫ

**ПЕРВЫЕ КУБАНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНО - ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Краснодар, 1999

УДК 882 (471.62) (09)
ББК 83.3 (2 Рос-4)
К 88

Редакционная коллегия:

Манаенков А.И., Недвига Н.Г., Трехбратов Б.А.,
Чирг А.Ю., Чумаченко В.К.

Научный редактор - Чумаченко В.К.

Библиограф – Соколова Е.Ю.
Компьютерный набор – Костина Н.А.
Компьютерная верстка – Проценко С.Г.

Первые кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции (доклады, научные сообщения, публикации). – Краснодар, 1999. – 127 с.

© Краснодарский государственный университет культуры и искусств.
Научно-исследовательский центр.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО - КУЛЬТУРНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Изучение многонациональной культуры Юга России, духовной жизни Северо-Кавказского региона - одно из важнейших направлений культурологических исследований, проводимых Краснодарским региональным отделением Международной академии информатизации, учеными Краснодарского государственного университета культуры и искусства.

С начала 90-х гг. в стенах КГУКИ были проведены такие научно-теоретические конференции, как "Два века кубанской литературы" (1993), "Роман и жизнь" (1994), "Кубань литературная: новые доклады и сообщения" (1994), "Библиотечное дело и библиография на Кубани: исторический опыт, современные проблемы" (1995), "Кубань в эпоху "серебряного века" (1997), "Региональные аспекты информационно - культурологической деятельности" (1998) и др., которые закрепили приоритет нашего вуза - ведущего научного учреждения в этой области.

В исследовательскую работу мы вовлекаем широкий круг ученых - представителей научных школ различных регионов России, Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья. Наши исследования все более характеризуют такие черты, как системность и комплексность, их отличает возрастающий теоретический уровень и интерес к практическому применению накопленной информации, реализующиеся в подготовке и внедрении в учебный процесс вуза комплекса дисциплин регионального цикла, введению в нем новых специальностей и специализаций, направленных на высокопрофессиональное решение региональных задач в контексте сложных и многоаспектных проблем реформирующейся России.

В целях дальнейшей актуализации регионоведческих исследований мы начинаем новую серию ежегодных научных конференций под названием "Кубанские литературно-исторические чтения". Чтения призваны аккумулировать усилия литературоведов, историков, культурологов и архивистов по решению одной из важнейших стоящих перед нами задач: вывести на качественно новый уровень изучение, популяризацию и пропаганду проблем историко-культурного регионоведения.

Первые Кубанские литературно-исторические чтения посвящаются 150-летию со дня рождения выдающегося кубанского ученого и общественного деятеля Федора Андреевича Щербины (1849 -1936). Широкое празднование этого юбилея проводится в крае в соответствии с постановлением главы администрации Краснодарского края

Н.И. Кондратенко, в котором, в частности, главам муниципальных образований края рекомендуется провести мероприятия, посвященные выдающемуся российскому историку, литератору, основоположнику бюджетной статистики в России, члену-корреспонденту Петербургской академии наук, члену Кубанской Войсковой Рады “с привлечением учебных заведений, краеведческих музеев, казачества и средств массовой информации”.

Думается, наша конференция целиком и полностью соответствует данным рекомендациям. Ведь в ней участвуют, кроме ученых КГУКИ, представители филологического факультета КубГУ, Кубанской государственной академии физической культуры, отдела истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, члены Фонда культуры Кубанского казачества, Общества украинской культуры Кубани, посланцы Украины и даже ученые из Гарвардского университета США. Как всегда, она получит широкое освещение в печати и других средствах массовой информации.

Будем надеяться, что нашей новой инициативе по проведению ежегодных кубанских литературно-исторических чтений суждена долгая жизнь.

*И.И. ГОРЛОВА,
ректор КГУКИ, доктор философских наук,
профессор, академик, президент КРО МАИ*

І К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.А. ЩЕРБИНЫ

Трехбратов Б.А.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Ф.А. ЩЕРБИНЫ

Выдающийся кубанский историк, автор пока еще непревзойденного труда “История Кубанского казачьего войска” в двух томах, Федор Андреевич Щербина обладал разносторонними талантами, которые ярко проявил на многих поприщах: статистики, этнологии, публицистики, редактирования газет и общественно-политической деятельности.

В рамках ограниченных в объеме тезисов невозможно всесторонне осветить все сферы многосторонней деятельности Ф.А. Щербины, поэтому мы сознательно ограничим свое сообщение ее основными вехами, сосредоточив внимание на эволюции общественно-политических взглядов великого кубанца.

Он родился 13 февраля 1849 г. (по старому стилю) в одной из типичных черноморских станиц – Новодеревянковской, что в Ейском уезде, в семье священника из казаков, рано умершего, когда малолетнему Федору исполнилось несколько лет.

Первоначальное воспитание он получил у себя на родине, наблюдая за заседаниями станичного схода – “громады”, чуть ли не единственного остатка демократических запорожских порядков в Черномории (1). Здесь он воочию наблюдал последствия той исторической операции, произведенной российским самодержавием (правда, не без желания верхов казачества), которая привела к образованию резкой грани между двумя сословиями – “панами” офицерами и рядовыми казаками (2), становясь пока еще по-детски любопытным свидетелем постоянных столкновений между ними из-за земельных угодий (3), с тревогой наблюдая все большую утрату черноморцами своих былых вольностей и демократизма во всех сферах военной и гражданской жизни (4).

С раннего детства у Федора Андреевича, как он отмечает в своих воспоминаниях, проявилась “определенная и вполне естественная склонность к реалистическому мышлению” и симпатия к трудовой массе казачьего населения (5). К периоду раннего юношества эта склонность перерастает в сложившиеся народно - социалистические воззрения, изменявшиеся во времени в порядке развития, но без нарушения основных идеологических принципов: в трудовом народе сила и народ для народа (6).

12 лет от роду он поступает учиться в Черноморскую войсковую

духовную школу (училище) в Екатеринодаре. Во время шестилетнего пребывания в этом учебном заведении Федор увлекается чтением статей на исторические и этнологические темы, печатавшихся в “Кубанских войсковых ведомостях”, и даже знакомится с некоторыми материалами войскового архива. В екатеринодарский период его жизни у него только начинали зарождаться мысли об общих причинах положительных и отрицательных сторон государственной и народной жизни (7). К трудовому народу он по-прежнему стоял очень близко. Однако общие взгляды и концепции были для него в силу юного возраста еще недостаточно ясны, понятны и доказательны.

Появлению новых идей и зарождению критики государственного режима и порядков в революционном направлении он, по его собственным воспоминаниям, был обязан, как это ни покажется странным, не возвращению в сообществе городской молодежи, а станице Новодеревянковской, в частности, офицерам стоявшего в ней Крымского пехотного полка и прибывавшим из Ставрополя на каникулы семинаристам. Связей с крайними кругами екатеринодарской интеллигенции у него тогда не было (8).

Дальнейший идейный рост Федора Андреевича как раз и состоялся в Ставрополе, где с 1866 г. он учился в Кавказской духовной семинарии. Здесь 17-летнего юношу воспитывали учителя – сторонники народнических учений, по рекомендации которых он студировал произведения Н.Г. Чернышевского, политэкономов Джона Стюарта Милля, Адама Смита, социологов Лассалля, Бехера и Пфейфера (“Ассоциация”). Словом, молодой Щербина овладевал литературой, на которой воспитывалась в то время передовая, так называемая идейная молодежь.

Под влиянием прочитанного еще в бурсе Федор Андреевич вместе с товарищами основал ремесленную артель, в которой они по вечерам столарились, переплетали книги, шили сапоги. Эта артель поощряла на большее. И весной 1869 г. Ф. Щербина вместе со своими четырьмя товарищами по духовной семинарии (братьями Григорием и Яковом Попко, Кириллом Грачевым и Василием Архангельским), бросив учебу, выехал на Кубань, где в станице Бриньковской они организовали первую в России интеллигентскую земледельческую артель, форму ассоциации, наиболее сложную для практического претворения в жизнь. Работу в ней он называет “первыми порывами осуществления идеальной формы труда” (9). Артельщики ставили цель претворить на практике идеал хозяйствования на принципах коллективного труда, не прибегая к эксплуатации наемных рабочих, «творить идейное, великое и послужить примером другим» (10).

Своей земли у ставропольских романтиков, естественно, не было. Поэтому они вынуждены были арендовать ее у местного священника Петра Станицкого “исполу”, сумев увлечь его своими идеалистическими замыслами в знакомой ему сфере жизни. Вся деятельность ассоциации подразделялась на два вида: непосредственно земледельческая и “идеологическая” работа - живой пример образцового ведения хозяйства и общей взаимопомощи. Позднее в своих воспоминаниях Ф.А. Щербина отмечал, что “фактически эта деятельность носила черты пропаганды по крайней мере в вопросе о важном значении для народа земледельческих ассоциаций” (11). Первоначально мысль о том, что вся станица Бриньковская последует их примеру, представлялась бывшим семинаристам вполне реальной, но впоследствии они убедились, что заражение их идеалами было невелико, “если не сказать, просто ничтожно”, хотя за практической помощью к артельщикам местные жители обращались часто (12).

В ходе осуществления самой идеи совершенно отчетливо обозначились такие затруднения, как недостаток земледельческого (а скорее всего, полное его отсутствие) опыта у самих кооператоров и настороженное отношение к новшеству со стороны станичных казаков, иногда считавших, что артельщики находятся “в связи с нечистой силой” (13).

Через два с половиной года попытка организаторов земледельческой артели мирно “вжиться в капитализм”, не меняя коренных устоев существующего государственно-политического устройства России, не получив массовой поддержки со стороны местного населения, закончилась крахом.

Было принято решение: задуманное предприятие следует на время приостановить, а для более успешного проведения социального эксперимента предварительно отправить в Петровскую земледельческую академию Ф. Щербину и Г. Попко, чтобы они набрались там специальных агрономических знаний.

Таким образом, осенью 1872 г. Ф. Щербина становится студентом одного из лучших высших учебных заведений страны, являвшимся к тому же наряду с Московским университетом центром распространения народнических идей. Его учеба в академии пришлась на то время, когда передовая молодежь, увлеченная идеями П. Лаврова и М. Бакунина, готовилась к “хождению в народ”. В это время он придерживался идей самого спокойного течения в народничестве – лавристско - пропагандистского. Однако принять участие в “хождении в народ” с целью поднятия его путем пропаганды на свержение существующего

режима он отказался, ссылаясь на собственный опыт такого “хождения” и неудачную организацию бриньковской артели.

В других же делах Ф. Щербина солидарен с демократически настроенными студентами. Он принимает активное участие в протесте учащейся молодежи против порядков в академии, в результате чего вынужден покинуть это учебное заведение и вместе со своими товарищами переезжает в Одессу и становится студентом естественного отделения физико-математического факультета Новороссийского университета.

В Одессе Ф. Щербина установил контакты с Е.О. Заславским, организатором первой в России рабочей организации – “Южно российский союза рабочих”. По мнению С.И. Мартыновского и историка В.А. Загоруйко, Щербина был участником этого “Союза” и даже наряду со своим другом Г. Попко играл в нем большую роль(15). Федор Андреевич решил вести революционную пропаганду среди рабочих, а не сельского населения, как это делали народники. Он имел собственный кружок из рабочих, обещал группе рабочих достать деньги на устройство мастерской с условием, “чтобы в ней учились мастерству несколько человек студентов”, которых в последующем предполагалось направить под видом рабочих в деревню (16). По существу, это была чисто народническая практика, т.е. рабочим не отводилось самостоятельной роли в революционной борьбе, в дальнейшем они должны были пропагандировать среди крестьян.

Кроме того, находясь в Одессе, Ф. Щербина и Г. Попко организовали лавристско - пропагандистский кружок “башенцев”, просуществовавший с 1875 по 1877 год.

В последнее время Л.М. Галутво путем грубой фальсификации источников предпринята попытка “отлучить” Ф.А. Щербину от революционного движения в Одессе, от участия его в кружке “башенцев” (17). “Методы исследования” Л. Галутво требуют специального рассмотрения. Здесь же отметим, что сам Ф. Щербина в своих воспоминаниях, не выпячивая своей активной роли в революционном движении, тем не менее, писал, что находился хотя и в “скромном соприкосновении с революционными делами”, но был “сторонником революционной пропаганды” и своим человеком в этом деле. “Все мы (т.е. Попко, Волощенко и Щербина – Б.Т.) принадлежали тогда к той группе студентов, которая именовалась “башенцами”(18).

Авторская точка зрения по этому вопросу остается прежней: Федор Щербина, участь в Новороссийском университете, под влиянием общего подъема освободительного движения в стране, и в частности “хождения в народ” 1874 г., примкнул к революционному народничеству (его

лавристско - пропагандистскому крылу), установил непосредственные связи с рабочими и вел среди них пропаганду.

После двукратного ареста, изнурительного следствия и высылки 31 марта 1877 г. из университетского города в Вологодскую губернию, он отходит от активной революционной деятельности и эволюционирует, впрочем, как и большинство других народников после первоапрельского (1881г.) убийства императора Александра II, в сторону народничества. Он на долгие годы сосредоточивается в основном на научной работе, принесшей ему не только кубанскую, но и всероссийскую известность.

По окончании ссылки в конце 1880 г. Щербина живет и работает на Кубани, а с 1884 г. его судьба на целых двадцать лет связывается с Воронежской губернией.

В воронежский период своей жизни Федор Андреевич является сторонником умеренно-либеральной народнической теории “малых дел”, целиком сосредоточившись, как заведующий статистическим бюро Воронежского земства, на организации и проведении земских статистических обследований крестьянских хозяйств Воронежской губернии. При нем статистическое бюро стало своего рода либеральным центром, в котором нашли “приют” многие в прошлом судимые народники (Полянский, Колесников и др.). По справедливости оно признавалось лучшим в России. Сам Ф. Щербина вошел в историю отечественной бюджетной статистики как ее основоположник. Даже его идеологические противники называли издания Воронежского земско-статистического бюро шедевром земской статистики (19).

В 1902 году Щербина принял активное участие в либерально-оппозиционном движении Воронежского земства, толчком к которому послужило начало деятельности виттевского Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Ф.А. Щербина был избран председателем комиссии для составления доклада с целью последующей его отправки в Особое совещание. Доклад этот под названием “Сельскохозяйственные нужды Воронежского уезда и меры по их обеспечению” представлял собой объективный анализ тяжелого положения предреволюционной воронежской деревни, выйти из которого “без коренного изменения тех общих условий, в которых находится хозяйство, нельзя”. По мнению воронежских либералов, для достижения “коренных изменений” и прогресса в хозяйстве необходимо было развитие самодеятельности в населении, улучшение крестьянского просвещения и т.д. и т.п. Естественно, что либералы не связывали улучшение положения крестьянских масс с коренным изменением, а тем более ниспровержением самодержавного режима в стране. В самой осторожной форме

воронежские земцы предлагали ввести конституционную монархию. Однако и этого хватило, чтобы подвергнуть оппозиционных земцев репрессиям за то, что они, согласно посланию В.К. Плеве на имя императора Николая II, публично обсуждали предложения о введении в стране представительного правления: расширения прав земских учреждений и введения постоянного органа самоуправления в форме всероссийского земства. Все это было расценено, как стремление “поколебать существующий порядок”.

Без всякого суда и следствия в административном порядке наиболее активные воронежские земцы были наказаны, в том числе Ф. Щербина, отстраненный от должности и обвиненный, согласно жандармскому документу, “в политической неблагонадежности”. В марте 1903 он был сослан в свое имение Джанхот в Черноморской губернии и подчинен гласному надзору полиции на пять лет (20).

Прибыв на Кубань, Щербина главным образом занимался научным творчеством: при содействии своих помощников, отбравших в войсковом архиве необходимые ему документы, он подготавливал “Историю Кубанского казачьего войска”. Обращает на себя внимание тот факт, что среди этих помощников были не только оппозиционно настроенные к режиму люди, но и революционеры. В их числе один из организаторов первого состава Кубанского комитета РСДРП А. Щербинин и знаменитый в будущем украинский государственный деятель С. Петлюра, находившийся под надзором кубанской жандармерии за хранение и распространение революционных листовок. В фондах Государственного архива Краснодарского края сохранилась секретная переписка Кубанского областного жандармского управления, из которой видно, что С.В. Петлюра, будучи “под особым надзором полиции”, в 1904 году нередко бывал в имении Ф.А. Щербины, иногда до двух месяцев. В результате “перекрестного” наблюдения за обоими поднадзорными летом того же года полиция установила, что “на даче “Джанхот” у Щербины собирается много неблагонадежного элемента под предлогом совместной обработки заключительного описания архивных работ Кубанской области” (21).

Необходимо отметить, что практика привлечения к своим исследованиям политических ссыльных и других “неблагонадежных” лиц осуществлялась Федором Андреевичем и раньше: в период работы в Воронежском земстве, а также в Акмолинской, Семипалатинской и Турганской областях (с 1896 г.), за что он, естественно, испытывал определенные “неудобства” со стороны местных властей (22). Кстати, экспедиция Щербины в Степной край дала лучшие работы по изучению

землепользования, хозяйственного быта киргизов и экономического положения переселенцев.

В предисловии к “Истории Кубанского казачьего войска” Ф.А. Щербина называет некоторых своих сотрудников, помогавших ему в подборе и извлечении необходимых архивных дел, в том числе и С.В. Петлору, однако фамилии других помощников, принадлежавших к социал-демократической партии, он, по понятным причинам, умалчивает. Кроме вышеупомянутого А. Щербинина, “служили по вольному найму в Кубанском областном правлении по разбору архивных материалов” еще В.И. Базикин и С.С. Секретов – казаки области Войска Донского, организовавшие 23 января 1905 г. в Дмитровской церкви г. Екатеринодара разбрасывание прокламаций, содержавших призыв к ниспровержению существующего в Российской империи самодержавного образа правления, за что были приговорены Новочеркасской судебной палатой к заключению в крепости (соответственно на 12 и 8 месяцев). Можно думать, они доставили немало неприятностей своему добродетелю (23).

Однако случавшиеся “проколы” в подборе помощников, которые, впрочем, можно было предугадать, не заставили Ф. Щербину отказаться от помощи активным участникам революции 1905-1907 гг. на Кубани. В 1906-1907 гг., когда шло следствие по делу Черноморского комитета Всероссийского крестьянского союза, он предоставил властям залог в размере 10 тысяч руб. с тем, чтобы арестованные лидеры данной организации (М. Коган и И. Анисимов) были выпущены на свободу (24).

Привлечение к своей работе над “Историей Кубанского казачьего войска” радикальных социал-демократов, конечно, вовсе не означало того, что Федор Андреевич разделял их взгляды на способы борьбы и переустройства общественной жизни в России. Как центрист, он отрицательно относился к партийной нетерпимости социалистических партий, бывших не в ладах с холодным объективизмом в вопросах теории и практики революционного движения. В своих воспоминаниях, писавшихся 11 лет спустя после окончания первой российской революции, он отмечал три греха революционных партий, которыми они вредили в целом общественному движению, но больше всего самим себе: нетерпимость, игнорирование действительности и уроков истории и идеалистическое верхоглядство. Самыми нетерпимыми он считал социал-демократов большевистского толка, если не проваливших, то, по его мнению, ускоривших провал революционного движения 1905-1907 гг. Ф.А. Щербина явно критически относился к их партийным трафаретам, готовым меркам и идейным шаблонам (25).

В период первой российской революции Щербина принадлежал к

партии народных социалистов умеренного, отколовшегося от правых эсеров, крыла. Об этом свидетельствуют собственноручно заполненные и подписанные им сведения как члена II Государственной думы от казачьего населения Кубанской области. Кроме того он состоял в Казачьей группе (26) и входил вместе с другим кубанским депутатом Л.Ф. Герусом в состав аграрной комиссии (27).

Депутаты от кубанских казаков (кроме Ф.А. Щербины, П.Г. Кудрявцев и К.Л. Бардиж) соединились с депутатами от Донского, Уральского и Сибирского казачьих войск в Казачью группу. Своей задачей она ставила добиваться освобождения казачества от полицейских обязанностей и улучшения его быта. Эта группа и народные социалисты составляли центр II Государственной думы (28).

В области аграрного вопроса, составившего основу деятельности этой Думы, кубанские казаки стояли на точке зрения превращения всех категорий земель (в том числе и частновладельческих) в общевойсковой земельный фонд. То была эгоистическая программа, не предусматривавшая положительного решения земельного вопроса для жителей невойскового сословия, составлявших к январю 1905 г. 55,2% всего населения Кубанской области. Ф.А. Щербина поддерживал эти программные установки, предусматривавшие наделение иногородних земель, но вне пределов казачьих войск, что вполне укладывалось в его теорию о земельной казачьей идеологии (29).

В переломном 1917 г. и в последующее время Ф.А. Щербина находился в рядах демократической оппозиции как по отношению к февральской революции, так и в особенности к октябрьскому перевороту. Он состоял членом Кубанского краевого правительства, находившегося в оппозиции как к буржуазному Временному правительству, так и Советскому, а затем и буржуазно-помещичьему денкинскому, продемонстрировавшему неприятие любой диктатуры, в какие бы одежды она не рядилась. Поиск “своего”, “третьего” пути общественного развития в рамках ограниченной территории неизбежно вел к попыткам создания самостоятельного, обособленного государства. В условиях обостренного противоборства двух диктатур (советской и буржуазно-помещичьей) такие попытки неизбежно должны были закончиться крахом (30).

Кроме работы в Кубанском краевом правительстве, Ф.А. Щербина был избран председателем Верховного суда Кубанского казачьего войска, членом Законодательной Рады и Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Вместе с тем он являлся профессором первых высших учебных заведений на Кубани: Северокавказского и Кубанского политехнических

институтов, некоторое время редактировал неофициальную часть газеты “Вольная Кубань”, органа Кубанского краевого правительства. Его многочисленные статьи в этом печатном органе, а также выпущенная уже в эмиграции работа “Законы эволюции и большевизм”, не оставляют никаких сомнений в неприятии им революционной теории и практики большевиков, называвших себя наследниками К. Маркса. Он оспаривает последний тезис и пишет, что, по его мнению, радикальные социал-демократы, никто иные, как самозванцы, и “К. Маркса никак нельзя считать виноватым за те метаморфозы, которые определили русские “марксисты” (31).

Большевиков он называет не иначе, как “палачами”, исповедующими практику “государственного бандитизма” (32). Свои действия, пишет он в “Вольной Кубани”, большевики “прикрывали покровом великой цели – большевистского рая, равенства или, по их терминологии, истребления буржуев”. Лидеры радикальных социал-демократов “были заражены необычайным самомнением”, действительная же их роль, как считал Ф.А. Щербина, “была разбойничьей” (33).

Вынужденно эмигрировав из России в Чехословакию (через Югославию) в 1920г., Щербина оказался уже в иных условиях и сосредоточился главным образом на учебной и научной работе, теперь уже окончательно отойдя от политической борьбы: работал профессором статистики, ректором и деканом в Украинском университете (Прага) и в Украинской хозяйственной академии в Подебрадах.

Если условно провести прямую линию, соединяющую две точки – начало и конец общественно-политической деятельности Ф.А. Щербины, - и попытаться определить эволюцию его политических взглядов, то мы не увидим в ней резких зигзагов влево и вправо. В основном эти колебания сконцентрированы ближе к намеченной осевой линии. Он не монархист, но и не радикал (даже в годы юности), а центрист, сторонник постепенного и неспешного, без резких изменений развития общественной жизни.

Как народник, он исходил из самобытности русского экономического строя по сравнению со странами Западной Европы. Однако взгляд Щербины на “народ” был все-таки своеобразен и в какой-то степени предопределен его принадлежностью к казачьему сословию. На завершающем отрезке общественно-политической деятельности на его видение “народа”, несомненно, оказывал влияние новый статус состоятельного человека, обладавшего 100 дес. земли, промышленными посадками виноградников, винодельней и коммерческими купальнями в

Геленджике. Применительно к родной ему Кубанской области, он, выступая за “народ”, понимал под ним только казаков, иногородние же крестьяне выпадали из сферы “забот” на предмет улучшения их экономического и правового положения.

Казачья и буржуазная ограниченность взглядов Ф.А. Щербины не дает веских оснований считать его выразителем широких народных масс. Она вполне логично и закономерно привела Щербину в лагерь тех, кто в 1917-1920 гг. яростно боролся за сохранение казачьих привилегий против тех, кто стремился эти привилегии ликвидировать. Хотя, с другой стороны, если рассматривать указанные события в широкой исторической перспективе, то методы быстрого и радикального изменения общественно-политического строя России не выдерживали никакой критики и вполне справедливо осуждались Ф.А. Щербиной.

ИСТОЧНИКИ:

1. Государственный архив Краснодарского края (далее - ГАКК). Ф.764. Оп. I. Д. 95. Л.225.
2. ГАКК. Ф.764. Оп. I. Д. 95. Л.237.
3. Там же. Л.247.
4. Там же. Л. 385, 398.
5. Там же. Л. 519, 520.
6. Там же. Л. 519.
7. ГАКК. Ф.774. Оп. I. Д.94. Т. 2. Ч. I. Л.209 .
8. Там же.
9. ГАКК. Ф.774. Оп. I. Д.95. Л.384; Вольная Кубань (Екатеринодар). 1918. 5 сент.
10. ГАКК. Ф.774. Оп. I. Д.94*. Т.2. Ч. I. Л.235 об. 236.
11. ГАКК. Ф.764. Оп. I. Д.97*. Т.2. Л. 50.
12. ГАКК. Ф.764. Оп. I. Д.94*. Т.2. Л.238.
13. Там же.
14. ГАКК. Ф.764. Оп. I. Д.97*. Т.4. Л.47.
15. Мартыновский Г.И. Кружок Е.О. Заславского // Южнороссийский союз рабочих. (Николаев).-1924.-С.70; Загоруйко В.А. По страницам истории Одессы и Одесщины.- Одесса, 1960.- Вып.2.- С. 69.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф.112. Оп. I. Д.187. Л.52, 127.
17. Галутво Л.М. Общественно-политическая деятельность Ф.А. Щербины: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук.- Краснодар, 1993.- С. 44, 45.
18. ГАКК. Ф.764. Оп. I. Д.97*. Т.4. Л.70.

19. Гурвич И.А. Экономическое положение русской деревни.- М., 1941.- С.1.
20. ГАКК. Ф.584. Оп.1. Д.193. Л. 124-124об.
21. ГАКК. Ф.584. Оп.1. Д.194. Т.1. Л.69.
22. Щевцов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка.- М., 1928.- № 3(40).- С.69, 82,83.
23. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.41. Оп.2. Д.38. Л.88, 113, 114, 132, 135, 155.
24. ГАКК. Ф.584. Оп.1. Д.240*. Л.668,676; ГАРО. Ф.41. Оп.2. Д.405. Л.205, 210.
25. Вольная Кубань (Екатеринодар).- 1918г.- 5сент.
26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1278. Оп.1. (2-й созыв). 1907г. Д,788. Л.1-2.
27. РГИА. Ф.1278. Оп.1.(2-й созыв). 1907г. Д.788. Л.1-2.
28. Степь широкая (Екатеринодар).- 1907г.- 18 марта.
29. См. ГАКК, Ф.764. Оп.1. Д.85.
30. См. Зайцев А.А. Контрреволюция Кубани и Черноморья в 1917-1920гг.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук.- Ростов н/Д, 1990.- С.17-18.
31. Щербина Ф.А. Законы эволюции и русский большевизм.- Прага, 1922.- С.166-167.
32. Вольная Кубань (Екатеринодар).- 1918.- 13 янв.
33. Вольная Кубань (Екатеринодар).- 1918.- 28 янв.

Боук Б.М. (США)

ЯЗЫКОВЫЕ ВОПРОСЫ В ТРУДАХ Ф.А. ЩЕРБИНЫ.

Во всем мире проблема определения границ между языками и диалектами обычно выходит за рамки лингвистики и затрагивает острейшие вопросы национального и этнического самосознания и государственной языковой политики. Часто бывает, что сами лингвисты не могут найти согласия между собой о присвоении “диалекту” статуса языка или установлении его точной принадлежности к тому или иному языку. Ярким примером того являются споры о речи Македонии, которую одни ученые называли диалектом болгарского, другие именовали диалектом сербского, а третьи определяли как самостоятельный язык. (В качестве четвертой партии выступали и греческие ученые. Хотя им статус македонской речи был безразличен, они настаивали, что речь

Македонии не имеет никакого права называться македонской, так как это название исконно “принадлежит” грекам.). Языковые вопросы настолько политизированы, что многие ученые пришли к выводу, что часто не наука, а политика имеет решающее слово в языковых спорах. Формула “Язык – это диалект, который имеет свою армию и морской флот” отражает циничный взгляд многих западных ученых на языковые споры.

Учитывая вышеизложенное, эта статья не затрагивает проблему кубанской речи в прошлом и настоящем. Ввиду того, что эта проблема является дискуссионной, и к тому же недостаточно разработанной, нашей задачей является освещение взглядов выдающегося кубанского историка Ф.А. Щербина на языковой вопрос в Черномории во второй половине девятнадцатого века.

Прежде всего, надо подчеркнуть, что в условиях царской национальной политики открытая дискуссия в печати о вопросах языка и самосознания восточных славян была затруднена, а порой и невозможна. Задача данного исследования также осложнена тем, что общепринятые нормы и термины, санкционированные государством, не всегда отражают реальное бытование этнических терминов и самоназваний.

В своих ранних работах Ф.А. Щербина часто называл речь черноморцев “малороссийской”. Например, в некрологе П.П. Короленко, в 1913 он писал: “Как малоросс по происхождению, всю свою жизнь говоривший большею частью на малороссийском языке, Короленко отдал, следовательно, известную дань и “родной мове””. (ОЛИКО. VI. 1913, 9)

Но уже в 1912 году мы имеем сведения, что Щербина признал существование “украинской речи и культуры” на Кубани (ОЛИКО. V. 1912, 192). Все больше он в своих печатных работах отдает предпочтение терминам, связанным со словом “Украина”.

В эмиграции Щербина состоял членом в организациях, (и даже возглавлял их) называвших себя украинскими, и преподавал в украиноязычных заведениях. Поэтому неудивительно, что в своих мемуарах он называет черноморскую речь украинской (1). Тот факт, что он устойчиво использует термин “украинский язык”, когда говорит о речи черноморцев, показывает, как он в тот период охарактеризовал языковой вопрос Кубани.

Тем не менее, мемуары Щербина дают многочисленные и интересные представления о языковой ситуации на Кубани во второй половине девятнадцатого века. Он пишет: “В том положении в каком

находилось тогда казачество, русский язык был не культурною ценностью, а господствующим государственным языком, дававшим известные выгоды тем, кто владел им. Дома же черноморские казаки и даже на службе, в канцеляриях и т.п. говорили на своем украинском языке.” (Т.3., 297) Другие примеры показывают, что было трудно усвоить русский язык в черноморской среде (Т.3., 128, 268, 282, 294) и что русские плохо понимали речь черноморцев (Т.3., 244, 247).

Неравный статус двух основных восточнославянских языков также прослеживается в воспоминаниях кубанского историка. Когда среди черноморцев владение русским языком считалось признаком “культурных” людей, престиж речи черноморцев среди приезжих русских был невелик. Щербина приводит несколько примеров русских, которые отказались использовать язык черноморцев. Сложившаяся социолингвистическая ситуация представлялась Щербине не как естественный процесс, а как результат “насильственного давления Великорусского правительства на украинский язык и нравы”. (Т.4, 122). Лишенные возможности учиться и публиковаться на своем наречии, украинцы пользовались русским языком.

В связи с исчезновением личного архива ученого, трудно судить, значительно ли изменились взгляды Щербины в течение его жизни. Использование термина “Малороссия” и от него образованных определений в условиях цензуры само по себе не может иметь огромного значения. Были ли украинские симпатии в эмиграции исключением в его жизни или нет, с точностью определить невозможно. Но пример Ф.А. Щербины дает очередную возможность убедиться в том, что высказываниям по языковым вопросам трудно дать однозначную оценку.

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАКК. Ф.764. Оп. 1. Ед. хр. 95-97.

Карачевцев В.Ф.

Ф.А. ЩЕРБИНА И В.Г. КОРОЛЕНКО В ДЖАНХОТЕ

В конце 80-х годов, когда Геленджик только начинал развиваться как небольшой и дешевый курорт, Ф.А. Щербина построил здесь дом с хозяйственными постройками, оранжереей и садом. Вскоре он облюбовал неподалеку от Фальшивого Геленджика (сейчас – село Дивноморское) совершенно необжитое, заросшее кустарником и лесом

ущелье, выходящее к открытому морю небольшой живописной бухтой, приобрел там земельный участок (около 100 десятин), проложил к нему дорогу от Фальшивого Геледжика и построил капитальную усадьбу с двухэтажным особняком, каменными флигелями для прислуги и различных служб, скотным двором и большой каменной винодельней, разбил большие виноградники и сады. Своему имению ученый дал название “аул Джанхот”, вероятно, по имени адыгейского узденя, аул которого был здесь когда-то. Позже это название перешло на имения соседних землевладельцев, а затем и на возникший в ущелье хутор.

Писатель Владимир Галактионович Короленко познакомился с Щербиной Ф.А. в начале 90-х гг., когда жил в Нижнем Новгороде. Судя по письмам родственников, вся семья Короленко В.Г. и его младший брат Илларион Галактионович, работавший страховым инспектором в Сибири, тоже были знакомы со Щербиной. Позже, живя уже в Петербурге, писатель часто встречался с ученым в редакциях столичных журналов. Но только в 1898 году судьба свела Короленко В.Г. и Щербину Ф.А. поближе.

Брат писателя в последние годы часто жаловался на свое здоровье, мечтал приобрести на Черноморском побережье земельный участок (участки здесь были сравнительно дешевые), бросить службу и заняться хозяйством. Он просил съездить на Черноморское побережье и подыскать для него землю. Писатель, зная, что Федор Андреевич имеет усадьбу в Джанхоте, обратился к нему за советом. Тот любезно согласился помочь и пригласил Короленко к себе в Джанхот. Писатель приехал 2 июля (ст. ст.) 1898 г. Щербина Ф.А. радушно встретил его, показал свое хозяйство, два дня лазал с ним по горам, знакомя с соседним земельным участком и принял самое деятельное участие в оформлении купчей сделки. Предыдущий хозяин участка, надворный советник из Воронежа, которого Щербина Ф.А. три года назад сагитировал приобрести землю, ничего капитального здесь не построил и не возделал, а приезжал только на отдых. Щербине Ф.А. это не нравилось - он хотел иметь своими соседями людей деловых, которые усадьбы строили бы капитально, возделывали бы виноградники и сады, занимались хозяйством и вкладывали свои средства в благоустройство и поднятие культуры необжитого еще побережья. Разумеется, Щербина Ф.А. надеялся на писателя и его брата и хотел, чтобы они были его соседями по имению. Живописное глухое ущелье и продаваемый участок писателю понравился, о чем он подробно написал брату, советуя купить землю и очень тепло отзывался о Щербине как о человеке энергичном и предприимчивом, готовом оказать всяческие услуги.

Брат писателя, Илларион Короленко, оправдал надежды Щербины:

купил землю (1899 г.), проложил дороги, разбил плантажи для садов и виноградника, по рисункам брата-писателя и при его непосредственном участии построил двухэтажный дом (1902), в котором затем каждое лето отдыхали все родственники Короленко и их друзья. В 1912 году Илларион Короленко построил флигель, хозяйственные помещения, благоустроил усадьбу и поселился здесь с семьей.

Писатель приезжал в Джанхот 9 раз, с 1898 по 1915 г., в основном летом на несколько месяцев, иногда дважды в год. Отдыхая, успешно занимался литературным творчеством, часто встречался с Ф.А. Щербиной. Несколько раз они ездили верхом на лошадях через горы в ближайшие селения, в интеллигентскую земледельческую колонию “Криница”, в хутора переселенцев. Щербину Ф.А. всюду хорошо знали, уважали за глубокие знания жизни земледельческих хозяйств, за деловые советы и оказываемую им помощь. Летними вечерами на веранде дома Короленко часто собиралась большая компания из хозяев и гостей. Бывал там часто и Ф.А. Щербина. За чаепитием засиживались допоздна, делились новостями о событиях в стране и в мире. В 1903 году Ф.А. Щербина, снова попав в число политически неблагонадежных, был административно выслан из Воронежа в свое джанхотское имение под гласный надзор полиции, где приступил к работе над капитальным трудом “История Кубанского казачьего войска”. И наверняка, он нашел в писателе достойного собеседника, прекрасно понимающего проблемы казачьего сословия, так как тот сам глубоко изучал архивные материалы уральского казачества времен Пугачева, изъездил не одну уральскую станицу, беседовал со старыми казаками и написал свой замечательный очерк “У казаков”.

В.Г. Короленко и Ф.А. Щербина по своим характерам были людьми разными, они работали в разных областях и вращались в разных кругах, но в их прошлой жизни, особенно в молодые годы, было столько много общего, что это сближало их, давало темы для бесед при встречах, делало их интересными друг для друга.

Короленко В.Г. восхищался работоспособностью, энергичностью Щербины Ф.А. и был признателен ему за ту помощь и поддержку, которую он оказывал брату, но друзьями они не стали. После последнего приезда Короленко В.Г. в Джанхот на похороны своего брата (1915 г.) встречи их прекратились и жизненные пути разошлись.

ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ В ТРУДАХ Ф.А. ЩЕРБИНЫ

Существуют различные подходы к определению понятия “региональная культура”. Но как быть с определением этого понятия в условиях привнесения в культурную среду новых компонентов, связанных с целенаправленным переселением людских контингентов с иной культурной традицией? В современной культурологии утверждается понятие “краевая культура” (1). С нашей точки зрения, это понятие во многом тождественно понятию “региональная культура”, которую можно определить как совокупность культурных явлений, характеризующих определенную территорию, на которой проживают люди одной или нескольких национальностей, которая имеет свои специфические особенности, отличающие её от других регионов данной страны.

Под культурой же нами понимается определенная совокупность социально приобретенных и транслируемых из поколения в поколение значимых символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность.

Значительное место в творчестве историка Ф.А. Щербины отведено проблемам изучения региональной культуры. Этому вопросу посвящены целые разделы в таких крупных трудах, как “Исторический очерк Кубанского казачьего войска”, “История Кубанского казачьего войска”, “Происхождение казачьего выборного духовенства в Черномории” и др.

Культура черноморского казачества своеобразна . “Черноморцы, - по свидетельству Ф.А. Щербины, - создали совершенно новые формы казачьей жизни, формы, в основе которых...лежали и старинные казачьи идеалы, но на иной уже совершенно подкладке” (2).

Переселение Запорожского казачества на Северо-западный Кавказ создало своеобразный анклав украинского населения, отделенного в силу ряда исторических причин от своей Родины. И хотя связи новоселов со своим прежним местом обитания не прерывались, их новое положение накладывало свой отпечаток на их образ жизни, хозяйственные занятия, быт, культуру и т.п. Для этого были вполне конкретные причины природного характера, инационального окружения. Вместе с объективными причинами к изменениям культурной жизни запорожцев привел “исторический ход событий, обстоятельства внешние, которые должны были сузить приволье казачьей жизни. казачество работало,

несомненно, в духе своих старинных идеалов и сумело разбить бессемейную Запорожскую Сечь на сорок мелких черноморских сечей, в основу которых... должно было лечь “распространение семейственного жития” (3).

Переход от бессемейного к семейному быту по сути кардинально повлиял на материальную культуру черноморского казачества. Это внесло свои коррективы в формирование типа жилища, пищевого рациона, изменило внутреннее убранство жилища, орудия труда и многое другое. Многое было и сохранено. “Главную подавляющую массу казачества составили малороссы, -свидетельствует А.Ф. Щербина, - придавшие всему складу жизни чисто малорусский характер. Язык, нравы, обычаи, песни и устная народная поэзия, костюм – в особенности женский, способы ведения хозяйства и т.п. – все это было малорусским”.

Для бессемейной Запорожской Сечи не было актуальным земледелие. В течение первых 70-80 лет пребывания на Кубани земледелие не занимало сколько-нибудь важного значения и в хозяйственных занятиях черноморского казачества. Ввиду отсутствия навыков земледелия в прошлом новые формы хозяйствования приходилось осваивать уже на новом месте. Здесь большую роль сыграли заимствования у автохтонных народов, а также у пришедшего в более позднее время славянского населения. В первые десятилетия с поселением в Черномории “казаки повели свою хозяйственную деятельность в духе тех приемов, какими характеризовалась экономическая жизнь Запорожья. Земледелие было слабо развито, главный промысел первоначально составляло скотоводство и отчасти рыболовство” (4). На весь Северный Кавказ славились табунные лошади и серый круторогий скот, выведенные черноморцами.

В культурологии культуру анклава принято обозначать как культуру национальной совокупности людей, живущих на определенной территории или ее части, окруженной со всех сторон территорией одного или нескольких государств. Применить в чистом виде к ситуации с развитием культурной жизни в Черномории это понятие, видимо, нельзя, т.к. Северо-западный Кавказ к этому времени стал частью территории России и слился с ее корневой территорией, но вместе с тем, что совершенно очевидно, произошло отселение части украинского народа и помещение ее в новые реалии. Это не могло не отразиться на своеобразии развития культурной жизни, в результате чего в сфере материального производства произошли изменения, отразившие особенности местных условий.

ИСТОЧНИКИ:

1. Хоруженко К.М. Культурология. – Ростов н/Д, 1997.-С.222;
2. Кубанское казачье войско (1696-1888).- Воронеж, 1888.-С.61;
3. Там же, с.74;
4. Там же, с.101.

Чумаченко В.К.

Ф.А. ЩЕРБИНА: ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ (1920 – 1936)

Выдающийся кубанский ученый Ф.А. Щербина навсегда покинул родину в 1920 г. в составе официальной делегации по сохранению Кубанских казачьих регалий. В 1921 г. из Югославии, где регалии нашли свое временное пристанище, он перебрался в Прагу, ставшую одним из признанных центров российской эмиграции, наряду с Берлином и Парижем. Что касается кубанской интеллигенции, то именно здесь со временем осели практически все ее видные представители: Л. Быч, К. Безкровный, А. Балабас, М. Башмак, Г. Белый., В. Иванис, И. Ивасюк, П. Макаренко, Г. Омельченко, П. Сулятицкий, С. Федоров-Лантух и др., пополнившие ряды профессуры созданных в чешской столице украинских учебных заведений.

Эмигрантский период своей жизни сам Ф.А. Щербина не без основания называл “украинским”. “Наибольшее внимание и работы я отдаю “Обществу кубанцев в ЧСР”, двум видным учебным заведениям - университету и академии, - писал он 21 ноября 1926 г. ученому-энциклопедисту Николаю Александровичу Рубакину, - и особенно много труда прилагаю к науке и лекциям для студентов”. Речь в письме идет об Украинском вольном университете в Праге и Подебрадской господарской академии, профессором которых он был. Выбор сделан сознательно, без всякого давления со стороны жизненных обстоятельств. Ведь в чешской столице русских учебных заведений различного уровня было не меньше украинских. Свое неожиданное “украинство” Федор Андреевич объяснил так: “Да, я, Щербина, украинец и “української мові” (языку) начал учиться на 69 году своей жизни. Как-то вспомнилось мне в этом возрасте моя мать и те ласковые материнские слова на украинском языке, которые ласкали меня в детстве... Точно меня обухом по голове кто треснул. Я - украинец и не говорю и не пишу на материнском языке? И я начал писать и говорить по-украински... Тем не менее у меня и раньше, и теперь

превалировали и преваляют общечеловеческие идеалы, не позволяющие мне мириться ни с войнами, ни с фактами кровавых революций, ни с разнузданною партийной борьбою...”

Украинский Вольный Университет был открыт 17 января 1921 г. в столице Австрии Вене. Он стал первым в европейской истории вузом, осуществившим идею вольного вузовского обучения в эмиграции. Осенью того же года УВУ был передислоцирован в Прагу в связи с объявленной чехословацким правительством программой гуманитарной помощи беженцам из бывшей Российской империи. Благодаря полученной материальной и правовой поддержке, университету удалось собрать в своих стенах лучшие интеллектуальные силы украинского зарубежья. Занятия в Праге начались 23 октября на двух факультетах - философском и юридическом. Преподавательский состав сложился из профессоров бывших австрийских и российских университетов, среди которых видим Д. Антоновича, Л. Билецкого, О.А. Волошина, И. Горбачевского, Д. Дорошенко, А. Яковлева. Занятия начались с зимнего семестра 1921 -22 учебного года.

По изданиям университета можно проследить, как складывалась в УВУ научная карьера Ф.А. Щербины. С 1922 г. он значится профессором статистики и членом Ученого Совета. В 1922 -23 г. - деканом факультета права и общественных наук, в следующем году - продеканом, в 1924 -25 г. - ректором университета, в следующем - проректором. Всего же он преподавал в украинском университете на протяжении 19 семестров. Лекции Федор Андреевич начал читать летом 1922 г. Вначале этот был курс “Общей и украинской статистики”, потом к нему последовательно добавлялись курсы по статистике земской, сельскохозяйственной, бюджетной, кооперативной, теории статистики, одновременно он вел из года в год практические семинары. Объявления в эмигрантских журналах указывают, где проводились занятия (чаще всего это был читальный зал университета), а также домашний адрес профессора: Прага. Винограды, Колларова 8/ 10, где он прожил более 14 лет.

С 1923 г. начинается теснейшее сотрудничество Ф.А. Щербины со вторым высшим украинским учебным заведением Чехословакии - Подебрадской господарской (хозяйственной) академией. Подебрады - старинный чешский городок, насчитывавший в то время около 7 тысяч жителей. Расположен он на реке Лабе, на железнодорожной станции, в 50-ти километрах от Праги. Это был известный во всей Чехии курорт, славящийся своей углекислой минеральной водой, которой пользовались сердечников. Благодаря курортному статусу, город выстроил несколько комфортабельных гостиниц, пансионатов и утопающих в зелени вилл.

Летом в курортном парке два раза в день играл симфонический военный оркестр, работал небольшой театр, кинематограф, бар, дансинг. С осени и до весны жизнь в Подебрадах замирала.

Академия была открыта по инициативе чехословацкого правительства в 1922 г. в составе трех факультетов: гидро - технико-мелиоративного, агрономико - лесного и экономического. Четырехлетний курс обучения дополнялся годом подготовки дипломного проекта или дипломной работы, защита которых гарантировала получение звания дипломированного инженера.

Именно в создание Подебрадской господарской академии больше всего вложил своих личных трудов Ф.А. Щербина. Являясь председателем Общества кубанцев в Чехословакии - авторитетной эмигрантской организации, объединившей усилия казаков- линейцев, черноморцев и самостийников по сплочению кубанского землячества в Чехословацкой республике, - он постоянно выписывает из-за границы и определяет в высшие учебные заведения, прежде всего в Подебрады, талантливую кубанскую молодежь. Ехали главным образом из Сербии, Болгарии, Польши. Среди первых студентов Академии было много бывших кубанских офицеров, уже в годах, решивших продолжать свое образование, прерванное известными событиями гражданской войны. Таким образом, уже в первые годы существования Академии в ней насчитывалось более полусотни студентов-кубанцев, объединенных в Подебрадскую колонию со своим культурным центром.

Студенты-кубанцы входили во все академические организации, в том числе в "Академическую громаду", в студенческий кооператив-столовую "Украина", а в некоторых даже доминировали. Так, капитаном и лучшим игроком футбольной команды был кубанец Ал. Гончаров, студенческим церковным хором, в котором половина певчих была из числа кубанцев, управлял наш земляк Ф. Ерж. В академическом хоре выделялся бас-октава Ник. Богатырев, лучшим бандуристом-виртуозом не только в Академии, но и во всей Чехословакии считался кубанец Михайло Телига. А среди студентов-спортсменов кубанцы вообще не знали соперников, так как многие до поступления в ПГА прошли солидную гимнастическую подготовку в школе юнкеров и Кубанском военном училище в Сербии. Звездой местной хореографии был также кубанец - Дм. Крамаренко. За всеми перечисленными инициативами видна мудрая направляющая рука Ф.А. Щербины. Не случайно ведь, что, когда в студенческой кооперативной столовой "Наша хата" была открыта "кубанская комната", на почетном месте был выставлен кубанский зелено-малиново-синий флаг и портрет "козачого Діда". Щербина любил Подебрады. Пребывание в поезде во время поездки на

лекции в этот город он скрашивал сочинением на украинском языке большой эпической поэмы “Черноморцы”.

В эмиграции Федор Андреевич по-прежнему выступает как историк и общественный деятель, приступает к работе над мемуарами. 22 октября 1924 г. он избран действительным членом Общества им. Шевченко, для архива которого написал свою автобиографию. Участвует в работе Украинского историко-филологического общества, где им прочитаны доклады: “Идеали Запоріжжя не вмерли” и “Памяти О. Русова”. Возглавляет Общество изучения казачества и является членом Союза кубанских писателей и журналистов. Один из вечеров Союза - 9 апреля 1932 г. - был посвящен “Воспоминаниям” Ф.А. Щербина. А их публикация, растянувшаяся на долгие пять лет, началась в 1934 г. на страницах журнала “Казакія” под названием “Пережитое, передуманное, осуществленное”. Он также входит в правление Украинского книжного общества.

Умер Федор Андреевич Щербина 28 октября 1936 г. после тяжелой и продолжительной болезни. Его прах покойся на Ольшанском кладбище в Праге, в усыпальнице православной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы. В 1973 г. на Кубань была возвращена часть архива кубанского ученого, в том числе его лишь частично опубликованные при жизни четырехтомные воспоминания, статьи по статистике, а также написанные на украинском языке поэма “Черноморцы” и драма “Богдан Хмельницький”, не опубликованные до сих пор.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Ф.А. ЩЕРБИНЫ В ЭМИГРАЦИИ:

Предлагаемая библиография не носит исчерпывающего характера. Не все позиции удалось описать *de visu*. Тем не менее мы считаем, что и в таком виде, она заинтересует исследователей и станет шагом на пути к созданию полного библиографического указателя трудов Ф.А. Щербина.

1. Кардинальный вопрос текущего исторического момента // Крестьянская Россия. - Б.м., 1922.

2. Законы эволюции и русский большевизм. – Белград-Прага: Изд. рус. Кн. магазина “Русская мысль”: Славянское изд-во, 1921. - 261 с.

3. Статистика. - Подбради: Издавна. т-во при У.Г.А., 1922 - 1923. - вип. 1, зош. 1 - 16 с.; вип.1, зош. 2 - 12 с.; вип.1, зош. 3 - 105 с.; вип.2 - 30 с.

4. Значіння статистики як наукової експертизи// Науковий збірник українського університету в Празі. - Прага, 1923. - 12 с.

5. Сім'я славянських народів // Ювілейний збірник в честь професора доктора Станислава Дністрянського. - Прага, 1923. - 36 с.
6. Проблеми світової сільсько-господарської статистики // Нова Україна, 1923.
7. Статистика: історія статистики і статистичних установ -Прага: Український громадський видавничий фонд, 1925.- Вип. 1. - 288 с.
8. Основи світової сільсько-господарської статистики. Подебради: Видавниче т-во при Укр. госп. академії: У.Г.А., 1925.- 1У, 284 с.: табл.
9. Проблеми світової сільсько-господарської статистики. - Прага: Український інститут громадознавства, 1925. - 14 с.: табл.
10. Одеятельности Общества кубанцев в Чехословацкой республике: Кубань в прошлом и настоящем -Прага: Громада кубанців в Чехословацькій республіці, 1927. - 37 с. (отд. оттиск из сб.: Кубань. - Прага, 1926).
11. Класифікація потреб трудового населення в світлі бюджетних даних // Записки Української господарської академії в ЧСР Т.1. - Прага, 1927. - 19 с.: 8 табл.
12. Олександр Колеса / із звітлення Ф. Щербини. - Прага: Український вільний університет, 1927. - 7 с.
13. Еволюційні переміни в ідеології статистики. Інавгураційний виклад ректора Ф.А. Щербини // Український вільний університет в Празі в рр. 1921-26. - Прага, 1927.
14. Справоздання ректора проф. Федора Щербини про діяльність Українського вільного Університету в Празі за 1924 - 25 академічний рік // Там же.
15. Вступне слово // Наш край.- 1927.- №1. - С. 3-4.
16. Факты казачьей идеологии и творчества // Казачество: (Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем). - Париж, 1928. - С. 347 - 377.
17. Визначні риси кооперації і кооперативів // Кооперативна республіка (Львів), 1929.
18. Дарвінізм а звиречи асоціаце // Ческа мысл.- 1930.- № 3-4 (на чешском языке).
19. Казачьи герои и сподвижники. -Прага: Общество изучения казачества: Союз кубанских писателей и журналистов, 1930. - 31 с.
20. Воспоминания // Кубанское казачество. - 1932.- № 3.
21. Пережитое, передуманное и осуществленное // Казакия. -1934.- №№ 1-5; 1935.-№ 6 ; 1936.- №№ 1(7) - 11-12 (17-18); 1937.- №№ 1/2 (19-20) - 5 (23); 1938.- №№ 24 - 27.

Составитель В.К. Чумаченко

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

ПЕРЕПИСКА Ф.А. ЩЕРБИНЫ С Н.А. РУБАКИНЫМ

Сегодня имя выдающегося русского книговеда и библиофила Н.А. Рубакина (1862-1946) мало о чем говорит рядовому читателю, хотя за свою жизнь Николай Александрович успел издать 280 научно-популярных книг и брошюр на 28 языках мира, опубликовать 350 журнальных статей. Это был ярчайший деятель народного просвещения - его биографы зафиксировали переписку с 20 тысячами читателей, для которых он разработал более 15 тысяч индивидуальных самообразовательных программ. Им собрано две огромные библиотеки, первую из которых (в 130 тысяч томов) он еще в 1907 г., навсегда уезжая из России в Швейцарию, подарил Петербургской лиге образования. В 1916 г. в Лозанне Николай Александрович создал Секцию библиопсихологии при Институте Ж.Ж. Руссо, которая в 1928 г. была преобразована в Международный институт библиологической психологии под руководством Н.А. Рубакина. Вторую библиотеку (свыше 100 тысяч томов), собранную уже за границей, ученый завещал Государственной библиотеке России, где она теперь сберегается на правах особого фонда. Там же, в отделе рукописей, хранится его личный архив, в котором среди прочего сберегаются письма Ф.А. Щербины и черновики ответных посланий Н.А. Рубакина, охватывающие период с 1911 по 1926 г. Несмотря на отсутствие некоторых промежуточных звеньев (не все письма сохранились, а некоторые и вовсе не дошли до адресатов), они хорошо передают чувство взаимного обожания, соединявшего двух крупнейших мыслителей своего времени. Предельная доверительность делает эту переписку ценным материалом к биографиям обоих ученых, позволяет нам представить их живыми, чувствующими и напряженно размышляющими людьми.

1. Н.А. Рубакин - Ф.А. Щербине

28.2.1924

Дорогой Федор Андреевич!

Лучше поздно, чем никогда. Узнал из газет о Вашем юбилее, откуда же узнал и Ваш адрес. И захотелось хоть мысленно от всей души горячо позжать Вашу руку и сердечно поздравить Вас, неутомимого исследователя русского крестьянства. Вспомнились мне Ваши статьи о русской общине в "Р(усской) М(ысли)", из которых я, будучи еще студентом, впитывал любовь к трудящемуся народу и интерес к народной жизни, и те самые

стремления, какие живы во мне и до сих пор, несмотря на пережитое в это последнее проклятое десятилетие. Не знаю, дойдет ли до Вас это письмо. Буду, во всяком случае, очень рад, если получу от Вас хоть открытку о его получении.

Искренне уважающий Вас по самой доброй памяти Н. Рубакин.

2. Ф.А. Щербина - Н.А. Рубакину

Дорогой Николай Александрович,

От всей души и искреннего сердца поздравляю Вас с 40, а по-моему, с 50 годами Вашей святой работы для Народа. Я получил Ваше письмо, в котором Вы поздравили меня со днем моего 75-летия, и боюсь, что Вы могли не получить моей короткой писульки, как это случилось и с другими - до того безалаберно организован был мой юбилей.

В прошлом году я был в Италии и рассчитывал побывать у Вас, да, за недостатком времени, сделать этого не удалось. Мне хотелось и лично Вас увидеть и покопаться в вашей библиотеке, чтобы найти некоторые мои работы по статистике, так как у меня ничего почти нет под руками, а между тем я теперь не только составляю, а и читаю в двух высших учебных заведениях лекции по новым научным дисциплинам - по кооперативной и по бюджетной статистике. Нужна мне масса справок в прежних заграничных изданиях - "Вперед", "Набат" и пр. для восстановления хотя бы отчасти моих записок с 1872 г., так как записки эти были уничтожены какой-то большевистской партией у меня на хуторе, я все-таки надеюсь еще, что мне удастся увидеться с ними.

В Праге я весь погрузился в науку и почти нигде не бываю, кроме аудиторий в университете да в академии. Некогда и охоты нет окупаться в политическую нисенитницу эмигрантов.

Физически я здоров, работаю не менее 12 часов в сутки, а вот с глазами плохо. Зрачок в одном глазе пришлось удалить, и врачи вооружили меня двумя видами очков - одними, чтобы можно было читать и писать, и другими, чтобы видеть людей и различать на улице расстояния. Читать поэтому, кроме источников для лекций та науки, некогда и непосильно. Я был, однако, очень рад, когда газета мне напомнила о Вас, а то, пожалуй, я не узнал бы ничего о Вашем юбилее.

Не посетуйте на меня, что я, хоть задним числом, обращаюсь к Вам с приветом. Что-то теплое и хорошее чувствуется от нашего далекого прошлого, чувствуется и в данный момент, когда я пишу Вам эти строки, а в светлое будущее я, старый идеалист-народник, крепко верю.

Еще раз искренне желаю Вам побольше счастья и здоровья.

Ваш Ф. Щербина.

5.4.1926 г.

Прага

P.S. Прошло три дня, пока я отыскал Ваш адрес. Тесная комната, вороха бумаги, да и слепота в придачу.

З.Н.А. Рубакин - Ф.А. Щербине

Лозанна. 30.4.1926

Дорогой Федор Андреевич!

Очень обрадовался Вашему письму, - по старой доброй памяти. Искал Вашего адреса еще в дни Вашего юбилея, а привет послал через комитет. Еще и еще вспомнил о Вас, когда получил от издателя Вашу "Статистику" (1) на украинском языке, и очень пожалел, что она не на русском. Я издавна питаю самые нежные чувства не только к Вам лично, и не только ко всем Вашим трудам, начиная с той статьи (о крестьянской общине), которая появилась в 1880 году в "Русской Мысли" (2) и которую я зачитывался еще будучи гимназистом, но и нежные чувства к статистике, в особенности, к теоретической. Ее ныне наша секция с успехом применяет к изучению психических возбуждений (экфорий) разных категорий, возбуждаемых каждым отдельным словом, каждой отдельной фразой воспринимаемого текста в читателях разных психических и социальных типов, с целью выгеснения функциональной зависимости между разными типами текстов, как возбудителями экфорий и разными типами читателей (индивидуальных и коллективных). Очень было бы интересно знать Ваше мнение о наших работах, но увы, они все на французском языке, да и те распроданы уже. О ваших работах изредка доходили до меня вести, - все хорошие.

Часто я вспоминаю нашего общего друга Сергея Николаевича Кривенко (3) и Софию Ермолаевну. Не могу не следовать их пути и до сих пор считаю, что этика должна быть выше политики. Я стою под знаменем, на котором написано еще в XVIII веке (4).

Считаю, что этот-то принцип и должен лежать как в основе настоящей демократии, так и социализма, и коммунизма, и анархизма, и что все "левые" изменили ныне этому, по существу, их принципу. Приходится стоять вне партийным пустынноком - на отлете. Зато работать удобно вне суеты, споров, дряг и интриг. Пусть уже лучше меня, как и Вас, замалчивают.

Ваши труды у меня имеются. "Бюджеты", "Артели" (5) (и еще Ваши статьи в комшекгах журналов). Храню их ценно и свято. Есть и "Вперед" и "Набат". С удовольствием буду наводить для Вас справки по Вашему указанию, - поручу кому-нибудь это делать и послезу. как сделано.

Очень порадовали меня Ваши строки о светлом будущем. Верю, верю и я. И, как и Вы, всегда буду не только верить в него, но и работать для него, хоть прямо через головы “чистой публики”, партийного средоточения. И работаю по 14 часов в сутки. Кажется, мы с Вами на многие смотрим одними глазами.

Душою Ваш

Н. Рубакин.

P.S. Если Вы чехословацкий подданный, то Вас пустят в Швейцарию. Буду искренне рад видеть Вас у себя. Я надеюсь ехать в Прагу на библиотечный съезд, если мне помогут достать пособие (писал о том проф. Дорошенко) (6).

4. Ф.А. Щербина - Н.А. Рубакину

21.9.1926

Дорогой Николай Александрович,

Весьма досадно и обидно, что мне не удалось встретиться с Вами в Праге. Произошло это таким образом. В день открытия библиографического съезда меня задержали студенты на квартире, а когда я явился на съезд, зал в Музее битком набит был публикою и из задних рядов я не мог протолкаться в передние. Но в тот же день мне необходимо было ехать в Подебрады (7). Тогда я решил оставить зал и навести справки, приехали ли Вы на съезд? Так и сделал, поручивши моему ассистенту по университету сделать это или на съезде, или же в книжном магазине “Наша Речь”. На третий день мой ассистент сказал мне, что он заходил в гостиницу Беранека - и Вас там не оказалось в числе приехавших, был в “Книжной Речи”, и там сказали ему, что они не знают, участвует ли Н.А. Рубакин в съезде и есть ли он в Праге. Так как у меня была масса неотложной работы, то сама не проверил этих сведений в сутолоке по неотложно текущим делам, как-то нелепо сложилось заключение: ну, значит, не приехал Николай Александрович! Когда же я получил Ваше письмо и увидел из него, что Вы были в Праге целые две недели, то только руками развел и мысленно воскликнул: “Ну, значит, не судьба!” Тем не менее у меня осталось все-таки желание видиться с Вами. На каникулы я решил поехать во Францию и притом через Швейцарию, чтобы увидиться с Вами и взглянуть на эту страну. Но и тут мне не повезло. Хотя я взял отпуск на два месяца (предельный срок, разрешаемый министерством ЧСР), но дела по “Обществу кубанцев” (8) и по Подебрадской Академии задержали меня на полмесяца, а там сын мой заболел (нас двое в семье), и еще улетело полмесяца. Остался месяц, мне нужно было непременно побывать в Париже, чтобы увидиться с

моими приятелями по очень важным для меня и для них делам, а главное, сильно хотелось пробраться к Атлантическому океану и покупаться в море. Ведь я при море родился, вырос, а после оборудовал при Черном море свой хутор “Джанхот” на берегу этого моря. Времени было мало; к тому же в Париже (в Земгоре) мне сказали, что достать хотя бы проездную визу через Швейцарию трудно, и мою (и сына) мысль проехать обратно в Чехословакию через Швейцарию пришлось похоронить.

Все это с такими подробностями сообщаю Вам, чтобы Вы не подумали, что я как бы “уклонился” от свидания с Вами в Праге или что я сделал это в силу нелепого обычая “делать визиты” первым приехавшему. Признаюсь откровенно, что до сих пор, пока я, просматривая газеты, сам не прочитал (глаза не позволяют мне систематически следить за газетами изо дня в день, и я через пятое-десятое просматриваю их ворохами, да и письменной работы у меня уйма), что Вы были в Праге и делали на съезде доклад, я пребывал в слепом неведении о Вашем присутствии в Праге, когда же получил Ваше письмо, то мне пришло в голову другая мысль - уж не наговорили ли приятели Вам о моем отщепенстве (идейного характера) и украинском шовинизме. Ваше письмо вышибло у меня из головы и эту мысль, но чтобы Вы поняли меня (во избежание кривотолков), как след, я кое-что сообщу Вам и по этому предмету.

Да, я, Щербина, украинец, и “українській мові” (языку) начал учиться на 69 году своей жизни. Как-то вспомнилось мне в этом возрасте моя мать и те ласковые материнские слова на украинском языке, которые ласкали меня в детстве и такими же ласкающими были и для 69-летнего ребенка. Точно меня обухом по голове, кто треснул. Я - украинец - и не говорю и не пишу на материнском языке? И я начал писать и говорить по-украински. Позже я обратил внимание на факты национальных деяний в разных странах и теперь ясно вижу и понимаю, что национальное движение на Украине, у нас, казаков, на Кубани, в Индии, в Китае, Морокко, Персии, Египте и пр. пр. получило яркую окраску мирового явления, ...что идея об обеспечении прав национальных меньшинств - кровная, родная сестра национальных движений, что, одним словом, национальные движения представляют прямой, огромнейшей важности результат мировой исторической эволюции, с которой приходится весьма считаться - и народам, и государственным деятелям, и рядовым сверчкам движущей их массы. Вот и стал украинским профессором и писателем.

Тем не менее, у меня и раньше и теперь превалировали и превалируют общечеловеческие идеалы, не позволяющие мне мириться ни с войнами, ни с фактами кровавых революций, ни с разнужданною

партийною борьбою... Я придерживаюсь этих всеосвящающих идеалов и в текущий момент моей жизни и деятельности.

Наибольшее внимание и работы я отдаю “Обществу кубанцев в ЧСР”, двум видным учебным заведениям - университету и академии, и особенно много труда прилагаю к науке и к лекциям для студентов. В “Обществе украинцев” я состою председателем правления, и со своими товарищами - сотрудниками удалось пропустить свыше 200 кубанцев через высшие и др. учебные заведения - чехословацкие, украинские и великорусские, добыть четыре профессорские стипендии и мн. др. Так как у нас на Кубани на 60% приблизительно украинцев приходится не более 30% великороссов, то наше общество, возглавляемое мною и др. украинцами, стоя на аполитической почве, одинаково поддерживает интересы и кубанского украинского населения и кубанского великорусского населения, и все поклепы и небылицы, пускаемые в публике и в прессе “о кубанцах” и в том числе, быть может, и про меня, сущая чепуха. Сейчас мы готовим для печати журнал “Кубань” (9), из которого, на основании цифр и фактов, Вы сами, надеюсь, выведете такое же заключение. Я пришлю Вам журнал, а сейчас посылаю книжку “Законы эволюции и русский большевизм” (10).

С студентами у меня тесные отношения. Молодежь балует меня, а профессора деканом и ректором выбирали единогласно (12), при закрытой баллотировке, и это объясняется тем, что я не столько видный украинский деятель, сколько твердый в своих убеждениях и преданный народу и науке человек.

Сейчас я работаю над составлением трех книжек - “Кооперации и кооперативной статистики” (даю совершенно новую теорию кооперации), “Бюджетной статистики” и “Мировой сельскохозяйственной статистики”.

По всем трем дисциплинам я читал соответствующие курсы лекций студентам университета и академии. Похвастаю, что мне посчастливилось установить 1) закон зонального распределения населения на земном шаре (по мировой сель.-хоз. статистике) на основании данных аграрного международного Института в Риме; 2)развить в особую систему бюджетной статистики закон обеспечения нормальных потребностей трудового населения. Сейчас у нас Съезд украинских ученых деятелей, на котором я читаю два доклада, связанных с этими двумя законами.

Вот Вам мое короткое объяснение, которое, надеюсь я, осветит Вам мою нынешнюю фигуру и курьезное *guipro guo* (11) с нашим свиданием и моим долгим молчанием на Ваше последнее письмо. Ей богу, некогда делать вовремя все то, что выделяется из моих рамок прагматической

деятельности и поглощения заинтересовавшими меня новыми научными дисциплинами. В этом отношении я кругом виноват. Каюсь и пишу обо всем этом только для Вас во имя тех светлых воспоминаний, которые связывали меня с Вами служением народу.

Прибавлю, что я, быть может, побеспокою Вас некоторыми справками по книжной части, если разрешите это. Я посылаю Вам книгу на великорусском языке, но если Вы поинтересуетесь тем, что я напечатал и печатаю на украинском языке, то я буду высылать Вам все, что печатаю.

Еще одна просьба. В первом Вашем письме было упомянуто об очень оригинальной форме библиографической статистики. Я - профессор статистики, к стыду моему, не знаком с этой отраслью моей специальности и очень прошу Вас выслать мне источники по ней, о которых Вы упоминаете, а я непременно оплачу расходы и обещаю, ознакомившись с ними, прочитать одну или две лекции студентам.

Крепко жму Вашу руку не только с пожеланием всего лучшего и тем паче здоровья, но и с твердою уверенностью о том, что я побываю в Швейцарии и увижу Вас.

Ваш Ф. Щербина.

5. Н.А. Рубакин - Ф.А. Щербине

Лозанна. 29.9.1926

Дорогой, славный, глубокоуважаемый Федор Андреевич!

Получил Ваше письмо от 21.9. Еще раз простите меня за то, что я не выбрал времени побывать у Вас. Вертелся в Праге вроде того как бес. Не заметил, как и прошло время там. Уж больно много было дел - и все неотложные. Я не знал и не ведал, что Вы присутствовали на открытии библиотечного съезда, - там мне пришлось даже говорить публично приветствие на русском языке от имени нашей Секции, как института международного. Это была единственная речь на русском языке. Лицо, которое наводило обо мне справки, ввергло Вас в заблуждение. На съезде я читал два доклада, и, по просьбе публики, мне пришлось повторить их. На докладах была С.Ф. Русова (12), которая и может рассказать Вам о них, - я с нею все же успел перемолвиться двумя словами, но, несмотря на все мое желание, больше видеть ее, по старой и доброй памяти, не удалось. Я останавливался не Беранека, а в Палас-отель. Как Вы можете думать, что я считаюсь визитами, да еще со старыми друзьями. Напротив, я энергично протестую и словами и делами против таких счетов. Если у Вас паспорт чехословацкий, то вы вполне свободно можете приехать в Швейцарию. Лиц с русскими паспортами сюда не пускают, приравнивая всех русских к большевикам, которые отлично разгуливают здесь и не

спрашивая разрешения. Вы пишете о наговорах на вас приятелей. Дорогой мой, как и наш общий друг С.Н. Кривенко, я много лет тому назад поставил за правило, - никаких разговоров людей о людях не слушать и о людях не говорить. Никто никогда ничего, кроме самого хорошего, никогда не говорил мне о Вас. Прага тем и ужасна, что больно много там наговаривают. Но не лучше обстоит дело и у русских в Лозанне, и я и моя семья вот уже 18 лет живем тут в стороне от русской колонии, вроде робинзонов, практикуя то правило, которое Вы найдете чуть ли не во всех моих книжках: "будем смотреть прежде всего на то, что может соединять людей, а не на то, что разъединяет нас с ними. Я вне партий (после дела Азефа) (13) и вне всяких полемик и политиканств. На моем знамени написаны слова Александра Галесского, которые, по-моему, и составляют самую суть настоящего социализма, анархизма, коммунизма и демократии, а кто их не признает, тот не может и не должен считать себя принадлежащим ни к одному из этих течений. Много развелось ненастоящих, и больно редки стали настоящие. В результате пришлось отойти от политической работы. Ближе всего мне по духу Р. Роллан, с которым моя семья знакома уже 10 лет и лично. Все это пишу Вам в ответ на Ваше профессиона де Фуа, излагая вкратце мое собственное профессиона де Фуа (14). Из моего принципа вытекает, что я не могу относиться к праву всякого народа на самоопределение, но не могу не относиться решительно ко всем народам, нарушающим тот же принцип путем господства и насилий над тем или иным хотя бы и меньшинством. Антибольшевики, как и большевики, стояли для меня в одной и той же плоскости, тогда как я вот уже более 16 лет вышел из нее сознательно. По-моему, всякое единение может держаться только на доброжелательных эмоциях, а потому раздувание классовой, национальной и иных ненавистей вредит делу всех вышеперечисленных течений мысли. Цель библио - психологии этим определяется вполне.

Из вышесказанного Вы видите, что в Вашем и моем мировоззрении столько общего и настолько существенного, что в этом тонут всякие детали миропониманий. Для меня, как и для Вас, стоят на первом плане идеалы общечеловеческие. Я приезжал в Прагу между прочим и для того, чтобы координировать работы нашей Секции с такой демократией, как чехословацкая, народа, которого я не могу не уважать и не любить искренне и глубоко, тем более, когда во главе стоит такой мыслитель и ученый, как Масарик (15), которого я немножко знаю и лично. По-видимому, работа нашей Секции налаживается, и мне придется приезжать от времени до времени в Прагу. Уж тогда, наверное, приеду к Вам. Большое спасибо за Вашу книжку о большевиках. Непременно очень

старательно прочитаю ее. У меня есть еще Ваша “Статистика” на украинском языке. Буду благодарен за все Ваши труды на этом же языке и за “Кубань”. Целый ряд моих книжек издан на украинском языке в Харькове и Киеве (авторских экземпляров, увы, не прислали).

Вы спрашиваете о библиопсих. статистике. Посылаю Вам кое-что о ней. Жаль, что не могу прислать моего двухтомного труда (вышел на французском яз. В 1922 г. и уже распродан).

Библиопсихология вытекла логически из изучения русского читательства, что я практикую, как Вы знаете, с 1887 г. К этому вопросу я подхожу как натуралист, а не только как филолог. Секция изучает влияние разных типов книг на разные типы читателей, т.е. восприятие книги. Это восприятие является результатом и равнодействующей восприятия ее букв, слов, фраз, абзацев, вообще текстов вплоть до всемирной литературы включительно. Мы приложили теорию статистики к исследованию этих восприятий. В моей статье о формулах книг Вы найдете на стр. (...) краткое изложение основной идеи специального библиопсих. метода, состоящие в статистике психических переживаний, осознаваемых данным читателем в условиях данного места и времени по его интроспектным наблюдениям, производимым по нашей программе и постоянно проверяемых. Напр., если читатель мыслит гл. образом представлениями (образами), то на каждую сотню слов текста - реактива - он отметит большее количество таких слов, которые возбудили в нем именно образы, а не отвлеченные переживания. Значит, по числу отметок разных читателей в одном и том же тексте-реактиве можно судить и о качественной, и о количественной стороне его переживаний, возбужденных разными текстами и в читателе и в читателях. Тут теория статистики вполне к услугам исследователя всех литературных явлений, ставящей своей целью превращение и истории и теории литературы из науки неточной в точную, - настолько же точную, насколько точна и теория статистики. Разумеется, практика библиопсих. метода не так проста, как я сейчас Вам изложил. Во всяком случае есть научные возможности обставить весь ход Б. Псих. Исследования всеми точными предосторожностями, и применить и здесь теорию вероятностей, и проверить и проверять выводы всеми другими научными методами. Самое интересное – это возможность делать поправку на читателя и критику. Не стесняя их права высказывать мнения и делать оценки хотя бы самые субъективные. И эту поправку делать не путем рассуждения, а в виде цифровых коэффициентов. Читайте и судите. И критикуйте. И чем строже, тем лучше для дела.

Крепко и крепко жму Вам руки и от души желаю успеха Вашему делу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Переписка Ф.А. Щербины с Н.А. Рубакиным хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки России: фонд 358 (Н.А. Рубакин), картон 289, ед. хр. 61, лл.1-6; картон 188, ед. хр. 17, л. л. 1-4.

1.Щербина Ф.А. Статистика: Исторія статистики і статистичних установ. - Прага: Український громадський видавничий фонд, 1925. – Вип. 1. - 288 с.

2.Имеется в виду работа Ф.А. Щербины “Земельная община в Днепровском уезде”, опубликованная в журнале “Русская Мысль” в 1886г.

3.Кривенко Сергей Николаевич (1847 - 1918) -экономист, публицист, один из идеологов либерального народничества.

4. Имеются в виду лозунги Великой французской революции: Свобода! Равенство! Братство!

5. Очевидно, имеются в виду работы Ф.А. Щербины “Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм” (1886) и “Крестьянские бюджеты” (1900).

6. Дорошенко Дмитро (1882-1951) - украинский историк, публицист, общественный и государственный деятель, профессор Украинского Вольного Университета в Праге.

7. Подебрады - курортный город в 50 км. от Праги, где находилась Украинская Хозяйственная Академия, профессором которой был Ф.А. Щербина со дня ее основания.

8. “Общество кубанцев” - эмигрантская организация со штаб-квартирой в Праге, председателем которой был Ф.А. Щербина.

9. Кубань. - Сборник статей, изданный Обществом кубанцев в Праге в 1926 г., в котором опубликовано две работы Ф.А. Щербины: “О деятельности Общества кубанцев в Чехословацкой республике” и “Кубань в прошлом и настоящем”.

10. Щербина Ф.А. Закон эволюции и русский большевизм. - Белград: Русская мысль, 1921. - 261 с.

11. qui pro qui - путаница, недоразумение

12. Русова София (1856-1940) - выдающийся украинский педагог и общественный деятель, публицист, давняя знакомая Ф.А. Щербины.

13. Азеф - крупнейший провокатор в истории российского революционного движения, действовал в руководстве эсеровской партии. После разоблачения Азефа Н.Н. Рубакин покинул ряды эсеров.

14. profession de foi - исповедание веры (франц.)

15. Масарик Тома Гарриг (1850-1937) - чешский ученый, профессор Пражского университета, первый президент Чехословакии (1918-1937).

Предисловие, комментарии и публикация В.К. Чумаченко

II. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА

Серова В.Н.

II. МЕРИМЕ, Ф. СТЕНДАЛЬ И А. ПУШКИН: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Проспер Мери́ме (1803-1870) – крупнейший реалист французской литературы XIX в. Творческая судьба писателя сложилась довольно счастливо. С самого первого своего произведения он обрел популярность в читательских кругах. Атмосфера искусства с детских лет была знакома и естественна для будущего писателя. Будучи сыном художников, Мери́ме великолепно знал и любил искусство, стал впоследствии крупным специалистом в этой области и автором ряда искусствоведческих работ.

Начиная с 30-х годов, Мери́ме занимал должность инспектора по охране исторических памятников, и находился на этом посту свыше двадцати лет. Своими духовными учителями он считал просветителей XVIII века. Большая личная дружба сближала П. Мери́ме и Стендаля, который тоже прошел революционную школу французских философов XVIII века. Их знакомство состоялось в 1822 г. Стендаль к этому времени обладал уже довольно большим литературным опытом. Силой своих политических убеждений он увлек Мери́ме. Оба не испытывали симпатий к режиму Реставрации. Именно Стендаль познакомил Мери́ме с учением Гельвеция и Кондильяка и их последователей Дестюта де Траси и Кабаниса, что направило в дальнейшем эстетическую мысль Мери́ме по материалистическому пути. Под воздействием Стендаля у Мери́ме проявилось стремление к реалистическому переосмыслению эстетических достижений романтизма.

В качестве примера можно привести сборник П. Мери́ме “Гюзла” (1827) – произведение с ярко выраженной романтической ориентацией. Первое издание “Гюзлы” состояло из 29 прозаических баллад, которые сочинил сам автор, и одной поэмы – перевода сербской народной песни. Однако Мери́ме, склонный к мистификациям, выдал свою книгу за подлинное произведение сербского фольклора. Основной чертой эстетики романтизма является восприятие фольклора как высочайшей художественной ценности. А увлечение фольклором всегда было свойственно П. Мери́ме. Ему удалось создать поэтический образ героического народа, сражающегося за свободу против иноземных захватчиков. В ту пору, в 20-х годах XIX века, в условиях подъема

национально-освободительного движения на Балканах, в Греции, на Пиренеях эти фольклорные мотивы звучали политически актуально.

Мистификация увенчалась успехом. А.С. Пушкин и А. Мицкевич приняли эти произведения Мериме за создание славянской народной поэзии и перевели их на свои родные языки. А.С. Пушкин включил в свои “Песни западных славян” переработку 11 стихотворений “Гюзлы”. В предисловии к “Песням западных славян” 1835 г. Пушкин отзывается о Мериме как об “остром и оригинальном писателе, авторе произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы”. В числе этих “чрезвычайно замечательных” произведений Мериме Пушкин называет “Двойную ошибку”, “Театр Клары Газюль”, “Хронику времен Карла IX”.

Что привлекло А. Пушкина в сборнике Мериме “Гюзла”? Поверил ли Пушкин в подлинность этих баллад? Кроме свидетельства Соболевского, утверждавшего, что Пушкин “поддался мистификация Мериме”, есть шуточное замечание самого Пушкина, утверждавшего: “Во всяком случае, я был обманут в хорошей компании”. Пушкин имел в виду польского поэта Мицкевича, который также поверил в подлинность сборника.

Тематически сборник П. Мериме “Гюзла” можно разделить на три цикла. Во-первых, большая часть баллад посвящена теме борьбы славянских стран с захватчиками, турками и французами (“Смерть Томаса II, короля Боснии”, “Конь”, “Битва при Зенице-Великой”, “Черногорцы” и др.). Затем идут баллады семейно-бытового цикла (“Прекрасная Елена” “Боярышник Велико”, “Печальная песнь о благородной жене Асан Аги” и др.). И, наконец, баллады лирического цикла (“Похоронная песня”, “Импровизация Гиацинта Маглановича”).

Работая над славянскими балладами, Мериме использовал книгу итальянского путешественника аббата Фортиса, которая называлась “Путешествие в Далмацию”, опубликованную в 70-х годах XVIII в. Эта книга давала широкое представление о жизни и быте славянских народов, включала описание их песен, костюмов и обрядов. У Фортиса была опубликована одна славянская песня, которую Мериме перенес в свой сборник. Это “Жалобная песнь благородной жены Асан Аги”.

Глубокий интерес Мериме к славянской теме - вот что так привлекло Пушкина в сборнике Мериме. Пушкин перевел такие баллады Мериме, как “Видение короля”, “Янко Марнавич”, “Битва у Зеницы-Великой”, “Федор и Елена”, “Влах в Венеции”, “Гайдук Хризич”, “Похоронная песня”, “Марко Якубович”, “Бонапарт и черногорцы”, “Вурдалак”,

“Конь”. У Пушкина прозаические баллады Мериме обрели стихотворную форму. Перевод Пушкина является в сущности новым произведением, еще более близким к народному творчеству. Баллады Мериме совершенно преобразуются в обработке Пушкина. В качестве примера можно привести отрывок из “Похоронной песни” у Мериме и у Пушкина. Мериме пишет:

“Прощай, прощай, добрый путь! Светит полная луна. Хорошо видно, чтобы найти дорогу. Добрый путь!”

Пушкин же переводит так:

*С Богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу,
Светит месяц: ночь ясна;
Чаша выпита до дна.*

С русской литературой и с творчеством Пушкина Мериме познакомил друг Пушкина Соболевский. Мериме посвятил Пушкину большую статью (1868), в которой назвал его не только величайшим русским писателем, но и наиболее значительным европейским поэтом.

В конце 40-х г.г. Мериме начинает усиленно изучать русский язык. Он переводит “Пиковую даму” (1848), “Цыган” и “Гусара” в прозе, повесть “Выстрел”. В русской литературе французского писателя привлекали, высокие эстетические ценности, которые, по его мнению, начинала утрачивать литература Запада. Это, прежде всего стремление к правде, какой бы неприглядной она ни была, вера в человека, жажда идеала, простота.

В 50-60-х гг. Мериме выпускает ряд статей о русских писателях: “Николай Гоголь” (1851), “Предисловие к французскому переводу “Отцов и детей” (1863), “Александр Пушкин и Иван Тургенев” (1869).

Широкую известность и признание, в свою очередь, Мериме получил в России. Пушкин выделял Мериме на фоне современной жизни Франции. Высокую оценку литературной деятельности Мериме дал Гоголь. Тургенев также отметил заслуги Мериме как популяризатора русской культуры во Франции. В некрологе, посвященном памяти французского друга, Тургенев отмечал: “Мы, русские, обязаны почтить в нем человека, который питал искреннюю и сердечную привязанность к нашему народу, к нашему языку, ко всему нашему быту...”.

Обращение Мериме к русской культуре и русской общественной жизни свидетельствует, что Мериме умел тонко постигать национальный характер и духовный потенциал других народов.

МНИМЫЙ ПУШКИН: ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИСТИФИКАЦИИ, ПОДРАЖАНИЯ, ПАСТИШИ

Произведения А.С. Пушкина и при его жизни, и после смерти часто становились объектом литературных мистификаций. Да и сам Пушкин был мастером в области “замаскированной литературы”.

Примером пастыша, связанного с именем Пушкина, является поэма Брюсова “Египетские ночи”. В ней было 73 стихотворных строки, вложенных в уста импровизатора – итальянца. Они обрывались на клятве Клеопатры:

*Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет –
Клянусь, под смертного секирой
Глава счастливица упадет!*

Продолжить эти строки решил В. Брюсов: под его пером они превратились в целую поэму в шести главах. Сначала он собирался опубликовать ее, как найденный пушкинский текст, и написал романисту В.И. Язвицкому: “Можно позволить себе маленькую мистификацию. Прямо выдать мои стихи за вновь отысканные пушкинские – неприлично; вполне допустимо однако напечатать поэму без подписи, только со вступлением, подписанным мною, которое позволило бы предположить, что поэма – Пушкина. Если сохранить аноним, можно сделать забавную загадку для критиков”.

Но Язвицкий отсоветовал Брюсову делать это. Поэма была опубликована за подписью Брюсова с включением хорошо известных пушкинских строк. В предисловии к публикации Брюсов назвал свою поэму “дерзновенной”, но ни в коем случае не “кощунственной”, т.к. исполнена она с подлинной любовью к великому поэту.

Интересны замечания Брюсова о том, что вовсе не стремился писать непременно “под Пушкина”, что крайне бы стеснило свободу творчества. Указывает Брюсов и на то, что избегал стилизации и довольствовался тем, что старался не выходить за пределы пушкинского словаря, его ритмики, его рифм. Заклучая предисловие, Брюсов подробно перечислил все свои заимствования.

Брюсов четко обозначил цель своей работы – “... помочь читателям по намекам, оставленным самим Пушкиным, полнее представить себе одно из глубочайших его созданий” (1).

Брюсов сумел создать высокохудожественное произведение. Продолжая тему страсти и смерти, начатую Пушкиным, поэт придал Клеопатре больше человечности: она делает попытку спасти своего третьего возлюбленного, самого юного, от роковой расплаты за ночь любви:

*И сердце царственной блудницы
Внезапной болью стеснено,
И чувства, спавшие давно,
Оживлены в душе царицы,
И двое на лучи денницы,
Равно дрожая, глядят в окно.*

... ..
-“Ты позабыл, кто ты, кто я!
Есть у тебя отец, родные,
Живи для них! Сии края
Покинув, удались в чужие...”

Горький в письме к В.Я. Брюсову 23 февраля 1917г. писал: “Прочитал “Египетские ночи”. Если Вам интересно мнение профана в поэзии – эта вещь мне страшно понравилась!”

Еще один пастиш на произведение Пушкина мы находим у В.Ф. Ходасевича. К сожалению, это не самая удачная стилизация. Ходасевич с чрезвычайным пиететом относился к имени Пушкина. Он осознавал “себя не просто наследником великой” (пушкинской) традиции, но и “последним поэтом”, пользуясь названием прославленного стихотворения Баратынского, завершающим звеном в цепи эволюции русской поэзии, “Орфеем, наделенным волшебной силой и всеведением...” Так пишет Н. Богомолов – автор комментариев к некоторым публикациям Ходасевича, включенным в однотомник поэта, выпущенный в Большой серии “Библиотеки поэта” (Л., 1989).

Речь идет о продолженном Ходасевичем “Романсе” А.С. Пушкина. Пушкиным написано всего лишь 5 строк, стихотворение Ходасевича, в котором строки, принадлежащие Пушкину, взяты в кавычки, насчитывает 7 четверостиший.

“Романс”, написанный Пушкиным, случайно обнаружил его брат Лев спустя 13 лет после кончины поэта. Продолжить эти строки (впервые опубликованные в 1856 г.) пыгались многие поэты, сделал такую попытку и Ходасевич, напечатав свое стихотворение в парижской газете “Последние новости” за 27 апреля 1924 г.

Сочиняя продолжение пушкинского “Романса”, Ходасевич

преследовал собственно творческие цели: говоря его же словами, продолжение сочинялось в “момент ремесла, хладного и обдуманного делания”. При написании “Романса” поэт учитывал и пушкинскую лексику, и ритмику, и синтаксические повторы и т.п.:

*“В голубом Эдгире поле
Ходит Веспер золотой.
Старый Дож плывет в гондоле
С Догарессой молодой.*

*Догаресса молодая
На супруга не глядит,
Белой грудью не вздыхая,
Ничего не говорит...*

Данная стилизация – творческая неудача поэта, к счастью, довольная редкая. Доказательством может служить тот факт, что примерно в то же время, что и “Романсе”, Ходасевич создал несколько поэтических шедевров, и среди них – одно из самых лучших своих стихотворений “Перед зеркалом” (июль 1924 г.). Через несколько лет Ходасевич выпустил “Собрание стихов” (1927); “Романс” не был включен в эту книгу. Можно полагать, что причиной этого стала острая полемика, которая возникла между Ходасевичем и А.И. Куприным по поводу данного стихотворения. Куприн в открытом письме Ходасевичу определил попытку продолжить набросок Пушкина крайне неудачной: “... с каким удивлением и даже с печалью мы встретили Вашу странную грубую выходку с великой тенью Пушкина. Какой злой дух подтолкнул в недобрую минуту Вашу руку на это посягательство, похоронившее надолго Ваше хорошее имя и чистую репутацию <...>” (2).

Таким образом, никто не угадал, как бы Пушкин продолжил свой набросок. Но судьба черновика этого стихотворения была поистине необычайна: он был снова утерян, и лишь в 1951 году студентка историко-архивного института О. Богданова обнаружила его в одном альбоме, хранившемся в Историческом музее. Изучение черновика позволило полностью восстановить вторую строфу.

Аутентичность того или иного памятника обычно (более или менее искусно) стимулируется вымышленной историей – издатель ссылается на свидетелей (все они, обычно, умерли!), на копии, безусловно, снятые с подлинника (но обыкновенно утрачен при самых неожиданных обстоятельствах - эта неожиданность должна укрепить веру в аутентичность публикации), подчеркивает близость публикуемого произведения другим текстам того же автора (приводятся параллели),

находит какие-то (обязательно глухие) упоминания в мемуарах современников, более или менее правдоподобно объясняет позднюю публикацию (нередко возникают такие “бродячие мотивы”, как сундук, обнаруженный на чердаке, рукопись, случайно найденная у букиниста, спасенная от употребления на обертку пирожков тетрадь, вырванная из рук продавца и прочее) и, наконец, использует запрещенный прием: “Кто тот другой, кроме X, который мог написать это произведение”.

Именно эти приемы использовал для своей мистификации Михаил Осоргин, напечатав в парижской газете “Последние новости” за 27 июля 1936 года отрывок “С французского”: “Я приехал на вокзал Пон-Сэн-Мишель за полчаса до отхода поезда и, чтобы не ждать в подземелье, прошелся по берегу Сены мимо книжных ларей, без намерения расхотаться. Старого книгоеда всегда тянет к кожаным переплетам. На корешках ребром стоявших книг лежала переплетенная в обычный картон, довольно потрепанная брошюра: отстраняя ее, я заглянул в ее страницы и увидел во французском тексте русское имя m-le Nadine, а дальше упоминание Notre-Dame de Kazan...”. И далее речь идет о том, что, судя по печати, издание брошюры относится к 20-30-м гг. прошлого века, что титульного листа нет, не выставлена и цена. Книжонка была куплена за тридцать су. Начало показалось знакомым. А далее идет доказательство того, что перед нами – прозы Пушкина. Тут и картежник Нарумов из “Пиковой дамы”, и очевидные сюжетные реминисценции из “Метели”, и фрагменты известного специалистам пушкинского наброска, датированного 12 и 13 мая 1830 г. – “Участь моя решена. Я женюсь...” (подзаголовок – “С французского”). А главное: осуществленный из неведомой брошюры (даже титульного листа нет) перевод так похож на сочную пушкинскую прозу! Да и сам тип дважды не состоявшегося жениха вполне во вкусе автора “Повестей покойного Ивана Петровича Белкина” и “Пиковой дамы” (3).

Подделка М. Осоргина – великолепный образец традиционной литературной мистификации. Именно их имел в виду Ю.М. Лотман, говоря, что “у всех удачных подделок есть один общий признак: их значение для литературы эпохи “обнаружения” было неизмеримо большим, чем их подлинная художественная ценность (...). Появление подделки (...) - свидетельство формирования исторического мышления. Подделка порождается определенной эпохой и входит в литературное развитие своего времени как активное выражение литературных вкусов эпохи” (4).

Самая последняя по времени мистификация, связанная с именем Пушкина, - публикация в журнале “Новый мир” (1985 № 8,9) письма

поэта Алексею Алексеевичу Раменскому от июля 1833 г. Письмо, о котором идет речь, было известно и ранее. Его пересказ поместил в своей статье А. Пьянов (Юность. - 1979, № 6). Но Пьянов в своей публикации писал, что "... не имея подлинника, мы не вправе пока публиковать этот текст как безусловно пушкинский". Публикатор же письма в "Новом мире" (Михаил Маковеев) подобной осторожности, к сожалению, не проявил. А для этой осторожности между тем были веские основания.

ИСТОЧНИКИ:

1. Брюсов В. Избранное сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. - М., 1955. - С. 711-712.
2. "Подобно мне писал..." // Слово. - 1991. - № 6. - С. 21-23.
3. Осоргин М. "С французского" // Литературная газета. - 1991.- 5 июня.
4. Лотман Ю.М. "Слово о полку Игореве" и литературная традиция XVIII - нач. XIX в. // "Слово о полку Игореве" - памятник XII века.- М-Л., 1962..

Солодкая М.Б.

ПУШКИНИАНА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

О поэтах "русского Китая" в нашей стране заговорили намного позднее, чем об эмигрировавших в Европу, потому что в европейских странах "осели" уже сложившиеся поэтические индивидуальности. А "китайская" поэзия в основном была представлена теми, чей творческий путь только начинался в 20-30-е гг. В 1953 г. Ю.П. Иваск, составляя антологию поэтов русской эмиграции "На Западе", писал: "Данные о дальневосточных поэтах отсутствуют"(1).

По счастливой случайности в Краснодаре в семейном архиве покойной поэтессы Лидии Хаиндровой сохранилось несколько харбинских и шанхайских журналов 30-40-х гг., которые помогли нам расширить сведения о пушкиниане "русского" Китая.

В первые десятилетия XX века две пушкинские даты привлекли внимание русской культурной общественности за рубежом: 1912 г. - 75-летие со дня смерти поэта и 1937 - 100-летие печальной даты. В Харбине они были отмечены целым рядом различных мероприятий. Книга Г.В. Мелихова "Манчжурия далекая и близкая" (2) скупо рассказывает о

вечерах, концертах, литературных чтениях, театральных постановках в эти дни в честь памяти А.С. Пушкина. В Харбине состоялась Пушкинская выставка книг, гравюр, альбомов, автографов -- всего того, что хранилось в семейных архивах харбинской интеллигенции. А потом по материалам выставки была издана книга (Пушкин и его время: Альбом автотипий с сопроводительным текстом. Сост.: проф. К.И. Зайцев, П.А. Казаков, П.И. Севостьянов. – Харбин, 1938. – 216 с.).

В юбилейном 1937 г. размах приготовлений к пушкинским праздникам особенно взволновал поэтов. Сведения, почерпнутые из архива поэтессы Лидии Юлиановны Хаиндровой, позволяют судить об этом с достоверностью. Тридцать седьмым годом отмечены сразу два стихотворения из сборника поэтессы “Ступени”, изданного в Харбине в 1938 г. (Лидия Хаиндрова с 50-х годов и до кончины в 1986 жила после возвращения на родину в Краснодаре). Стихи она назвала просто: “Пушкин”. Написаны они в сонетной форме пятистопным ямбом. Тема -- гибель “сына славы”.

В первом (по расположению страниц в сборнике) запечатлены минуты возвращения смертельного раненого Пушкина домой:

*Лежало запрокинутым в возке
Больное тело. Посинели губы.
И кучер гнал в неистовой тоске
Своих коней, под свист и окрик грубый.
Прохожие шарахались от них.
И плакала во след им ночь глухая,
И боль была в лице, в глазах сухих...*

Скупое, но точно подобранные детали придают достоверность нарисованной картине. Двуступище, нетрадиционно расположенное после второго катрена, афористично:

... молва

*По всей России разносила весть:
Была венком торжественная десть.*

Второе стихотворение рассказывает о постыдном для русского правительства торопливом решении увезти тело покойного поэта подальше от столицы:

*И чтобы гнев народный превозмочь,
Приказ был дан усилить все заставы.
...И память вечную пропела вьюга...*

Но царя мучит “бессонница, тревожная подруга”, как расплата за постыдный поступок.

*...Спящий вид дворца
был страшен, хмуρο темные громады
Смотрели в небо, прямо в лик Творца.*

Мотив осуждения царя земного самим Господом возникает так оправданно, что кажется, в строчках отсутствует рациональное усилие автора, и организующим началом выступает только чувство слова, поэтический слух, “форма внутреннего мира” (Гегель) поэтессы.

В 1937 г. в харбинском журнале “Рубеж” (№ 6) появилось стихотворение крупного поэта “восточной” эмиграции Арсения Несмелова (1889-1945). Оно называлось “Кого винить?” (Позднее оно вошло в книгу стихов “Белая флотилия” 1942 года, изданную в Харбине).

Тема – Пушкин в последнее трехлетие жизни. Навязанное свыше благоденствие царя, рождающее злословие светской черни:

“Наградили!.. Пушкин камер...

Юнкер в тридцать два!

Глухое непонимание властительных невежд:

Каждый хлыщ, тупица явный,

Поучать готов...

В судьбе Пушкина Несмелову явно чудится нечто близкое себе, только в другом временном и социальном окружении. Но у поэта есть поэзия как выход кипящих чувств, Несмелов тоже знает это:

Только ночь – освобождение:

Муза, слаще пой!

Однако если бы поэзия действительно спасала поэтов! Увы, в жизни все совсем не так:

И от горькой чаши этой

Бегство – пистолет.

И великого поэта

У России нет.

...За столетье не приснится

Сна страшнее... Но

Где ж убийца, кто убийца?..

Ах, не все ль равно!

В стихотворении ощущается удивительная поэтическая свобода автора, начиная от выбора быстрого “легкомысленного” хорея и кончая этим горько-небрежным восклицанием: “Ах, не все ль равно!” Возможно, все это помогло избежать надоедливого славословия и глубже прочувствовать безысходность трагедии.

В 1943 г. в шанхайском журнале “Сегодня” (№ 25, с. 13) было опубликовано стихотворение “Александр Пушкин” Александра

Брянского. Установить какие бы то ни было данные о нем нам не представилось возможным: их нет ни в одном доступном на сегодня источнике.

Стихотворение по жанру – типичная элегия, по лексическому строю приближено к поэтической русской речи начала XIX века: “химеры”, “цвеница”, “тень дубов”; любимые авторы, властители дум, - Вольтер, Корнель. Все стихотворение дышит свежестью юности, предчувствием будущего высокого полета “мальчика-певца”.

Грациозная концовка стихотворения легко включает в себя цитату из пушкинской “Музы” 1821 г.:

В небесной синеве сверкали очи звезд.

На выцветшей скамье – забытые страницы...

Вплетаясь в тишину, волшебный звук цвеницы

Звучал в душе его, не по - земному прост.

“- Тростник был оживлен божественным дыханьем

И сердце наполнял святым очарованьем”.

Михаил Филин, создатель сборника “Венок Пушкину”, в предисловии к стихам поэтов-эмигрантов счел нужным предупредить, что не следует подходить к опубликованным произведениям с формально-эстетических позиций: свою задачу он видел в том, чтобы собрать все доступное по теме. Если же ограничиться именами признанных художников, то можно потерять в другом: ведь “история избранных, малолюдная и с выхолощенным литературным бытом”, - ущербная история.

Обратившись к произведениям, до сих пор остававшимся за чертой интересов исследователей, мы попытались расширить сведения о Пушкине “восточного” Зарубежья.

Автор приносит благодарность Т.А. Серебровой за возможность пользоваться архивом Л.Ю. Хаиндровой.

ИСТОЧНИКИ:

1. “Мы жили тогда на планете другой...”: Антология поэзии русского зарубежья. 1920-1990: В 4 кн. Кн.1/Сост. Е.В.Витковский. – М., 1995. – С.24.

2. Мелихов Г.В. Манчжурия далекая и близкая М., 1994.- С.263.

ЗВУКОПИСЬ А.С. ПУШКИНА

Трудно разграничить осознаваемое и неосознанное в творчестве любого поэта. Но есть немало свидетельств, что А.С. Пушкин, безусловно, отдавал отчет в сильнейшем воздействии звукописи на подсознание. Так, он писал: “Байрон не мог объяснить некоторые свои стихи... Есть два рода звуковой бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, а другая – от недостатка слов для выражения” (А.С. Пушкин, 1976, С.17).

В современной трактовке фоносемантики доказывается, что на уровне подсознания проявляется (особенно в поэтических текстах) межсенсорная синестетическая связь звучания и значения, получившая название звукосимволизма. Звукосимволизм способен участвовать в создании поэтического образа как при стихотворном творчестве, так и при восприятии стиха. Оказывается, что у каждого автора прослеживается свой творческий подход к использованию звукосимволизма.

Фоносемантический анализ помогает обнаружить звукосимволические приемы, предпочтительные для того или иного художника, что может служить показателем его поэтического идиостиля. Как показывают исследования (Кожевникова Н.А. 1989), для А.С. Пушкина было характерно обращение к одним и тем же созвучиям: ЛД/Т, РС, ВД, а также созвучиям с шипящими и Ч. Выдвижение Ч в качестве звуковой доминанты – необычное явление в русской поэзии. Оно свойственно только творческой манере Пушкина.

Анализ символики графем, объединенных поэтом в повторе, позволяет еще раз отметить удивительную гармоничность, присущую почерку Пушкина. Фонетические значения графем в любимых им повторях не имеют контрастирующих признаков, более того, большинство определяющих их символику признаков, совпадает. Так, фоносемантические характеристики Л и Т совпадают по девяти признакам (заметим, что фонетическое значение одной графемы определяется 12 признаками).

Для звуковой организации стихотворений А.С. Пушкина характерно также, что заглавие произведения становится источником звукового ряда, проходящего через все стихотворение. Примером могут служить стихотворения “Анчар”, “Адели”, “Приятелю”, “Мадонна”, “Признание”, “Портрет”. Фоносемантический анализ этих произведений

позволяет отметить, что фонетическое значение заголовка совпадает с фонетическим значением всего произведения, поскольку составляющие заглавие графемы выступают звуковыми доминантами в стихе. Например, фонетическое значение слова “анчар” совпало с фонетическим значением озаглавленного этим словом стихотворения, дав признаки большой, мужественный, простой, красивый, величественный, активный, яркий, громкий, храбрый, могучий.

Не только заголовок способен стать для Пушкина ключевым словом в звуковой организации стиха. Так, в стихотворении “Бесы” таким словом стало “тучи”. Его фонетическое значение соотносится с фонетическим значением текста, определяемого признаками простой, тяжелый, грустный, тусклый, печальный. Насыщение текста звукобуквами и звукобуквенными повторами, входящими в некоторое ключевое слово получило название анаграмматической звукописи. Этот прием широко использует Пушкин в своих произведениях.

Анализ творческой манеры великого поэта подтверждает выдвинутый Д.И. Выгодским тезис о влиянии на поэтическое творчество звукообраза, подразумевая под последним “определенный комплекс звуков, который, заполняя в данный момент сознание поэта, заставляет его подбирать в произведении звуки, тождественные или аналогичные имеющимся в основном комплексе” (1923, С.52). Для Пушкина таким звукообразом становилось слово. Это наглядно прослеживается при сравнении творческого почерка Пушкина с поэтической манерой В. Хлебникова, который тоже использовал анаграммирование как ведущий стихотворный прием. У обоих поэтов в тексте всегда есть “ключ” к анаграмме. Однако у Хлебникова таким “ключом” выступает отдельная графема (например, ТУЧИ в “Бесах”). Сравнительный фоносемантический анализ некоторых стихотворений А.С. Пушкина и В. Хлебникова дает любопытные результаты, которые могут трактоваться как особенности идеостилиа поэтов: фонетическое значение текстов Хлебникова обычно определяют два, а иногда и один доминирующий признак.

В творчестве А.С. Пушкина прослеживается равномерное и гармоничное использование звукоимпульсивизма во всех возможных функциях.

Звукоимпульсивизм в его произведениях может быть фономотивационным элементом, т.е. “ключом” к звуковому приему в тексте: повтору, звуковой метафоре, употреблению сквозных звуковых рядов и т.д. (Например, в стихотворении “Анчар” общие звукоимпульсивические характеристики способствуют соотносению слов,

входящих в эпитеты: бедный раб – непобедимого владыки) общий повтор Б, Д, Н, Е, общие характеристики: большой, грубый, холодный, величественный, могучий).

Кроме того, звуко-символизм у Пушкина способен нести читателю дополнительную эмоциональную информацию, поддерживающую общее образно-смысловое содержание произведения. Так, рассеянная по всему тексту “Бесов” графема воздействует на читателя, минуя светлое поле его сознания, и передает только эмоциональный настрой стиха, связанный с реализацией звуко-символической характеристикой графемы: темная, грустная, опасная.

Особенно интересны в творчестве Пушкина случаи семантизации звучания в стихе. При этом в тексте выделяются особые “фонетико-семантические фигуры” (Р.О. Якобсон, 1987. - С.81). Так, как отмечает А.П. Журавлев (1981), в стихотворениях “Зимнее утро” и “Редет облаков...” звук рождает цветные картины, дополняющие и иллюстрирующие образно-смысловое содержание.

А.С. Пушкин, обращаясь к нам из глубины веков, не позволяет сомневаться в его вполне осознанном, хоть и не названном, использовании звуко-символизма в стихе. Вспомним:

*В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихрь буйный,
Иль ночью моря шум глухой
Иль шепот речки тихоструйной.*

ИСТОЧНИКИ:

1. Выгодский Л.Д. Из эфонических наблюдений // Пушкинский сборник. – М. – СПб., 1923.
2. Журавлев А.П. Звук и смысл. - М., 1981.
3. Кожевникова Н.А. Звуковая организация текста в произведениях А.С. Пушкина // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1989.
4. Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // Собр. соч. – М., 1976. - Т.6.
5. Якобсон Р.О. Вопросы поэтики // Работы по поэтике. – М., 1987.

ПУШКИНСКАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ МОЗАИКА

(по материалам “Кубанских областных ведомостей” за 1899 г.)

Сто лет назад общественность России торжественно отметила столетний юбилей величайшего поэта России А.С. Пушкина. О том, как проходили празднования в нашем крае, подробно рассказывали “Кубанские областные ведомости”, откуда извлечена нами и систематизирована приведенная в данном сообщении информация.

Станица Екатериновская “Наше маленькое интеллигентное общество вместе со всею культурною Россиею собирается посылно отпраздновать 100-летие со дня рождения Пушкина... и достойным образом отметить в местной жизни предстоящее чествование памяти великого поэта” (1). Средоточием праздника должно было стать екатериновское двухклассное училище, где предполагалось провести литературно-вокальный вечер. Местная интеллигенция собиралась также открыть пушкинскую народную читальню. “Чтобы не откладывать начало добрых дел на бог знает когда, местные любители драматического искусства решили поставить на святой неделе спектакль, сбор от которого полностью пойдет на устройство народной пушкинской читальни” (1). Надеялись на частные денежные пожертвования и помощь со стороны станичного общества. В честь ознаменования пушкинского юбилея очень хотелось станичникам открыть еще одно начальное училище, т.к. росло число желающих учиться.

Майкопское общество решило выстроить народный театр имени А.С. Пушкина. Открыли подписку, и в течение нескольких дней собрали более 1000 руб. (24 марта 1899г.). А к 7 мая 1899 года частных пожертвований достигла 5358 руб. Закладку Пушкинского дома осуществили 28 мая в городском саду.

100-летнему юбилею в Майкопе была посвящена обширная художественная программа. Силами местной интеллигенции поставлены сцены из трагедии “Борис Годунов”, а учащиеся различных учебных заведений выступили с чтением поэтических и прозаических произведений поэта (2).

Станица Кужорская “... Громадная волна русского духовного моря, поднявшаяся при общем воспоминании о Выразителе своем и прокатившаяся далеко, не могла не коснуться и медвежьих уголков земли русской... Скромное торжество, посвященное 1000-летнему юбилею А.С. Пушкина, состоялось и в станице Кужорской. Завершилось оно раздачей

учащимся книжек с произведениями А.С. Пушкина. Но при этом обнаружилось... и Вы, читатель, не поверите, - обнаружилось, что в Кужорке есть цензура, при том, более строгая и самовластная, чем цензура столичная. В том, что именно наша, кужорская, цензура распорядилась вырезать из сборника сказок А.С. Пушкина сказку “О попе и работнике его Балде”. Не пропущенное цензурой произведение привлекло внимание значительного числа читателей, и, таким образом, цензура имела прямо противоположный эффект. “Будем надеяться, - говорилось в заметке “Кубанских областных ведомостей”, - что таких “цензоров-указчиков” на Руси осталось мало, и они, наконец, затеряются в таких медвежьих углах, как Кужорка” (3).

В станице Лабинской торжества начались утром 26 мая литургией в честь поэта. Затем в станичной школе учащиеся читали стихи А.С. Пушкина, а вечером здесь же при большом стечении народа силами учеников и учителей был дан спектакль – сцены из “Бориса Годунова” (сцены в келье Чудова монастыря и в корчме на Литовской границе), а также две живые картины: “Весна” и “Сон Татьяны” (Из “Евгения Онегина”). Исполнителей наградили дружными аплодисментами.

В станичном лабинском правлении по подписке было собрано 130 рублей в помощь бедным учащимся, и решено было при Успенской церкви основать Пушкинский приют для попечения о детях (4).

В Екатеринодаре к 14 мая 1899 г. вышла из печати книга Н.Н. Канивецкого “Кавказ в поэзии А.С. Пушкина” (5).

Станица Родниковская Лабинского отдела. 12 мая 1899 г. здесь состоялся сбор станичников, на котором по предложению станичного атамана И.П. Новикова в честь А.С. Пушкина решили назвать библиотеку при местном двухклассном училище Пушкинскую и пополнять ее фонд не только за счет средств школьного попечительства, составляющих 25 рублей ежегодно, но и за счет сумм из запасного станичного бюджета (6).

Станица Гвагинская. Волна воздаяния почестей великому поэту А.С. Пушкину захлестнула и эту станицу. Здесь читали стихи, говорили речи... Вдохновенным было чтение стихов великого поэта и отрывков из “Евгения Онегина”. Особо отличилась ученица Головина (7).

В станице Ярославской Майкопского отдела на вечерах 25 и 26 мая, посвященных 100-летию юбилею А.С. Пушкина, прозвучали произведения: “Полтава”, “Цыгане”, “Зима”, “Осень”, отрывки из “Бориса Годунова”, “Бахчисарайского фонтана”, “Станционного смотрителя”. Исполняли их учащиеся местного двухклассного училища и станичный аптекарь (8).

Из станицы Старошербиновской “... и эта станица достойно отпраздновала столетний юбилей нашего великого гениального поэта А.С. Пушкина. Ознаменовав его целым рядом полезных и веселых празднеств... Особенно должно отметить большой вкус и талант, с которым заведующий двухклассным мужским училищем прочел отрывок из “Бориса Годунова” - сцену в келье Чудова монастыря” (9).

В Анапе празднования юбилея поэта начались 26 мая божественной литургией и всенародной торжественной панихидой. А 30 мая в анапском общественном собрании был дан для учащихся благотворительный бесплатный пушкинский спектакль. Взрослые зрители платили за билет, а собранные таким образом средства направили в пользу голодающих.

В спектакле была представлена сцена в корчме из “Бориса Годунова”, инсценировка из повести “Барышня-крестьянка”, сцена поединка и ария Ленского из оперы П.И. Чайковского “Евгений Онегин”.

В последующие дни предполагалось представить вниманию юных зрителей ряд живых картин по произведениям “Евгений Онегин”, “Русалка”, “Кавказский пленник”. Каждая картина озвучивалась соответствующими поэтическими строками великого поэта (10).

В Екатеринодаре задолго до пушкинских юбилейных дней состоялись заседания городской думы, посвященные 100-летию поэта. Среди членов исполнительного юбилейной пушкинской комиссии были местные литераторы: А.И. Дьячков-Тарасов, И.А. Кузнецов, Л.М. Мельников, П.Н. Иков и др.

На заседаниях городской екатеринодарской думы, посвященных пушкинскому юбилею, “было значительное стечение посторонней для думы публики, но чрезвычайно озабоченной и заинтересованной увековечиванием памяти поэта”. Один из современников свидетельствовал: “Если бы тень А.С. Пушкина присутствовала в Екатеринодарской” думе, например, 8 мая 1899 г., она убедилась бы, что не везде еще в достаточной мере память эта “любезна” не только так называемому народу, но даже и сливкам этого народа – его интеллигенции... Отсутствие у думы своих проектов в целях увековечивания памяти А.С. Пушкина – свидетельство полнейшего равнодушия их к одному из величайших событий во всей истории культурного развития русского общества”.

Но все же постепенно проекты празднования приобретали реальные очертания. Так в одном из екатеринодарских думских решений говорилось, что:

1. Необходимо построить в городе пушкинский дом, и, начиная с1900 г., ассигновать на это по 3000 руб. ежегодно.

2. Открыть городскую библиотеку имени А.С. Пушкина. (Кстати, несколько позже, узнав о планах строительства и желая со своей стороны оказать посильное содействие городу, екатеринодарское общество приказчиков предложило городскому управлению бесплатное помещение для библиотеки).

3. На содержание бесплатной народной Пушкинской читальни выдавать Александро-Невскому братству ежегодно по 1000 руб.

4. Ассигновать воспитанникам городских училищ по 500 руб. для билетов на пушкинский спектакль товарищества драматических артистов п/у Илькова в городском летнем театре. В спектакле должны были быть представлены сцены из "Бориса Годунова", отрывки из опер: "Евгений Онегин", "Русалка", "Руслан и Людмила".

Пушкинские торжества в Екатеринодаре продолжались почти неделю, которая получила определение святой. Начались они утром в воскресенье 23 мая с народных чтений сразу в нескольких аудиториях. Самое активное участие в чтениях принимали члены Екатеринодарского музыкально-литературного кружка (впоследствии – Общества любителей изящных искусств). Слушателей знакомили с основными вехами жизни поэта, а потом начиналась художественная часть, где представлены были отрывки из произведений: "Медный всадник", "Скупой рыцарь", "Полтава", "Евгений Онегин", "Борис Годунов", "Сказка о рыбаке и рыбке", множество стихов. Самой многочисленной в этот день оказалась аудитория Дмитриевского училища – свыше 400 человек.

С 24 мая во всех учебных заведениях Екатеринодара состоялись торжественные акты. А 25, 26, 27, 29 мая по постановлению городской думы в летнем театре днем – для детей, а вечером – для взрослых, шел спектакль драматических артистов п/у В.Е. Илькова, составленный из разных произведений А.С. Пушкина. Завершала эти спектакли сцена "Венчание Пушкина Россией". Каждый день театр посещало свыше 800 человек. 26 мая его своим присутствием почтил начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска Я.Д. Малама.

Апофеозом торжеств стали события 26 мая, когда в 11 часов утра на екатеринодарской Крепостной площади при великолепной солнечной погоде, на фоне ясно встающих на горизонте синих гор Закубанья была отслужена торжественная панихида по безвременно погибшему поэту. "Внушительное и трогательное впечатление производила эта, более чем 3000 толпа народа, пришедшая помолиться об упокоении души поэта... Пел хор п/у регента А.Я. Губарева Александровского шестиклассного училища... Большинство присутствующих - это учащиеся "низших" местных учебных заведений, немало простонародья". Среди

присутствующих – интеллигенция и сановники. Панихида была отслужена без предварительного оглашения по городу. Если бы такое оглашение было сделано, то, без всякого сомнения, на панихиде присутствовало бы вдвое больше народа. Но и так Крепостная площадь едва вместила всех пришедших. “Интересно отметить, - писал корреспондент “Кубанских областных ведомостей, - что ко многим детям на площади мы обращались с вопросом “Кто такой Пушкин?” И все они, даже самые маленькие, знают, кто такой Пушкин и за что его чествуют” (11-12).

ИСТОЧНИКИ:

- 1.Кубанские областные ведомости (далее КОВ). – 1899.- 8 апр.
- 2.КОВ. – 1899.- 12,21 мая; 9 июня, 22 июня.
- 3.КОВ. – 1899.- 12 июня.
- 4.КОВ. – 1899.- 24 июня.
- 5.Канивецкий Н.Н. Кавказ в поэзии Пушкина – Екатеринодар, 1899; КОВ.- 1899.- 14 мая.
- 6.КОВ. – 1899.- 12 мая.
- 7.КОВ. – 1899.- 9 июня.
- 8.Там же.
- 9.КОВ. – 1899.- 9 июня.
- 10.КОВ. – 1899.- 12 июня.
- 11.КОВ. – 1899.- 1,6 июня.
12. КОВ. – 1899.- 6 апр., 8 мая, 11 мая, 12 мая, 14 мая, 21 мая, 25 мая, 1 июня, 2 июня, 6 июня, 25 июня.

III. ИСТОРИЯ. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Недвиг Н.Г.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА И ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

Опыт истории свидетельствует, что взаимоотношения духовенства со светской властью достаточно часто складывались неоднозначно. С одной стороны, будучи глубоко религиозным, светское начальство, как правило, оказывало церкви большую помощь и поддержку. Но не всегда светская власть относилась к своим духовным отцам с должным

уважением и предупредительностью. Зачастую представители войсковой администрации ставили себя в служебном отношении выше церковного клира и не только позволяли себе вмешиваться во внутренние дела духовенства, но допускали произвол и насилие.

В связи с этим в обычной жизни между духовенством и руководством войска нередко происходили распри, возникали конфликты, оканчивающиеся, как правило, не в пользу духовенства.

Документы свидетельствуют, что возникновению подобных конфликтов способствовало далеко не образцовое поведение самих духовных лиц. Необходимо отметить, что в традициях Запорожской Сечи было, с одной стороны, безраздельное влияние духовенства на народ, передавшееся на первых порах и черноморцам:

“Благоразумный служитель церкви может владеть умами простолюдинов, населяющих Черноморию. Вера в промысел, всем управляющий, очень присуща жителям Черномория, а потому при всех случаях неблагоприятных черноморец обращается к религии и ждет единственно от нее помощи. Все делается по-Божиему, а потому Бог силен: летом всех холодом истребит, а зимой зноем попалит - в этом искренне уверен каждый. Отсюда происходит, что более строгие в образе жизни и сильные в научении слову Божию пастыри церкви пользуются полным уважением и распоряжением прихожан” (1).

С другой стороны, каждый из запорожских священников проходил суровую школу Межигорского монастыря с ее высокими требованиями, предъявляемыми к духовным пастырям.

На Кубани ситуация несколько изменилась. Сохранив относительную независимость в церковной жизни и порядок формирования духовенства из собственной среды, черноморцы не смогли сохранить в полной мере высокую нравственность и чистоту своей церкви. Одной из главных причин была, как мы полагаем, поспешность, с которой формировалось духовенство.

Проследим его историю. Сразу же после высадки первых черноморцев на Тамани встал вопрос об удовлетворении их нужд, в результате епископ Феодосийский и Мариупольский Иов прислал в войско иеромонаха Исаию и еще одного священника.

Еще до того, как был опубликован “Порядок общей пользы”, положивший начало устройству Черноморского войска, 20 октября 1793 г. в письме из Тамани Антон Головатый советовал Захарию Чепиге воспользоваться своим пребыванием в Таврии и послать епископу Иову списки кандидатов из казаков в священники (2). Несмотря на отказ Иова, просьба была повторно направлена, теперь уже в Св. Синод, с просьбой

о настоятельном и неотложном удовлетворении религиозных потребностей Черноморского казачьего войска, в том числе о возможности рукополагать к строящимся церквям священников из достойных людей в казачестве.

Тогда же Св. Синод дал указание епископу Иову “рукоположить в священники столько лиц, сколько потребно, и одного дьякона” (3). “Возводить в сан священника позволялось лиц, обязанных воинскою службою и государственными податями, православных по вере и надлежаще подготовленных для служения в храмах” (4). Уже 30 апреля 1794 года первые казаки: Яков Дьячевский, Андрей Коломиец и Петр Коломиец - были посвящены в стихари. Войсковым протоиереем был назначен родственник А. Головатого священник Роман Порохня, человек, которому были близки интересы войска.

В стремлении как можно быстрее обзавестись собственным духовенством и устроить церкви в важнейших пунктах казачьих поселений “войсковое правительство не препятствовало уходу из военных рядов тех из грамотных казаков, которые имели желание принять духовный сан, - писал Ф.А. Щербина. - В среде казаков было также немало лиц, которых манила “духовная служба” своим почетным положением и спокойствием. Создались и упрочились известные отношения между властями и населением, выработались обычаи образования духовенства из своей среды, напоминавшие порядки времен первохристианства. В основу этих обычаев положено было выборочное начало, а избирателями были миряне, составляющие приход” (5).

Куренные общества, собрав деньги на постройку церкви, выбирали полным сходом священника, назначали дьякона и причетника. Строгого единого порядка обращения казаков в духовное звание не было, он зависел от местных условий и обстоятельств. Анализируя сохранившиеся в архивах куренные приговоры, можно сделать вывод, что в священники чаще избирались грамотные казаки в возрасте 27-30 лет, хозяйственные, трезвомыслящие и не участвовавшие в военных сражениях. Одобрительные приговоры об избрании, как правило, однотипны, приведем один из них, принятый Васюринским куренем: “... об избранном нами в священники кандидате свидетельствуем, что от роду ему 27 лет, воспитания доброго, не пьяница, не убийца, не мздоимец, в домостроительстве своем исправен и рачителен, не клеветник, не сварлив, в воровстве и обманстве не обличен, женат на дочери казака куреня Корсунского Щербины девице Василисе, первым и беспрепятственным к получению священнического чина браком” (6).

Положение духовенства было привлекательным не только для

людей религиозных и ценивших мирную жизнь, оно представляло соблазн и для разного рода проходимцев, искателей легкой наживы. В то время среди казачьего населения вращались странствующие духовные лица, о чем архиереи часто предупреждали войсковое начальство. Так, в 1804 г. епископ Иов просил войсковое правительство выслать из войска “шатающихся без письменного вида” священников и монашествующих, которые, пользуясь доверием религиозно настроенного населения, совершали требы как духовные лица и часто творили безобразия (7).

Материалы архивов свидетельствуют как о проступках духовных лиц по отношению к мирянам, обществу и друг к другу, так и мирян по отношению к своим духовным наставникам.

Грубыми были нравы и обычаи, низок уровень культурного развития, слабо нравственное осознание в делах общественного служения. Не удивительно, что ссоры, сутяжничество, ожесточенная вражда, произвол и насилие одинаково встречались и в жизни духовенства, и в делах светских. Как справедливо замечает Ф.А. Щербина: “Враждовали духовные особы между собой, причт с причтом, враждовали нередко и приход со своими духовными отцам” (8). Этот вывод подтверждается следующим рядом названий дел из фондов Екатеринодарского духовного правления, духовной консистории и канцелярии Кубанского казачьего войска: “О смещении священника за пьянство и неисполнение духовных треб в ст. Натухаевской и ст. Благовещенской” (Ф.418, д.151); “О причиненных священником Федором казаку Василию Хатухину удара, от чего он умер” (Ф.689, д.1); “О самовольной отлучке селения Щербиновского Преображенской церкви священника Филиппа Стояновского без сведения начальства своего на рыбные косы” (Ф.689, д.4); “О поступлении по законам с приходским священником Александром Барановским за учиненный им с хорунжим Калиниченковым бунт и драку” (Ф.689, д.9); “О неблагоприятных действиях священника Киреева” (Ф.689, д.71); “О законопротивном поступке священника Исидора Малицкого” (Ф.689, д.128); “О повенчании селения Нижестеблиевского священником Павлом Камышанским вдовы казачки Евдокии Колесниковой, бывшей за тремя мужьями, с четвертым казаком Иваном Коваленко” (Ф.689, д.134) и многие другие.

Накануне воссоединения церквей в канцелярии Главного священника Кавказской армии рассматривалось дело “об Удалении из Кубанского казачьего войска 24 священников по опороченному поведению и другим причинам”. Епископ Феофилакт, на долю которого выпало это дело, лично убедился в недостойном, безнравственном поведении священников. В 1868-1869 гг., во время своих поездок, он

неоднократно обращал внимание на то, что в жизни священников много недостатков и отхождений от правил поведения и порядка. Многие из них, особенно в глухих станичных приходах, оказались малоопытными не только в пастырской деятельности, но даже в совершении богослужений и отправлении обычных треб. Внутренних побуждений к нравственному совершенствованию жизни было недостаточно. Оказывала свое влияние и среда, в которой находились священники.

Частыми были столкновения между духовными особами и прихожанами на почве материального обеспечения духовенства особенно из-за треб по хуторам, жители которых, как правило, были людьми состоятельными и хорошо оделяли духовенство. Между тем хутора были так разбросаны и удалены от своих приходов, что население в необходимых случаях обращалось к ближайшему причту, а не к тому, по спискам которого оно числилось. Отсюда возникла масса претензий со стороны одних приходов к другим. Не всегда находило духовенство материальную поддержку и у войскового начальства. Так, в 1887 г., в ответ на запрос войскового хозяйственного правления Кубанского казачьего войска в Епархиальное управление о том, "не признает ли оно своевременным прекратить выдачу получаемого от войска жалованья причтам Кубанской области, если не всем, то хотя бы некоторым из "лучших станиц" этой области", развернулась острая дискуссия на страницах "Ставропольских епархиальных ведомостей", в которой представитель духовенства священник А. Широгородов эмоционально описывал материальное положение своих коллег: "Лишь только духовенство стало выходить из черного тела, лишь только несколько вздохнуло после тяжелой борьбы за свое существование, как уже завидуют его материальному положению, считают его уж слишком обеспеченным. Как будто бы духовенству - этому безответному сословию - суждено влачить свое существование в постоянной гнетущей нищете".

Материальное положение священнослужителей действительно было разным. Некоторые из них довольствовались добровольными пожертвованиями, которых в бедных приходах не хватало на жизнь, поэтому среди станичных священников Кубанской области встречались лица, нищенствующие со своими семьями: "Способы содержания нашего духовенства состоят из платы за требы и собирания пшеницы по дворам способы унижительные и не совсем нравственные. Плата за исполнение треб далеко недостаточна, чтобы жить даже впроголодь, причем на нее не всегда еще можно рассчитывать" (9).

Из-за недостатка материальных средств, тяжелых условий: болезней и военных опасностей - невозможно было пригласить священников из других епархий, а собственного духовенства постоянно не хватало.

Особенно остро ощущался недостаток духовных пастырей в приходах Закубанского края. В 1866 г. военное начальство сделало представление Кавказскому наместнику о назначении в станицы иеромонахов, однако представление не получило благоприятного для края решения. Желających служить оказалось немного, да и из них многие были людьми со слабой нравственностью. Кубанский историк П.П. Короленко приводит такой пример: “В станице Самурской в 1867 году офицеры, пьянствуя со священником, напоили его до бесчувствия и носили по улицам на мертвецких носилках, говоря всем встречным, что их духовный пастырь внезапно скончался и они его сами отпевают” (10).

Отрицательные явления из жизни и Черноморского, и Закубанского духовенства в личных проступках его представителей зафиксированы современниками и обнаруживаются достаточно часто, может потому, что личный проступок всегда ярче бросается в глаза, чем правонарушение служебного характера.

Помимо поспешности в формировании духовенства причиной недостатков в его деятельности был и низкий уровень грамотности, и отношение к низшим членам причта. Современники отмечали: “Кавказское духовенство было полуграмотным и в большинстве случаев разделяло нравственные недостатки своей паствы. Духовные школы не всегда удовлетворяли своему назначению в качественном отношении, так как не сообщали необходимых для будущей паствы знаний и нуждались в лучшей постановке в них обучения” (11).

Как уже отмечалось, выборное казачье духовенство – “кость от кости и плоть от плоти казачества”, было проникнуто одинаковыми с ним воззрениями, придерживалось одних и тех же порядков и обычаев и преследовало одни общие войсковые интересы. За это казаки считали их своими и платили им полным доверием, в свою очередь, служители церкви, как правило, шли навстречу казакам.

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАКК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 23.

2. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 253. Т. 1. Л. 1213.

3. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – Москва – Пятигорск, 1992, - С. 95.

4. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: В 2 т. – Екатеринодар, 1911, 1913. – Т. 1. – С. 586.

5. Там же.

6. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 253. Л. 1.

7. Шептун С. Казачество и Православие. // Вольная Кубань. – 1991. - № 251. – 25 нояб. С. 392.
8. Щербина Ф.А. Указ. соч. – С. 773.
9. Ставропольские епархиальные ведомости (далее: СЕВ). – 1887. - № 23. – С. 919.
10. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Зап. Кавказе// Цит. по: Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский: Указ. соч. – С. 134.
11. СЕВ. – 1903. - № 11. – С. 626.

Тернавский Н.А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Культуру кубанского казачества конца XVIII - второй половины XIX вв., несмотря на довольно высокое развитие культуры авторской (профессиональной), существование учреждений культуры, можно охарактеризовать как традиционно-бытовую.

Авторская (профессиональная) культура в силу необходимости края, военного положения, а также по причине отсутствия (особенно в первые годы колонизации края) таких учреждений (институтов) культуры, как учебные заведения, библиотеки, театры и т.д., развивалась слабо. В Черномории ее развитие проходило в русле авторской культуры Украины, связи с которой сохранялись до конца прошлого столетия. Казачьи старшины отправляли своих детей учиться в Харьковский коллегийум, престарелые набожные казаки ходили на прощу в Киево-Печерскую Лавру и Оптинскую Пустынь, ежегодно отправлялись из Черномории на Украину чумацкие валки (обозы), молодые казаки отыскивали своих будущих жен в украинских слободах, селах и местечках.

Тем не менее официальная авторская культура опиралась на культуру великорусскую, в первую очередь, через язык деловой переписки. Каналами проведения (распространения) русской официальной культуры в Черноморском казачьем войске этого периода были: войсковое правительство (позже войсковая канцелярия), окружные правления, кордонное начальство и церковь.

Долгое время в Черномории церковь играла роль распространителя культуры. Образование в годы колонизации Черномории развивалось под эгидой церкви; первыми учителями в

Черноморском войске были священники и дьяки. Кроме того, казачьих детей грамоте обучали писари окружных и куренных правлений. Грамотность в Черномории хотя и была значительно выше, чем в губерниях России и даже в Донском казачьем войске (1), однако в современном понимании она была довольно поверхностной. Грамотным почитался казак, умеющий читать, писать по-русски и выполнять простые арифметические действия. Но даже таких “грамотеев” в конце 18 века не хватало в войске, из-за чего осложнялась служба на кордонной линии. Как сообщал в 1797 г. войсковому есаулу М. Гулику начальник второй части капитан Герасим Кухаренко, в кордонах его ведомства не хватало грамотных казаков, которые могли бы исполнять писарскую должность.

Образование практически всецело было подчинено бытовым и служебным нуждам. Потребовалось немало времени, прежде чем простые казаки осознали необходимость дать своим детям хорошее образование. Обязательным требованием для исполнения писарской должности, а также других войсковых должностей было знание русского языка, хотя бы на уровне составления простого рапорта, прошения, реляции. В формулярных списках офицеров и казаков Черноморского казачьего войска конца XVIII - начала XIX вв. отмечалось: “российскую грамоту разумеет”.

Войсковое правительство с первых лет колонизации края выписывало несколько российских газет и журналов. Так, в 1794 г. по поручению Войскового Судьи А.А. Головатого была сделана подписка на получение в 1795 г. “Ведомостей Московских”, с изданием “Приятное препровождение времени” и “Сенатскими Прибавлениями”, немецкого политического журнала, календарей - ординарского, придворного и адресного. За подписку было заплачено войском 32 рубля 50 копеек (2). В те же годы А. Головатый, игравший ведущую роль в насаждении культуры в Черноморском войске, сохранял дружеские и деловые отношения с многими культурными деятелями Украины. Он привез на Кубань из Украины несколько иконописцев, заказал резной иконостас для Покровской церкви у харьковских мастеров, вел переписку с семейством Г.Ф. Квитки-Основяненко. В Харьковском коллегииуме, ставшем позже университетом, обучались дети черноморской казачьей старшины. Я. Г. Кухаренко свои произведения писал на украинском языке, он сохранял творческие и дружеские связи с Т.Г. Шевченко, многими писателями и культурными деятелями Украины. Кроме того, с украинской авторской культурой, бывшей неофициальной в Российской империи, в том числе и на Кубани, связано творчество многих деятелей культуры края, и в первую очередь, писателей. На украинском языке свои

произведения писали кубанцы: Яков Кухаренко, Василь Мова, Александр Пивень, Гнат Шевель, Иван Прийма, Федор Щербина и многие другие.

Вместе с тем, записки И. Мигрина, первый исторический труд о Черномории, составленный Я.Г. Кухаренко вместе с М. Туренко, исторический очерк И. Д. Попки “Черноморские казаки в их гражданском и военном быту” (1858 г.) были написаны на русском языке и являлись продолжением традиции российской историографии.

Основу населения Черномории составляли запорожцы, которые сохраняли, хотя и в несколько видоизмененном виде, традиционную украинскую культуру. Переселения на Кубань 1809-1810, 1820, 1840-х, и даже отчасти 1860-х годов, производились из Украины; в основном из Полтавской и Черниговской областей, что также повлияло на становление культуры казаков Кубани, восполнив традиционную культуру запорожцев детской субкультурой и внесло свои коррективы в поведенческий стереотип черноморца. Семейный уклад сгладил нравы, наряду с мужественностью и воинственностью у казака-черноморца стали цениться такие качества, как хозяйственность, трудолюбие, предприимчивость.

Включение в казачью среду представителей других этносов: поляков, великороссов, белоруссов, татар, молдаван, греков, адыгов и евреев никакого существенного влияния на культурную традицию из-за своей малочисленности не оказало. Как указывают авторы книги “Кубанское казачье войско. 1696-1888 г.”: “Главную подавляющую массу казачества составили малороссы, придавшие всему складу жизни чисто малорусский характер. Язык, нравы, обычаи, песни и устная народная поэзия, костюм - в особенности женский, способы ведения хозяйства и т. п. - все это было малорусским. По той же причине казаки, как малороссы, были ревностные последователи православия. До начала восьмидесятых годов между черноморцами не было ни одного сектанта” (3). Языком межличностного общения был украинский (малоросский).

Таким образом, можно утверждать, что профессиональная культура черноморцев развивалась как в русле русской, так и украинской авторской культуры. Это относится в первую очередь к казачьей верхушке и то далеко не ко всей. Простые казаки в массе своей сохраняли традиционную украинскую культуру.

Печать в провинции тоже подвергалась цензуре. Для всех изданий сохранялась цензура церковная. Так 29 октября 1881 г. был издан секретный циркуляр о воспрещении на Кубани “сценических представлений и чтений на малороссийском наречии, а равно и печатание на таковом пьес, текстом по музыкальным нотам”. Хотя революционные

события 1905 г., и в особенности 1917-го, сняли некоторые запреты и ограничения на украинскую культуру, тем не менее она приобрела статус официальной лишь в конце 1920 гг., а в начале 1930-х гг. подверглась сокрушительному разгрому и практически полному запрету. Свое дальнейшее развитие она получила в эмиграции. Многие кубанцы, находившиеся в эмиграции, сохраняли традиции украинской авторской культуры.

ИСТОЧНИКИ:

1. Кубанское казачье войско 1696-1888. – Воронеж, 1888. – С 253.
2. ГАКК. Ф. 250, оп. 1, д. 3. л. 336.
3. Кубанское казачье войско 1696-1888.- Воронеж, 1888. - С. 105.

Фролов Б.Е.

МУНДИР КУБАНСКИХ КАЗАКОВ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Переселение на Кубань в конце XVIII – начале XIX вв. представителей различных казачьих войск вызвали к жизни самые различные процессы: социальные, политические, этнические... Постепенно набирал силу и процесс складывания новой локальной культурной традиции.

Со временем в традиционной культуре кубанских казаков образовался слой, связанный с особенностями военизированного быта. Оформляется ритуал проводов и встреч служилых казаков, устанавливаются праздники войска и отдельных частей. Заметное место занимает военная тема в различных жанрах фольклора. “Воинская повинность способствовала выделению в среде казаков и такой социальной группы, как служилые казаки, которая также обладала своей субкультурой” (Бондарь Н.И., 1995).

Важным элементом этой субкультуры являлась форменная одежда. Помимо чисто прикладных, “вещных” функций она несла функции идеологические и ритуально-культовые. Несомненно, мундир кубанских казаков являлся системой (впрочем, как и одежда любого человеческого коллектива) и его системообразующие элементы имели свою знаковую сущность. Именно этим можно объяснить их устойчивость и “живучесть” в начале XX в., когда кровопролитные позиционные войны наглядно продемонстрировали непригодность казачьей форменной одежды

и некоторых предметов снаряжения и вооружения к новым боевым условиям.

Мундир, форменная одежда составляли необходимый комплекс в системе жизнедеятельности разных сословий Российской империи. Мундир визуально отражал служебное и сословно-родовое положение лица, его носившего. Русский мундир нельзя рассматривать только как предмет вещевого довольствия или как явление материальной культуры. По словам А. Смирнова, “за два столетия русская армия выработала довольно стройную систему представлений о символическом значении своей униформы – своего рода “теорию мундира” (Смирнов, 1995).

У казаков Кубани мундир тоже не сразу стал многозначным символом. Молодое Черноморское войско первое время вообще обходилось без форменной одежды – оно еще не осознало себя единым военным организмом, составной частью военной машины империи. Люди, набранные в войско, психологически не адаптировались к своему новому социальному статусу, военная служба еще не вьелась в кровь и плоть и рассматривалась как тяжелая повинность.

Высочайше утвержденный в 1816 г. мундир в виде короткой куртки на крючках с воротником-стойкой (созданный на базе донского) остался для черноморцев чужим, и его приходилось внедрять силой. Мундир образца 1840 г. был ближе к повседневной одежде казаков, и тем не менее И.Д. Попко отмечал: “Вне строя, в походном и домашнем быту, казаки носят черкесскую одежду, предпочитая ее своей форме, как за легкость и удобство покроя, так и за прочность сукна” (Попко И.Д., 1858). Как нам представляется, только к 70-м гг. XIX в. был найден компромисс между стихийными, народными тенденциями, с одной стороны, и официальными, державными, с другой. Форменная одежда “строится” на базе “традиционной” казачьей. По сути дела, надев погоны на домашнюю черкеску, казак превращал ее в форменную. Мундир выделялся цветом сукна и прибором.

Со временем к форменной одежде складывается заинтересованное и даже любовное отношение, и ее можно выделить в специфический блок в структуре модели казачьей культуры. Укажем на некоторые символические, семиотические функции мундира. Во-первых, он постоянно напоминал о почетном, исключительном, ни с чем не сравнимом статусе военного человека. Для казачества, как военного сословия, мундир – знак кастовости, избранности, отличающий их от “мужиков”.

Постоянно носимый мундир представлял не только знак почета, но и напоминал о требованиях долга, обязывал блюсти “честь мундира”.

Неудивительно, что в Кубанском войске так долго, тщательно и всесторонне обсуждался вопрос о разрешении казакам, нанимающимся на работы за пределы войска, носить форменную одежду установленного образца.

Особую смысловую нагрузку нес и мундир отдельной части, он был символом ее индивидуальности. Для Кубанского войска это знаки отличия на головные уборы, жаловавшиеся не только полкам и батальонам, но и отдельным сотням. Вензель императрицы Екатерины II на погонах позволял не только определить казаков 1-го Запорожского полка, но и напоминал о славном историческом прошлом; вензель Николая II подчеркивал опеку, шефство царя над самым молодым батальоном войска – 6-м Пластунским.

Огромное воспитательное значение имели элементы униформы, пожалованные в качестве награды. В 1908 г. всему Кубанскому войску была пожалована белая тесьма на верхний край воротника, борта бешмета и нижний край рукавов черкесок. Одной из интересных разновидностей коллективных наград являлись георгиевские петлицы. В 1878 г. петлицы “за военное отличие” пожаловали офицерам 1, 2, 5 конно-артиллерийских батарей Кубанского войска.

Униформа могла служить наградой не только отдельным частям, но и конкретным людям. Нижние чины императорского конвоя в качестве поощрения за безупречную службу получали право на ношение гвардейского мундира в пределах Кубанской области. Казаки, состоящие на должностях станичного и хуторского атаманов, почетного судьи, прослужившие не менее трех лет и награжденные медалью для ношения на шею, получали право на пожалование почетным чекменем.

Мундирные цвета – черный и красный – считались цветами Кубанского казачьего войска. В 1888 г., во время приезда Александра III на Кубань, государыня была подчеркнута одета в черно-красный костюм, демонстрируя тем самым уважение к войску.

По мнению Б.А. Алмазова, для казаков форменная одежда “в широком смысле вообще национальный костюм, а еще шире – казачья нравственность, бытовой и хозяйственный уклад, весь комплекс предметов и обычаев, окружавших казака” (Алмазов, 1992). В этих словах есть рациональное зерно, хотя не все в оппозиции “казак-мундир” так однозначно и прямолинейно. В начале XX в. форменная одежда кубанских казаков действительно в какой-то мере отражала их самосознание.

В заключение следует напомнить о той особой роли, которую сыграл военный элемент в развитии науки и культуры на Кубани. Именно люди в военных мундирах стали первыми историками, поэтами, художниками, инженерами, писателями.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ КАЗАЧЬИХ АТАМАНОВ

Портреты атаманов Черноморского, Кавказского линейного и Кубанского казачьих войск хорошо известны всем, кто интересуется историей Кубани. Однако процесс создания портретной галереи еще не был освещен в исторической литературе и цель исследования – восполнить этот пробел.

В 80-е г. XIX в. кубанский историк Е.Д. Фелицын сумел разыскать изображения 17 атаманов. Большую часть из них опубликовал в своем труде. Е.Д. Фелицын лично сфотографировал все портреты и смог издать их также отдельным комплектом. Крупного размера фотографии (32x47,5см.) были оформлены в картонные рамки, украшенные трофейным орнаментом. Фотопортреты атаманов работы Е.Д. Фелицына имелись в атаманском дворце, Войсковом собрании и еще в ряде войсковых учреждений (в настоящее время несколько штук хранятся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике).

Осенью 1908 г. Наказной атаман Кубанского казачьего войска М.П. Бабыч хотел подарить портреты атаманов Владикавказскому кадетскому корпусу, питомцами которого были кубанские и терские казаки. Оказалось, что не сохранилось ни одного полного комплекта издания Е.Д. Фелицына. Это обстоятельство заставило наказного атамана поручить Войсковому штабу заняться изготовлением нового комплекта.

24 октября 1908 года начальник штаба представил М.П. Бабычу свои соображения. К семнадцати имеющимся портретам он предлагал добавить еще три. По данным начальника штаба портретов первых четырех атаманов не было вовсе.

Так как негативы Е.Д. Фелицына найти не удалось и портреты требовалось переснимать, были запрошены местные фотографы: Чернов, Савенко, Габриен - Шихинян, Сумовский. Наиболее приемлемыми представлялись условия Сумовского, предлагавшего выполнить портреты на платиновой бумаге, никогда, по его словам, не выпуктавшей.

Однако стоимость комплекта в этих ателье колебалась от 116 до 160 рублей, что было дорого и в конце концов заставило отказаться от услуг фотографов.

11 февраля 1909 г. штаб Кубанского казачьего войска сделал запрос в экспедицию заготовления государственных бумаг с просьбой о печатании портретов атаманов фототипическим способом. 31 июля 1909г.

был сделан заказ экспедиции заготовления государственных бумаг. Войско выслало 20 портретов атаманов и три фотографии: памятника императрице Екатерине II, памятника в честь 200-летия Кубанского казачьего войска и проект памятника в станице Таманской. Заказывалось по тысяче экземпляров с каждого образца. Все фототипии должны были печататься на двухлистовом бристолевом картоне. Стоимость 23000 фототипий составила 6900 руб., то есть по 30 коп. за экземпляр.

В ходе работы экспедиция ряд плохих портретов вернула, так как с них не удавалось получить качественного оттиска. Войсковому штабу пришлось разыскивать другие. В частности, портрет генерала Филиппсона был взят в Кубанском войсковом музее. Эти поиски несколько задержали выполнение заказа. 17 марта 1911 г. экспедиция отправила фототипии Николаевской железной дорогой в штаб Кубанского войска с 35 “доставленными оригиналами”. 26 апреля комиссия в составе есаула Гаденко, подъесаула Есаулова и сотника Шкуропатского освидетельствовала и приняла груз.

Комплекты, состоящие каждый из 20 портретов атаманов и трех памятников, распределялись между различными войсковым заведениями, строевыми частями и высылались по заявкам станиц. В настоящее время один комплект хранится в фондах Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника, активно используется в выставочной работе и при создании живописных портретов художниками края.

Слущкий А.И.

КУБАНСКИЕ СЮЖЕТЫ В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ Б.Д. ГРИНЧЕНКО

Историческое познание - процесс сложный и далеко не всегда однозначный. Оно зависит от наличия и характера сохранившихся исторических источников, от социальных настроений среды, частью которых является человек, пишущий историю. От его мировоззрения, привязанностей, ориентаций. Искусство историка проявляется тогда, когда он начинает читать документ, интерпретировать его, вводить в исторический контекст. Но как бы ни был искушен историк, без знания отдельного факта или документа он бессилен.

Сегодняшний интерес к региональной истории (вполне понятный

по многим причинам) сталкивается со слабой источниковедческой и библиографической разработанностью проблемы. В первую очередь, это касается истории профессиональной культуры Кубани. На данном этапе ее исследования в научный оборот активно вводится новый фактический материал, делаются первые попытки систематизации этого материала. Порой отдельные архивные находки и публикации могут кому-то показаться случайными и “незначительными”, а кому-то невероятно важными. Все зависит от степени нашей “осведомленности” и ориентированности. Поэтому, чем больше будет публикаций отдельных документов, описаний отдельных историко-культурных сюжетов, тем скорее случайное и изолированное превратится в системное и научно объяснимое.

Среди историко-культурных сюжетов Кубани одно из центральных мест занимают культурные связи Украины и Черноморья (Кубани). Эти связи в течение двух последних веков были органичными, всегда естественно поддерживались, были конструктивно диалогичны. Совсем другое дело - изучение этих связей, изучение степени взаимовлияния этих культур. Тут были периоды активизации, но были и периоды не просто спада интереса, а “запрета” на освещение этой тематики.

В последние годы интерес к истории культурных связей Кубани и Украины усилился, во многом благодаря инициативам и публикациям В.К. Чумаченко. Появился ряд историко-литературных, исторических, библиографических публикаций кубанских исследователей А.И. Феединой, Н.А. Тернавского, А.И. Слудкого. В этих исследованиях широко используются эпистолярные источники, материалы текущего делопроизводства, повествовательные и библиографические источники, материалы периодической печати.

Среди сравнительно редких, но достаточно информативных источников, дающих богатый материал для изучения культурных связей, следует назвать каталоги личных библиотек. О возможностях их использования в подобных исследованиях (например, в изучении русско-французских, русско-чешских культурных связей) писали не раз – П.Н. Берков, В.С. Люблинский, А.С. Мыльников. Безусловно, возможности использования этого вида источников ограничено сравнительно малой его распространенностью. Каталогов личных библиотек черноморцев и кубанцев практически не сохранилось. Нам известен каталог И.Д. Попки (1), составленный им самим в конце жизни. О сохранившихся (как единое целое) личных библиотеках кубанцев, которые позволили бы сегодня подготовить к публикации их каталоги, неизвестно и вовсе.

О книжных связях Кубани и Украины уже писали. Сохранившаяся

(и отчасти опубликованная) переписка П. Кулиша и В. Белозерского (журнал "Основа") с Я.Г. Кухаренко и С.А. Шарапом, А.М. Лазаревского (журнал "Киевская старина) с П. П. Короленко и Е.Д. Фелицыным (2), М. Дикарева с Б. Гринченко, В.В. Скидана с М. Комаровым (3) (список можно продолжить) свидетельствует о прочности этих связей. Достаточно часто переписка носила деловой характер, заканчивалась рецензиями на те или иные издания в местной периодике, высылкой просимых книг, публикациями статей или литературных произведений. Тем более, что у кубанцев (черноморцев) возможностей серьезно печататься дома до 70-х гг. практически не было, в конце века эти возможности оставались достаточно ограниченными. Кубанцы не только публиковались в украинских периодических изданиях, но достаточно активно слали своим корреспондентам кубанские издания, материалы о Кубани. В знаменитых конволютах А. Лазаревского ("Украинских сборниках") - по свидетельству С. Билоконя – немало материалов о Кубани (4).

Сравнительно недавно на Украине был издан каталог личной библиотеки Бориса Дмитриевича Гринченко (5). Прекрасный поэт, одаренный прозаик, драматург, пьесы которого исполняли лучшие украинские труппы, переводчик, литературный критик, литературовед, педагог, лингвист-лексикограф, фольклорист и этнограф, публицист, редактор-издатель, библиограф, популяризатор украинской истории и детской украинской литературы – таково было поле интересов и деятельности Б. Гринченко (6). Более подробно об основных вехах его жизни кубанскому читателю уже рассказывал В.К Чумаченко (7).

За всю жизнь у Бориса Гринченко собралась огромная библиотека, которую он завещал сохранить единым комплексом. Рукописный каталог (848 с.) библиотеки был составлен женой писателя, тоже украинской писательницей М. Загирной (М. М. Гринченко) уже после смерти самого Б. Гринченко. В нем было зарегистрировано более 6000 книг, брошюр, оттисков отдельных статей, альбомов, периодических изданий. В 1919 г. библиотека поступила в фонды Всенародной библиотеки Украины при Украинской Академии наук (сегодня Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского). Силою обстоятельств коллекция как целое разрушилась, что-то оказалось потерянным, что-то погибло, отдельные фрагменты библиотеки влились в специальные фонды библиотеки. Разрушение самой коллекции сделало актуальным издание сохранившегося каталога библиотеки Б. Д. Гринченко. И когда в 1988 г. ЦНБ Украины приступила к осуществлению своего давнего проекта – публикации каталогов фондов библиотеки, то первым изданием этого

серии стало факсимильное издание рукописного каталога библиотеки Б. Гринченко.

По замечанию издателей, библиографическая культура рукописного каталога была очень высокой, позволяла и сегодня спокойно работать с каталогом, разыскивать необходимые книги. Издатели решили напечатать каталог факсимильным способом, приложив к нему именной и предметно-тематический вспомогательные указатели, список периодических и продолжающихся изданий.

В библиотеке Б. Гринченко большое количество конволютов и картонов. Составитель описывала их под единым номером, давая сравнительно подробное описание каждой брошюре или отдельному оттиску, включенному в конволют. Указывался формат изданий. Практически всегда указывалось издание, в котором печаталась статья или отдельный оттиск статьи, включенные в конволют. Номера, тома журналов или продолжающихся изданий (если они хранились целиком) не расписывались, аналитическая роспись давалась только для конволютов и картонов. (Например, в составе конволютов отражены статья М. Дикарева (2620), второй раздел библиографического указателя Е. Фелицына и В. Шамрая (№ 352).

Фиксировались в каталоге и дарственные надписи на книгах и отдельных оттисках. Надпись никогда не цитировалась полностью, просто после описания указывалось “З написом Б. Гринченкові од автора”. Иногда подписной экземпляр книги попадал Б. Гринченко из другой библиотеки. Так екатеринодарское издание “Программы для этнографического исследования народной жизни в связи с голодом и холерою” (1894) М.А. Дикарев подарил с дарственной надписью К. П. Михальчуку (1840 – 1914), известному украинскому языковеду (8). И уже экземпляр Михальчука оказался в библиотеке Б. Гринченко.

Не исключены в каталоге и опечатки. В именном вспомогательном указателе в гнезде М. Дикарев значится № 1777. (Народний календарь “Село”. На 1910 рік. Додаток до народної ілюстрованої газети “Село”. Київ, 1910). В самом описании имя Дикарева не упоминается. Если учесть, что именной указатель составлялся сотрудниками библиотеки им. Вернадского по самому рукописному каталогу, без просмотра de visu каждой статьи, то здесь возможна случайная ошибка.

Книг, периодических изданий, отдельных оттисков, представляющих Кубань, в библиотеке Б. Гринченко немного – всего 25 номеров (42 названия). Мы встречаем монографии, брошюры, отдельные публикации М. Дикарева, А. Бигдая, Ф. А. Щербины, Л. М. Мельникова, А. Пивня, Я. Жарко, Г. Доброскока, Е. Фелицына, отдельные номера

“Кубанских областных ведомостей”, “Известий общества любителей Кубанской области”.

Анализ описаний личных библиотек свидетельствует, что отдельные издания в него могут попасть и случайно, но в целом состав библиотеки отражает привязанности и взгляды собирателя. Кубанские материалы по своим тематическим и жанровым характеристикам совпадают с кругом интересов Б. Гринченко. В первую очередь, в них представлена этнография, фольклор, литература, библиография, лексикография. Некоторые публикации в библиотеке Гринченко оказываются дублетными. Так, уже названное екатеринодарское издание “Программы для этнографического исследования народной жизни в связи с голодом и холерою” (отдельный оттиск из 3-го тома “Кубанского сборника”) зарегистрировано в каталоге дважды (под №№ 41 и 2620).

При работе Б. Гринченко над “упорядкуваньям” словаря украинского языка он неоднократно обращается к кубанским и черноморским источникам. Его непосредственным корреспондентом на Кубани был С. И. Эрастов. Активно использовались в работе публикации Я. Г. Кухаренко в “Основе” (1861 - 1862 гг.), в частности “Чабанський словарь” (9). Естественно, у Гринченко есть комплект “Основы” (№№ 250 - 252), но есть и пикуновское (с бесконечным количеством цензурных помарок) издание произведений Я. Г. Кухаренко (1029) (10). Есть в библиотеке и издание “Черноморцев” (“по Кухаренку скомпанував М. С[тарицький]”).

Больше всего в библиотеке из кубанских авторов представлен М. Дикарев: 7 его публикаций и 2 публикации Л.М. Мельникова о нем. О личной переписке М. Дикарева и Б. Гринченко рассказывал В. Чумаченко (11). Обозначил он и характер взаимных интересов: в первую очередь, этнографических и фольклорных, рассказал о заинтересованности М. Дикарева в публикации своих (впрочем, не только своих) этнографических студий в тех изданиях, к которым Б. Гринченко имел непосредственное отношение.

Кубанская литература представлена именами Я. Кухаренко, Г. Доброскока, А. Пивня, Я. Жарко, М. Вороного. Безусловно, сегодня невозможно говорить о мотивах приобретения тех или иных отдельных книг. Скорее всего Я. Жарко, М. Вороной для Гринченко интересны не тем, что определенное время работали и жили на Кубани, а своим литературным творчеством. В библиотеке хранились Полтавское и Петербургское издания Жарко. Следует отметить такую деталь: хронологически последнее киевское издание Жарко (1912 г.) попало в библиотеку уже после смерти ее владельца. Что же касается А. Пивня

(два номера, семь названий), то тут может быть несколько причин к интересу. Во-первых, М. Дикарев посылал Б. Гринченко материалы А.Пивня, и с помощью Гринченко они публиковались в "Этнографических сборниках". Во-вторых, занимаясь издательством "книг для народа" Гринченко внимательно следил за издательской деятельностью И. Д. Сыгина, тем более, что книжки Пивня у Сыгина выходили на украинском языке. В библиотеке Б. Гринченко были не только "кубанские" издания И. Д. Сыгина. В третьих, в 1906 г. киевская "Просвіта" (в руководстве которой Гринченко участвовал) обратилась с просьбой к кубанским украинцам "присылать книги для библиотеки товарищества и предметы для музея, в котором намечены отделы этнографический, историко - археологический, естественно - исторический, художественный и педагогический. Кроме того, товарищество просит составлять и присылать ему популярно-научные книжки на украинском наречии" (12).

Понятно, что любое объяснение фрагментарно и гипотетично. И все-таки, нам представлялось важным обозначить отдельные возможные контексты интереса Б. Гринченко к Кубани или к отдельным кубанским авторам, что совершенно не исключает новых прочтений (при более глубокой проработке вопроса, знакомстве с отдельными экземплярами книг из библиотеки Гринченко "de visu", т. д.). Кроме того, нам представлялось важным наметить некоторые возможности анализа "каталога личной библиотеки" как исторического источника. Библиографические пособия, или тем более, отдельные библиографические описания относятся к той группе исторических свидетельств, которые "обязательно" требуют в своей интерпретации использования "контекстов" лежащих вне документа. Сами по себе отдельные описания или группа описаний могут иметь ограниченную для исторического исследования ценность, важнее другое, они могут быть подвергнуты статистической или иной обработке, научной группировке для получения данных обобщающего характера. (13).

ИСТОЧНИКИ:

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 35. 42 л.
2. Слуцкий А. И. Материалы о Черномории и Кубани в журнале "Киевская старина" // Черномория и Кубань в журнале "Киевская старина": Библиогр. указ.- Краснодар, 1991.- С.2-11.
3. Чумаченко В. К. М. А. Дикарев и книгоиздательская деятельность украинского этнографа Б. Д. Гринченко // Дикаревские чтения – 4: Итоги

фолькл.-этногр. исслед. этнич. культур Кубани за 1997 год: Матер. науч.-практ. конф. – Белореченск, 1998. – С. 3-6; Чумаченко В. К. “Твоя пісня, твоя мова...” (Про долю архіву Василя Мови (Лиманського)) // Слово і час. – 1997. – С. 75 – 76.

4. Білокінь С. Раритети української бібліографії у збірках Олександра Лазаревського та Михайла Хмирова // Київська старовина. – 1998. - № 4. – С. 138.

5. Каталог фондів. – 1. Бібліотечні колекції – Вип. 1. Б. Д. Грінченко / Академія наук України. Центральна наукова бібліотека ім. В. І. Вернадського. – Київ, 1988. - 959 с.

6. Качкан В. А. Українське народознавство в іменах. – Київ: Либідь, 1994. – С. 178 – 187.

7. Чумаченко В. К. М. А. Дикарев и книгоиздательская деятельность украинского этнографа Б. Д. Гринченко // Дикаревские чтения – 4: Итоги фолькл.-этногр. исслед. этнич. культур Кубани за 1997 год: Матер. науч.-практ. конф. – Белореченск, 1998. – С. 3- 6

8. Енциклопедія Українознавства. – Львів, 1994. – Т.4. - С.1562-1563.

9. Словарь української мови. - Киев, 1909. - Т. 4. - С. XXIX.

10. мельченко Г. Видання творів Я. Кухаренка // Я. Г. Кухаренко. Твори. – Прага, 1928. - С. 128 – 130.

11. Чумаченко В. К. М. А. Дикарев и книгоиздательская деятельность украинского этнографа Б. Д. Гринченко // Дикаревские чтения – 4: Итоги фолькл.-этногр. исслед. этнич. культур Кубани за 1997 год: Матер. науч.-практ. конф. – Белореченск, 1998. – С. 3- 6

12. Школа и жизнь (Екатеринодар) – 1907. - № 4. - с. 28.

13. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации. – М., 1979. – С. 6.

Еремеева А.Н.

КНИГА И КНИЖНОЕ ДЕЛО НА КУБАНИ И ДОНУ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

История книги и книжного дела в годы гражданской войны, особенно применительно к центрам военного и политического противостояния, какими являлись Кубань и Дон - интересная, но до сих пор слабо изученная тема.

Библиографирование книг, выходявших на Кубани и Дону в рассматриваемый период, началось еще в годы гражданской войны.

Библиографы-энтузиасты на местах, понимая большое историко-культурное значение сбора и регистрации всех изданий, независимо от политических взглядов авторов, составляли списки литературы и отсылали в Книжную палату. 23 декабря 1917 г. в Екатеринодаре была создана Особая библиографическая секция при Совете обследования и изучения Кубанского края под руководством Б.М. Городецкого. Кроме указателей к периодическим изданиям и рефератов обо всех местных печатных изданиях, был составлен «Список книг, вышедших на Северном Кавказе в 1918, 1919 гг. и городе Ростове-на-Дону»; из восьмидесяти семи названий, включенных в список, более половины - издания Кубанской и Добровольческой армий, литература, вышедшая в период деникинского правления. Сведения об этой литературе в таком полном объеме не отражены ни в одном из источников и не попали в «Книжную летопись» (1).

Отделение печати Управления внутренних дел особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России в августе 1919 г. (когда казалось, что занятие Добровольческой армией Москвы - дело нескольких месяцев) разрабатывало вопрос о сборе разного рода изданий для комплекта в Книжную палату и намеревалось разослать соответствующие циркуляры губернским властям (2), однако скорее всего дальше обсуждения вопроса дело не пошло.

В начале 1920-х гг. отдельная информация о южно-российских изданиях периода гражданской войны встречалась в советских журналах «Книга и революция», «Красная новь» и др. Более полные сведения представлены в первом послереволюционном русском зарубежном критико-библиографическом журнале А.С. Яценко «Русская книга» («Новая русская книга»), выходившем в Берлине с 1921 по 1923 гг. Во всех двадцати трех выпусках журнала имелся специальный раздел, озаглавленный «Книжная летопись». Учитывались в основном книги на русском языке, появившиеся в 1918-1921 гг. вне советской России.

Частично дополняют данные указанного журнала списки литературы библиотеки Русского зарубежного исторического архива, составленные С. Постниковым (3).

Еще в начале Первой мировой войны и в последующие годы в России, особенно в ее провинциальных районах, наблюдался книжный голод. В несколько раз возросли цены на книги. После Октября 1917 г., когда Юг подожду был отрезан от столиц линией фронта, данные тенденции еще более усилились. Жившая в Ростове-на-Дону будущая известная советская писательница М. Шагинян в начале 1919 г. констатировала: «Теперь общей книги нет. Есть ихние и наши» (4).

«Ихние» доходили на Юг только в перечне заглавий. Многие частные библиотеки были расхищены.

Реакцией на сложившуюся ситуацию стали попытки расширить издание книг на местах. В условиях гражданской войны это было чрезвычайно трудно. В то же время развитию книгоиздательства способствовала массовая миграция в южные регионы столичных культурных сил, а также вновь появившаяся возможность покупать бумагу и оборудование за границей.

Продолжали работать некоторые старые частные издательства. В периоды советской власти на базе крупнейших из них создавались государственные и партийные издательские структуры. Издательства кооперативов, потребительских обществ, профсоюзных и общественных (например, союзов увечных воинов) организаций переживали смены власти менее болезненно.

В период пребывания у власти Советов на Дону и Кубани (1918 г.) издательское дело сосредоточилось в руках агитационных отделов при военных комиссариатах; основной книжной продукцией были политические брошюры.

Миграция населения, в том числе и столичных издателей, вызвала «переселение» на Юг ряда издательств. Так, в Области Войска Донского было зарегистрировано и развернуло деятельность издательство Б. Суворина - известного издателя, сына издательского магната А. Суворина. Называлось оно так же, как петроградское «детисце» - «Вечернее время».

Появились в регионе и новые издательства, умевшие за достаточно короткий срок наладить выпуск литературы. В большинстве своем они были основаны в 1918 г. и завершили деятельность в 1920 г., когда советская власть окончательно утвердилась. Среди них - ростовские издательства «Единение» и «Аралэзь», екатеринодарское «Энергия».

«Единение» возникло в июле 1918 г. и выпускало в основном учебную литературу. За первое полугодие существования в издательстве вышло двадцать пять наименований книг общим тиражом сто девяносто пять тысяч экземпляров. Для школьников были разработаны специальные серии: «Библиотека родиноведения», «Библиотека классиков», «Детская библиотека». Выпускались и музыкальные сочинения, в т.ч. детские пьески М. Гнесина (5). Книгоиздательство «Аралэзь», судя по отрывочным архивным данным, имело прямое отношение к семье М.С. Шагинян, конкретно - к ее мужу - впоследствии искусствоведа, переводчику с армянского языка, а тогда молодому кандидату исторических наук Я.С. Хачатрянцу (6). «Аралэзь» издавали,

как правило, литературу по искусству, в том числе книги об армянской культуре. Вот некоторых из них: М. Шагинян «Введение в эстетику» (Курс, читанный в Ростовской консерватории в 1918-19 гг.), Н. Лансере, А. Оль, Я. Хачатрянц «Нахичевань-на-Дону (о старой архитектуре города)», Я. Хачатрянц «Этюды об армянских художниках».

Активно работало екатеринодарское книгоиздательство «Энергия», имевшее, судя по всему, добротную полиграфическую базу и основанное в конце 1918 г. (7). Оно выпускало серию «Наша библиотека» под редакцией Б.М. Городецкого и известного на Кубани журналиста, редактора армавирской газеты «Отклики Кавказа» М.Ф. Дороновича. В этой серии издавались сочинения А. Яблоновского, Е. Чирикова, М. Дороновича, С. Городецкого, произведения русских и зарубежных классиков. Серия «Голоса писателей» (ее редактировал бежавший на Юг Е. Чириков) включала в себя в основном брошюры политического содержания (Е. Чириков, Л. Андреев и др.), стихотворные сборники антибольшевистской направленности (8). Были изданы сочинения В. Сиповского (известного историка и литературоведа, а теперь попечителя Северо-Кавказского учебного округа), учебное пособие Ф.А. Щербины «Статистика».

Широкую издательскую деятельность развернули правительственные и пропагандистские органы «белого» Юга, прежде всего, деникинское Осведомительное агентство (Осваг). Тиражи его продукции были поистине фантастическими. Если большинство книг (кроме учебников для школ) выходило тиражом двести-триста, реже - пятьсот экземпляров, то тираж осваговских брошюр был нередко в сотни раз больше. Например, брошюры донского литератора С. Арефина «На Родине» и «В буераке» отпечатали дважды по сорок тысяч экземпляров (9).

Основная часть книжной продукции Освага - брошюры на политические темы, написанные в форме памфлетов, научно-популярных статей, ответов на вопросы. Издавались серии - «Библиотечка рабочего», «Библиотечка крестьянина», «Библиотечка добровольца». Авторами брошюр были не только ученые, политики, но и литераторы.

Некоторые сочинения были стилизованы под сказки, например: Дед Волхоня «Сказка про Ивана Царевича», Е. Венский «Сказка о рыбаке и рыбке», Н. Покровский «Сказка про коммуны и деда Антона» (все - Ростов- на -Дону, 1919). Множество брошюр представляло из себя рассказы о жизни Добровольческой армии, ее героях, художественные биографии лидеров «белого» движения (10).

Выход в свет книг о современных событиях, созданных на документальной основе, а значит затрагивавших личности действовавших политиков, нередко сопровождался бурной реакцией властей. Книга Алексея Суворина (Порошина) - брата Б. Суворина «Поход Корнилова» по распоряжению Командующего Донской армией и ростовского градоначальника в августе 1918 г. была изъята из магазинов и складов. Позже эти санкции были отменены. («...Я нахожу ее недостойной того, чтобы налагать запрет. ...Запрещать - значит создавать рекламу малосодержательному произведению...») - так рассуждал, меняя тактику, Командующий (11). Тем не менее, во многом благодаря своеобразной рекламе, книга стала популярной; в 1919 г. вышло ее второе издание, снабженное картами и иллюстрациями.

Многие южно-российские издательства, пользуясь вынужденным пребыванием столичных литераторов в регионе, заключали с ними договоры об издании новых, реже - переиздании старых произведений.

Предпринимались попытки издания коллективных сборников новых произведений. Причем сборники эти заявлялись как продолжавшиеся издания, однако успевало выйти не более двух номеров. Ряд сборников можно классифицировать как литературно-политические (некоторые имели к тому же аналогичный подзаголовок). Структура их такова: художественные произведения (стихи, проза) и материалы на современные темы. Типичный пример - литературный сборник «Перевал» (Екатеринодар, 1919) с произведениями Н. Тэффи, стихотворным переводом с английского С. Маршака, рассказами И. Шмелева и М. Шагинян, художественной публицистикой А. Яблоновского, знаменитыми «Письмами из Полтавы» В. Короленко, публицистикой В. Мякотина и А. Соколова. Подобным данному изданию был сборник «Накануне» (Екатеринодар: Кн.1 - 1919, кн.2. - 1920 г.).

Среди тематических сборников выделяется изданная в честь 25-летия литературной деятельности Ф. Крюкова книга «Родимый край» (Усть-Медведицкая, 1918) под редакцией Р. Кумова со статьями о творчестве и личности живого донского классика.

Одно из немногих и одновременно наиболее ярких южно-российских сатирических изданий - поэтический сборник Д-ра Фрикена (С.Я. Маршака) «Сатиры и эпиграммы» (Екатеринодар, 1919). На шестидесяти с небольшим страницах книги (сорок стихотворений представлены атмосфера и конкретные события революции и гражданской войны глазами поэта-сатирика (12).

Энергичная деятельность издателей в сложнейших условиях гражданской войны не могла изменить в корне ситуацию на книжном

рынке. Книжный голод по-прежнему не отступал. Один из грустных фельетонов А. Аверченко, озаглавленный «Эволюция русской книги» и опубликованный в 1920 г., рисовал этапы исчезновения книги (13). Автор предупреждал о скором наступлении последней ступени, когда человек будет рад почитать и магазинную вывеску. «Пророчество» автора, к счастью, не сбылось. Книгоиздательский бум первой половины и середины двадцатых годов и в советской России, и в русском зарубежье стал своеобразной реакцией на бескнижье предшествовавших лет.

Множество кубанских и донских изданий обозначенного периода - ныне библиографическая редкость. Петербургский ученый Г. Михеева - автор капитального труда по истории русской библиографии 1917-1921 гг. - провела выборочную проверку литературы о Доне, отраженной в списках журнала «Русская книга», в фондах и каталогах Российской национальной библиотеки. Итог красноречив - из пятидесяти проверенных названий отсутствует сорок пять (14). Таким образом, библиографам, историкам, литературоведам предстоит серьезная работа, связанная с поиском, систематизацией, анализом книжной продукции времен гражданской войны.

ИСТОЧНИКИ:

1. Михеева Г.В. История русской библиографии 1917-1921 гг.: (Текущая базисная библиогр. Непериод. изд.).- СПб., 1992.- С.116.
2. Приазовский край (Ростов- на -Дону). - 1919. - 13 (26) авг. - С.2.
3. Библиография русской революции и гражданской войны: (1917-1921)/ Сост. С. Постников. - Прага, 1938.
4. Шагинян М. Литературный обзор//Приазовский край. - 1919.- 1(14) янв. - С. 3.
5. Приазовский край.- 1919.- 4 (17) янв., 26 янв. (8 февр.).
6. В фонде градоначальника Ростова-на-Дону сохранилось прошение от гражданского инженера А. Оля и кандидата исторических наук Я.С. Хачатрянца о выдаче разрешения на выпуск еженедельной газеты «Литературная Неделя» в книгоиздательстве «Аралэзь», представленном «в лице Хачатрянца» (Государственный архив Ростовской области (далее - ГАРО) Ф. 834. Оп.1. Д.8. Л.377.). Любопытна история названия издательства. «Аралэзь»- в армянской мифологии - духи собак. Они спускаются с неба, чтобы зализать раны убитых и воскресить их. (См.: Мифы народов мира: Энциклопедия. Т.1. - М., 1987.- С. 97.) Вероятно такое название символизировало непрерывность, вечное обновление в развитии армянской культуры.

7.См.: ГАКК Ф.Р6. Оп.1 Д.297 Л.223 (Устав товарищества на паях «Энергия», дополнения и изменения в его текст).

8.См. напр.: Броницкая Н. Терновый венец. - Екатеринодар: Т-во «Энергия», 1919.- (Сер. «Голос писателей»).

9.Государственный архив Российской Федерации Ф.446. Оп.2.Д.122. Л.572.

10.Северный Г. Герой Кубани: Генерал-майор В.Л. Покровский. - Екатеринодар, 1918; Севский В. Генерал Корнилов.- Ростов н/Д,1919; Аврамов П. Генерал Шкуро. - Ростов н/Д, 1919; Сиринов С. Почему нам дорога Добровольческая армия? - Новороссийск, 1919 и др.

11. ГАРО Ф.834. Оп.1. Д.6. Л.39-55.

12. Стихи С.Я. Маршак, в том числе и вошедшие в сборник «Сатиры и эпиграммы», опубликованы И.Я. Куценко (См.: И.Я. Куценко С.Я. Маршак в Краснодаре. 1918-1922.- Краснодар, 1997)

13. Юг России (Севастополь). - 1920.- 14 июня.- С.4.

14. Михеева Г. Указ. соч. - С.195.

Тажидинова И.Г.

КУБАНСКИЕ ТЕАТРЫ В 1920-Е ГОДЫ (ОСОБЕННОСТИ РЕПЕРТУАРА)

Многие авторы единодушны сегодня в оценке 20-х гг. как “золотого века” советского театра, но и усматривают необычайную сложность и противоречивость развития театрального дела этого времени. В том, что происходило в самом театре, в деле управления театрами, в театральной цензуре – во всем прослеживается не единое целенаправленное движение, а скачки, откаты назад, прыжки и “рывки”(1). Эта точка зрения подтверждается и при попытке оценить репертуарную линию кубанских театров и драматических трупп в 1920-е гг.

Повсеместное распространение театров, ставшее отличительной чертой начала 20-х гг. на Кубани, объяснимо. С одной стороны, новая власть была жизненно заинтересована в театре, так как именно ему она приписывала высшую степень “художественного воздействия” на многочисленную аудиторию рабочих и крестьян. С другой стороны, масштабы театрального любительства свидетельствуют о стремлении самих крестьян, рабочих, солдат непосредственно участвовать в театральной жизни. В театральную секцию Кубано-Черноморского областного отдела народного образования летом 1920 г. практически

ежедневно поступали просьбы о регистрации драматических кружков и театральных трупп в кубанских станицах: Старокорсунской, Новотроицкой, Переяславской и мн. др. Далеко не каждая из таких трупп могла похвастаться наличием в своем составе профессиональных актеров или режиссеров, однако спектакли проходили при переполненных залах. Ставили, главным образом, произведения А. Островского и пьесы украинского репертуара. Всего же, по данным на 1.10.1920 г., в Кубано-Черноморской области существовало около 100 театров, драматических студий, союзов любителей сценического искусства (2).

Наиболее насыщено и разнообразно театральная жизнь протекала в Краснодаре. Каждый из краснодарских театров имел свои задачи, свой статус, свой специфический репертуар, а значит и свою публику. 1-й Советский драматический театр им. Луначарского ориентировался на отечественную классику (А. Островский, М. Горький) и переводной репертуар (А. Дюма, Мольер). Краснодарский театр революционной сатиры “Тереват” ставит преимущественно вещи злободневного характера, живо откликаясь на чистку в партии или обращаясь к проблеме современного брака. Встречались в его репертуаре и образцы классической сатиры (“Женитьба Фигаро” Бомарше). Далеко за пределами города был известен Театр для детей и юношества, основатели которого С.Я. Маршак, Е.И. Васильева самостоятельно создали репертуар для детей разных возрастов. Материалом для него послужили народные сказки, а также произведения Андерсена, Аксакова, О. Уайльда. Особняком в ряду краснодарских театров стоял Камерный театр, созданный профессором Кубанской консерватории А.Д. Треплевым и его учениками. С первых дней существования театр обнаружил стремление избежать шаблона, а потому ставил произведения незаигранные, оригинальные (Г. Ибсен, М. Метерлинк). Рабочий театр, организованный актером Л. Иостом при клубе “Профинтерн”, был пионером в постановке на Кубани пьес А.В. Луначарского.

Различные направления избрали для себя и новороссийские театры. С именем известного режиссера В.Э. Мейерхольда связана постановка на сцене 1-го Советского театра им. Ленина пьесы Г. Ибсена “Нора”. Позтом А. Рославлевым был организован в Новороссийске один из первых в стране театров политической сатиры.

Серьезные изменения в репертуаре произошли в условиях НЭПа, когда большинство снятых с государственного снабжения театров перешло в руки разных организаций и частной антрепризы, чье ведение дел нельзя оценить однозначно. Безусловно, имели место “репертуарная чехарда”, увлечение бенефисами и полуфарсами. Можно согласиться с

мнением местных театральных критиков, что антрепренеры часто “били на НЭП”, т.е. чередовали оперетки и сомнительных юмористов. Но в то же время заслугой антрепренера И.М. Лохвицкого следует признать гастроли в Краснодаре в 1922 г. Государственного драматического художественного театра “Красный Факел”. Гастроли “Красного Факела” - театра нового, необычайного для провинции как по подбору репертуара (З. Гиппиус, Ф. Сологуб), так и по постановке творческого процесса (психическая слитность актерского коллектива, отсутствие премьеров) – явились событием для Краснодара и Новороссийска, куда позже переехал театр. Совершенно иной репертуар, составленный из произведений Шекспира и Шиллера, представили известные трагики – братья Адельгейм, также приглашенные арендаторами театров.

Вообще, гастроли в 20-е гг. таких выдающихся коллективов, как Малый театр, убеждали кубанцев в том, что пьесы Островского и Грибоедова имеют равные права на существование вместе с самыми последними драматургическими исканиями.

Кроме того, на Кубань приезжали и нетрадиционные театральные коллективы со своим необычным репертуаром. Таков был Московский передвижной оргтеатр Международного Красного стадиона, постановки которого носили откровенно агитационный характер. В 1928 г. по Кубани гастролитировал Краевой театр Хлебороба – единственный в СССР театр агрономической пропаганды, специализировавшийся на постановке агропьес ростовского литератора Дмитриевича.

Отметим, что, начиная с 1922 г., ужесточается контроль за идеологическим содержанием идущих на театральных сценах Кубани постановок. При Обполитпросвете образуется репертуарная комиссия, ведающая выдачей разрешений на устройство спектаклей. В мае 1923 г. на основании постановления Облисполкома создается Комитет по контролю за репертуаром при Куб-Черлите. 4-ой Кубано-Черноморский областной съезд работников искусств в том же году поручает Обполитпросвету в срочном порядке разработать примерный репертуар для отдельных сцен(3).

Начиная с 1926 г., все настойчивее становятся попытки приобщить советскую общественность к руководству театрами; создаются Художественные Советы, одной из задач которых был определен контроль за репертуарной линией театров. 15 октября 1928 г. на заседании такого Художественного Совета в Зимнем театре Краснодара начала работу особая постоянная рабоче-экспертная комиссия (РЭК), в которой участвовали художественные руководители театра, представители от общественных организаций, газет, заводов. Спустя неделю РЭК уже утвердила ориентировочный репертуар (4).

Отчет о деятельности правления Северо-Кавказского краевого отдела профсоюза РАБИС за 1927-1929 гг. убеждает нас в том, что в течение этого периода "... все руководство репертуарной политикой театров в значительной степени перешло в руки художественных советов" (5).

Наглядной иллюстрацией глубоких изменений в репертуаре служит театральный сезон 1928 г. в Зимнем театре. Если в 1927 г. среди огромной массы постановок французских комедий театральным критикам газеты "Красное Знамя" еще очень редко удавалось поприветствовать постановку "Цемент" по роману Ф. Гладкова или зарисовок из современной действительности А. Толстого "Чудеса в решете", то уже в следующем году ситуация меняется. 1928 г. отличает обилие постановок пьес современных авторов: "Луна слева" Билля - Белоцерковского, "Рельсы гудят" В. Киршона, "Фабрика молодости" А. Толстого, "Бронепоезд 14-69" Вс. Иванова. Спектакли, носившие злободневный характер, обсуждались в местной прессе, сопровождались общественно-политическими диспутами. Наиболее показательна в этом смысле постановка в Краснодаре пьесы Файко "Человек с портфелем", тема которой – "интеллигенция и Октябрь" - слишком явно перекликалась с гремевшим тогда делом о шахтинском контрреволюционном заговоре буржуазных спецов.

Вместе с тем в театре продолжали идти легкие переводные комедии, водевили, появление которых оправдывалось идеологической безвредностью и даже необходимостью двух-трех часов "настоящего бездумного отдыха и смеха" для зрителей.

ИСТОЧНИКИ:

1. Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны.- М., 1997.- С.241.
2. ГАКК. Р-365. Оп.1. Д.200. Л.104,106 а.
3. ГАРФ. Ф.5508. Оп.1. Д.260. Л.135.
4. Красное Знамя.- 1928.- №243, №253.
5. ГАРФ. Ф.5508. Оп.1. Д.1353. Л.60.

Стругова М.Р.

УКРАИНСКИЙ ТЕАТР НА КУБАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (по материалам КГИАМЗ)

Украинская театральная традиция имеет на Кубани давнюю историю. Заселение края выходцами из Полтавской, Харьковской,

Черниговской губерний в конце XVIII века, затем значительные вливания украиноязычного населения в послереформенный период объясняют популярность у местного населения гастролирующих украинских трупп.

Возрождение украинской культуры на Кубани в 1920 – начале 1930 гг., привело к созданию местных украинских театральных коллективов (Краснодар, Армавир).

В конце 1932 г. против украинских деятелей искусства и культуры развернулись массовые репрессии, что отразилось и на судьбе украинского театра. Он был воссоздан лишь в 1938г. под именем Краснодарского украинского музыкального драмтеатра. С 14 октября 1941 г. театр стал передвижным, работал на фронтовых подмостках, с апреля 1944 г. вновь воссоздан в Краснодаре и просуществовал до начала 50-х гг. при клубе УВД.

В 1987-1990-х гг. театральная коллекция КГИАМЗ пополнилась материалами четырех актеров Краснодарского украинского театра – Безиной М.А., Лунева В.П., Безгребельного Ф.Н., Булгака С.А. Наиболее значительными из них представляются материалы Безиной Меланьи Афанасьевны (1902-1963гг.), солистки поступившие в КГИАМЗ в 1987 г.

Уроженка Екатеринодара М.А. Безина (сценическое имя Эмилия) в 1920-е гг. участвовала в художественной самодеятельности, а в 1938 г. стала актрисой украинского муздрамтеатра. В 1940 г. Меланья Афанасьевна закончила заочные музыкальные курсы при Всесоюзном доме народного творчества им. Крупской в г. Москве. После войны она была одной из ведущих актрис Украинского музыкального театра.

Нотная коллекция Э.А. Безиной насчитывает 30 единиц. Наиболее ценными экспонатами этого комплекса являются нотные сборники русских и украинских музыкальных произведений второй половины XIX – первой половины XX вв., среди них: сборник “Украинские песни с нотами” на украинском языке, вып.3 (Екатеринодар, 1909), сборник украинских песен “Бандурист” Г.М. Концевича (Екатеринодар, 1910), книга “Сборник украинских песен с нотами” с надписью “Печать дозволяется. Начальник Кубанской области, 8 сентября 1898 г. Печатается В. Гроссе в Москве, Мельников переулок”, издание песен М. Лысенко (8 экземпляров). Интерес представляют также 3 издания оперы С.С. Гулак-Артемовского “Запорожец за Дунаем”, первое из которых выпущено в Москве в 1900 г. Содержательность, разнообразие, качество художественного оформления, библиографическая и историческая ценность нотных сборников дают возможность экспозиционерам активно использовать коллекцию для раскрытия темы “Украинский театр”.

Фотографии из коллекции Э.А. Безиной этнографически

колоритны, образно раскрывают некоторые страницы из истории украинского театра в Краснодаре.

Вещественный фонд актрисы состоит из комплекса материалов - фрагменты сценического костюма, аксессуары (монистов, брошей, заколок).

Среди материалов одного из старейших актеров Украинского театра Кубани, участника гражданской и Великой Отечественной войн, Виктора Прокопьевича Лунева наибольший интерес представляют афиша Украинского драмтеатра к постановке “Бесталанной” Тобилевича, а также удостоверения В.П. Лунева – уполномоченного Украинского театра в 1943 г.

В 1993 г. из Государственного музея театрального, музыкального искусства кинематографии Украины были получены копии уникальных фотографий труппы М.Л. Кропивницкого (гастролировавшего в Екатеринодаре в к. XIX), в составе которой играли такие прославленные актеры, как М. Заньковецкая (Ивга Цвиркунка), М. Кропивницкий (Кабьца), с успехом представлявших на Кубани “Черноморцев” Я. Кухаренко – М. Старицкого.

Материалы из фондов КГИАМЗ по теме “Украинский театр на Кубани первой половины XX века” фактически и образно дополняют историю культурной жизни Краснодара.

Корсакова Н.А.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ЗАРУБЕЖЬЕ

(по материалам воспоминаний казачьей эмиграции)

Русская эмиграция – частица российской истории и культуры. Находясь в изгнании, русская эмиграция держалась сохранением прежней культуры России в инокультурном, инациональном окружении. За рубежом составлены личные архивы, прекрасная мемуарная литература. Ценные фонды хранятся в Русском музее в Сан-Франциско, частных музеях по всему миру, в Войсковом Кубанском музее в Нью-Джерси.

В большом культурном наследии русского зарубежья видное место занимает общественная и культурная деятельность кубанских казаков. Недалеко от Нью-Йорка в Блаувельте живет дочь атамана кубанского казачества в зарубежье, в прошлом казака станицы Петровской Вячеслава Григорьевича Науменко, которая хранит архивы отца, его исследования и дневники, запечатлевшие страницы жизни и деятельности казачества

вдали от Родины. В дневниках есть сведения о первом Войсковом Кубанском казачьем хоре под управлением Соколова, который был создан в Болгарии в 1920-е гг. и объединял большие творческие силы кубанцев (1).

В 1962 г. в Нью-Йорке вышла книга воспоминаний казака станицы Ильинской Гавриила Солодухина “Жизнь и судьба одного казака”, которая содержит богатейший материал о культуре кубанского зарубежья (2). Хорошим источником служат и произведения казака станицы Кавказской, полковника Ф. Елисеева “На коне по белу свету” и др. (3).

В первые годы эмиграции деятельность атамана В.Г. Науменко была направлена на создание кубанских станиц, различных благотворительных обществ, которые материально и духовно поддерживали казачество и вообще русскую эмиграцию. Одна из первых таких станиц (о ней пишет Г. Солодухин) была создана в 1923 г. в финском городе Фридрихсгамме во главе с полковником Ф.И. Елисеевым и получила название Кубанско-Финляндской казачьей станицы. В мемуарной литературе ее казаки называли себя “елисеевцами”. Здесь была организована одна из концертных групп, давшая на рождественские праздники первые успешные концерты. Успех казаков был настолько велик, что их стали приглашать в другие города. Вот как описывает один из вечеров поэт Иван Савин в газете, выходившей в Гельсингфорсе: “... С глубокого чувства национального унижения сняли тяжесть, и огромной сверкающей ширококрылой птицей закружилась над самодельными кинжалами, над грохочущим залом – душа русская. Та, которую ничем не убьешь, никогда не задушишь. Бессмертная любовь к Родине – России, вечная жажда ее, как старое вино, опьянили, зажгли, растрогали нас. В каждом из нас никогда не умирала Россия...” (4).

В октябре 1924 г. станица переехала во Францию. Здесь в Париже в 1924 г. генерал Шкуро организовал большую группу казаков-джигитов, куда были приглашены и кубанцы, которых джигитовке обучал легендарный казак станицы Переяславской полковник Василий Гамалий. Эта театральная группа была большой, около 100 песенников, 20 танцоров, 50 трубачей и около 80 джигитов. 25 мая 1925 г. на двадцатитысячном переполненном стадионе “Буфало” был дан первый концерт, а затем с грандиозным успехом прошли выступления на Марсовом поле, в курортном городе Ницце. Казаки приняли участие в съемках фильма “Наполеон”.

В 1926 г. этот коллектив разделился на две группы. Первая во главе с генералом В.Д. Савицким состояла из 18 джигитов, танцора и 25 музыкантов духового оркестра, вторая, во главе с сотником

С.И. Проценко, - из 50 джигитов, 35 певцов, 5 танцоров, 30 музыкантов духового оркестра. В 1926 г. они начали поездки по Америке. Были даны концерты в Нью-Йорке, Кливленде, Сант-Луисе, Чикаго. В Голливуде кубанские казаки с колоссальным успехом снялись в фильме “Казаки” по Л.Н. Толстому. В двадцати пяти милях от Голливуда в горах была построена казачья станица и горский аул, где пять месяцев шли съемки картины, вышедшие на экраны в 1928 г. Как пишет Г. Солодухин, “Немало из нас в этой картине поломали свои ребра во имя чести и славы казачей” (5). В 1930-40-е гг. кубанские казаки выступали в Канаде, Мексике, на Гавайских островах, в Австралии. В группе вместе с Г. Солодухиным была кубанская казачка, балерина Людмила Мищенко.

Атаман Науменко с самого начала эмиграции первостепенной задачей считал заботу о сохранении войсковых регалий – гордости и славы кубанского казачества (6). С переездом в США кубанцы более десяти лет убеждали американский конгресс дать разрешение на постройку Войскового музея. Одним из центров культурной жизни в Америке стал построенный кубанскими казаками Кубанский Войсковой Дом. Здесь проходили благотворительные вечера, выступал хор донских казаков С. Жарова, оркестр кубанского казака станицы Славянской В. Литвиненко.

В 1959 г. Конгресс дает разрешение на строительство Войскового музея. Атаманам всех казачьих объединений были посланы приглашения приехать на конференцию в Новую Кубань (Нью-Джерси). На добровольные пожертвования была куплена земля, так началось строительство одного из известных культурных центров – Кубанского Войскового Музея. Фамилии 141 казака, пожертвовавшего деньги, написаны на памятной доске в музее (7). Музей был открыт для посещения в начале 1980-х годов. Многие были сделаны В.Г. Науменко по описанию трагических событий в Лиенце (8), изданию историко-литературных сборников (9).

Зарубежные казачьи издания являются не только важным историческим источником, но и служат примером безграничной любви к Родине, которая отрелась от казаков и бросила их в изгнание. Они выражают веру в ее духовное возрождение.

ИСТОЧНИКИ:

1. Дневники атамана В.Г. Науменко: Личный архив Н.В. Назаренко.- Блауверльт. США.

2. Солодухин Г. Жизнь и судьба одного казака.- Нью-Йорк, 1962.

3. Елисеев Ф. На коне по белу свету.- Нью-Йорк, 1966.
4. Солодухин Г. Указ.соч. -С.76.
5. Там же.- С. 93.
6. Дневники В.Г. Науменко.- С. 11-20.
7. Родимый край (Париж). - 1963.- № 46.- С. 14-16.
8. Науменко В. Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году.- Оранжбург (США), 1953-1960;
9. Науменко В. Кубанский исторический и литературный сборник.- Блауверлт (США), 1959.

Жадан В.А.

РОЛЬ РЕГЕНТСКИХ КУРСОВ В РАЗВИТИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ КОНЦА XIX СТОЛЕТИЯ

Проблема музыкально-эстетического развития жителей Кубани волновала не только учителей, священников, музыкантов-профессионалов, но и любителей-дилегантов. Один из них – отставной прапорщик С.Н. Каменев – стал инициатором проведения в Екатеринодаре первых регентских курсов, ставших значительным событием в развитии музыкальной культуры казачьего края рубежа XIX - XX вв.

Регентские курсы в России возникли в конце 1830-х годов при Императорской придворной певческой капелле в Петербурге, а позднее и в Москве, при Синодальном училище. За два-три года здесь готовили профессиональных регентов для всей Российской империи. Но в 1880-е годы потребность в регентах резко возрастает и Святейший Синод разрешает проводить регентские курсы в провинциальных городах под руководством опытных музыкантов. Одним из первых “народных музыкальных учителей (трудно представить как нуждается в них Россия!)” - восклицала “Русская музыкальная Газета” (1), - был А.Н. Карасев (1854-1914). Учитель пензенских начальных училищ путем самообразования разработал свою методику обучения пению и на основе многолетней практической работы написал ценные музыкально-педагогические труды, получившие широкое распространение в России: “Учебник пения” и “Объяснение к учебнику и краткое наставление по преподаванию пения” (1881), “Детское пение” (1884), “Церковное пение. Руководство к организации церковно-певческих хоров” и “Нотные упражнения для пения и разъяснения к ним” (1886), “Уроки пения” в 2-х частях (1893),

“Курс церковного пения А.Н. Карасева” (1897)... В 1883-1884 учебном году Алексей Николаевич с успехом организовал первые в провинции “Уроки хорового пения” для частных лиц (2).

Именно учитель из Пензы был приглашен в 1887 году в Киев руководить первыми в провинции курсами церковного пения (87 слушателей) и провел “это новое дело” с таким успехом, что был приглашен на вторые киевские курсы в 1888 году (140 слушателей). Потом он вел подобные курсы пения в городе Инсаре в 1889г. (60 слушателей), в Новочеркасске в 1890г. (100 слушателей), в 1895г. в Липецке (72 слушателя). В качестве “эксперта” на экзамен липецких курсов был приглашен из Екатеринодара С.Н. Каменев, которого идея и результаты курсов так “вдохновили”, что по возвращении домой он начал энергичные хлопоты по организации екатеринодарских регентских курсов.

Первым откликнулось Екатеринодарское Александро-Невское религиозно-просветительское Братство, пожелавшее всем желающим изучать “духовное пение и вообще подготовить себя к регентской деятельности”. Устройством курсов Братство надеялось “распространить в народе правильное понятие о нотном церковном пении и уничтожить то разнообразие в церковном пении. Какое существует в разных местах области” (3). Сочувственно отнеслись к этому делу Начальник области Я.Д. Малама, Директор народных училищ области Н.Ф. Блюдов, Городской Голова В.С. Климов... Владелец музыкального магазина Е.Н. Коптев бесплатно предоставил на время работы курсов совершенно новую фисгармонию. Все понимали важность регентских курсов и помогали в меру сил.

На бесплатные курсы предполагалось пригласить 70 человек, но к началу занятий со всех концов Кубани съехалось 119 человек. Из них 62 учителя и учительницы народных училищ, 18- церковноприходских школ, 13 псаломщиков, 12 регентов, 14 частных лиц. Идя на встречу “особенной отзывчивости” народных учителей А.Н. Карасев согласился заниматься со всеми, хотя это и не зависимо от уровня образования, возраста и опыта работы слушателей. Так, 31 учитель окончил курс Кубанской учительской семинарии, 10- гимназии, 5 – духовной семинарии, 7 – городского училища, 3 – духовного, 2 – епархиального, 1 школы садоводства... Различным был и возраст слушателей: от 15 до 50 лет (4). На курсы съехались преимущественно учителя и регенты-самоучки, которые обладая способностями к музыке и пению, до всего доходили исключительно благодаря своей любви к пению и долголетней практике. Преодолевая неудачи и ошибки.

Работа курсов началась с предварительных испытаний. Что позволило руководителю узнать уровень знаний, способностей слушателей и точнее определить программу занятий, которые начались 17 июля. За 33 учебных дня А.Н. Карасев провел около 240 часовых уроков. Занятия проходили утром (с 7.30 до часу дня) и вечером (от 5 до 8 часов) (5). Утренние занятия посвящались изучению теоретических вопросов, а вечерние – хоровому пению. По вечерам собиралось “не мало посторонних слушателей” - екатеринодарских любителей музыки. Они не только с интересом наблюдали за работой с хором знаменитого педагога, но и знакомились с новыми произведениями духовной и светской музыки, разучиваемых слушателями (6).

Много сил и труда пришлось потратить слушателям, чтобы освоить насыщенную и интересную программу, главная цель которой – научить регентов успешно вести хоровое пение в церквях и школах. На курсах изучались разделы: 1) изучение церковного осмогласия, 2) пение по нотным церковным книгам (квадратная система), 3) пение по нотам круглой системы, 4) игра на скрипке, 5) изучение теории музыки, 6) переложение хоровых партитур для разных типов хоров, 7) расписание для хора стихир и тропарей. 8) Методика пения (7).

На первый взгляд казалось сомнительным, что столь обширную программу возможно успешно выполнить в такой короткий срок. Однако то, что курсы велись одним лицом, в одной системе и строгой последовательности. Что между всеми разделами программы была тесная связь, а руководитель хорошо знал сильные и слабые стороны знаний каждого слушателя, что занимались слушатели все время с полным вниманием и увлечением исключительно музыкальными занятиями и оказывали друг другу постоянную взаимопомощь, позволило А.Н. Карасеву достигнуть поставленной цели. Слушатели получили и необходимые знания для дальнейшего самообразования. Многие слушатели приобрели за свой счет скрипки, ноты и методические пособия своего учителя: “Уроки пения”, “Музыкальная хрестоматия”, “Методика пения”... Так, новейшая методика церковного и светского пения, произведения русских композиторов получали достаточно широкое распространение в городах и станицах, что явилось мощным толчком к развитию музыкальной культуры на рубеже столетий.

Наряду с занятиями в классе слушатели неоднократно пели на литургиях и всенощных в войсковом соборе во имя Святого Александра Невского. Пение громадного хора особенно “сразило” всех своей грандиозностью 25 июня, во время заупокойной литургии и панихиды по случаю 100-летия рождения императора Николая I (8). А 24 июля в

Летнем театре слушатели выступили с концертом из произведений светской музыки Ф. Львова, Л. Бетховена, А. Даргомыжского, С. Монюшко, М. Глинки, А. Серова, А. Бородина, Э. Направника. Екатеринодарцы воочию убедились каких серьезных успехов смогла добиться “разнокалиберная масса любителей” за шесть недель серьезных занятий. Газета отмечала, что “самые требовательные вкусы” остались довольны концертом. “Честь и слава Карасеву, сумевшему в течение такого короткого времени и при неблагоприятных условиях дать области до ста человек, имеющих возможность сознательно отнестись к обязанности преподавателя пения” (9).

В последний день занятий, 27 июня, регентские курсы посетил Начальник Кубанской области и Наказный Атаман Кубанского войска Я.Д. Малама. Убедившись лично в блестящих результатах курсов, он пришел поблагодарить и А.Н. Карасева, взявшего на себя тяжелый труд, и слушателей за их стремление к учебе. Сочувственное отношение к курсам и одобрение достигнутых регентами результатов со стороны самого Начальника области, стало для них нравственной поддержкой в их нелегком и очень важном труде.

Следующие два дня проходили “испытания” слушателей. Каждому были предложены вопросы по всем отделам изученной программы. Ответы, пение по нотам, игра на скрипке оказались “весьма удовлетворительными и даже превзошли ожидания” А.Н. Карасева и членов экзаменационной комиссии. Ведь большинство слушателей до курсов не имели понятия о пении и игре по нотам. 23 человека сдали экзамен на отлично, 45 – на хорошо, 39 показали знания “достаточные”. Все они получили удостоверения “в способности организовать хор”, а четверо получили право вести обучение пению в школьном классе (10).

30 июля, после торжественного молебствия, курсы закрылись. Под руководством неутомимого труженика, “популярнейшего в России педагога” цель Екатеринодарских регентских курсов была достигнута: более ста регентов и учителей научились “разумным” методическим правилам и приемам обучения пению детей и взрослых, организации разнородных хоров. Это вселяло надежду, что церковное и школьное пение на Кубани “быстро улучшится и пойдет расти” (11).

В знак искренней признательности своему учителю слушательницы курсов подарили на память А.Н. Карасеву партитуру оперы А.С. Даргомыжского “Русалка”, а слушатели – партитуру оперы П.И. Чайковского “Евгений Онегин”. Трогательными и душевными были проводы Алексея Николаевича на екатеринодарском вокзале...

Первые регентские курсы в Екатеринодаре послужили образцом для

проведения подобных курсов и в последующие годы. Все они проводились местными музыкальными педагогами и играли значительную роль в развитии профессионализма и приобщении Кубани к общероссийским музыкальным процессам.

ИСТОЧНИКИ:

1. Российская музыкальная газета (далее – РМГ). 1896, ноябрь, ст. 1422.
2. Там же, ст. 1421.
3. Кубанские областные ведомости (далее – КОВ).- 1896.- 11 июля.
4. РМГ. 1896, ноябрь, ст. 1408-1409.
5. Там же, ст. 1410.
6. КОВ.- 1896.- 12 июля.
7. РМГ. 1896, ноябрь, ст. 1410.
8. Там же, ст. 1414.
9. Там же, декабрь, ст. 1602-1603.
10. РМГ. 1896, декабрь, ст. 1600.

Александров С.Г.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ КУБАНСКОГО АЛЕКСАНДРОВСКОГО РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Конец XIX столетия ознаменовался на Кубани началом мощного экономического подъема. Кубанская область по праву гордилась тогда системой народного образования, выведшей край по уровню грамотности населения на одно из первых мест в России (1). Продолжало развиваться и физическое воспитание учащихся.

С началом XX века организация физического воспитания в учебных заведениях Кубани стала носить унифицированный характер. Теория и практика физической культуры в Кубанской области развивалась в русле общероссийских тенденций того времени. Существенный отпечаток на этот процесс накладывал циркуляр Министерства просвещения от 15 августа 1902 года: «Основным целям физических упражнений... всего более соответствуют подвижные игры; в младшем и среднем возрасте тем же целям могут служить... движения военной гимнастики (фронт, маршировка); для учащихся же старшего возраста... упражнения на снарядах. Виды физических упражнений могут изменяться соответственно местным условиям...» (2, с. 56).

В представленных в 1902 году председателем Екатеринодарской городской училищной комиссии В.В. Скиданом в городскую Управу материалах относительно «устройства школьных игр», докладывается, что несмотря на существовавшие трудности, «... в данное время при всех училищах игры детей происходят под наблюдением дежурных учителей» (3, с. 19).

Официальная система физического воспитания в досоветской России определяющее значение придавала гимнастике (4, с. 25). Основное внимание уделялось внедрению в учебно-воспитательный процесс сокольской гимнастики. Благодаря эффективности воздействия, эстетической красоте и спортивной зрелищности, сокольская гимнастика к началу XX века получила на Кубани широкое распространение.

Призыв кубанского педагога и общественного деятеля П. Жажаева «дать народу оружие в виде знаний и развития» был услышан (5, с. 32).

Особого внимания заслуживает постановка и реализация данных приоритетных направлений работы в одном из крупнейших войсковых учебных заведений области – Кубанском Александровском реальном училище. «Для поддержания и развития в детях здоровья было обращено прежде всего внимание на то, чтобы правильно и равномерно были распределены уроки, чтобы уроки научного содержания чередовались с занятиями гимнастикой и пением; благодаря такой системе, ученики не устают от занятий» (6, с. 17).

В общем составе средств физического воспитания прежде всего выделялась сокольская гимнастика, «... происходящая зимою в хорошо вентилируемом большом помещении, а летом – на открытом воздухе, в училищном дворе, где установлены гимнастические снаряды, устроена горка и другие приспособления для вольных движений на открытом воздухе» (6, с. 107).

Вот как описывается одно из занятий по гимнастике: «Урок обыкновенно продолжается 45 минут. Ученики работают на снарядах, меняя их через каждые 10 минут, при этом проделывая следующие приемы: а) висение на одном из снарядов (турник, кольца, канат); б) упоры на одном из снарядов (брусья, козел, бревно); в) прыжки (в длину, в высоту, через козла, с наклонной доски)» (6, с. 109).

Кроме того, для учеников младших классов «... были введены особые уроки пластической гимнастики и танцев», для старших школьников – «дополнительные вечерние занятия общей гимнастикой» (6, с. 17). Пластическая гимнастика включала в себя «подготовительные приемы, позиции, маршировку под музыку и исполнение ряда танцев (лезгинки, чардаша, венгерки и вальса)» (6, с. 110).

Начало XX века, характеризовавшееся нарастанием в России капиталистических отношений и активным общественно-политическим влиянием на мировое сообщество, обусловило ее вхождение в международное спортивное содружество (7, с. 296). В значительной мере это отразилось и на развитии физкультурно-спортивной деятельности в кубанском регионе.

Вступление представителя России генерала А.Д. Бутовского в Международный олимпийский комитет в 1894 г. и участие русских спортсменов в Играх IV Олимпиады в Лондоне в 1908 г. (7, с. 297-299), получили широкий общественный резонанс среди педагогов Кубани.

В Екатеринодаре, начиная с 1911 г., стали регулярно проводиться «Олимпийские игры», в которых принимали участие ученики «... Александровского реального училища вместе с другими учащимися екатеринодарских средних учебных заведений» (6, с. 18). Эти игры, вобрав в себя основополагающие идеи и принципы олимпийского движения (8), основывались на объединении спортивной программы с традиционными видами духовного творчества кубанского казачества (исполнение участниками казачьих песен, танцев и т.д.).

Большой популярностью среди учащихся пользовались «гимнастические праздники», организуемые в конце учебного года. К участию в них привлекались воспитанники екатеринодарских гимназий и училищ. «Был устроен гимнастический праздник Александровского реального училища сообща с I и II мужской гимназией и коммерческим училищем. Всех участников было около 1500 человек. Праздник состоялся по предварительно намеченной программе: 1) упражнения с флажками; 2) игры; 3) «пирамидки»; 4) состязательные игры; 5) прыжки; 6) упражнения на снарядах; 7) вольные движения» (6, с. 109).

Проведение подобных праздников способствовало массовому привлечению подрастающего поколения кубанских казаков к регулярным занятиям гимнастическими упражнениями, подвижными играми, элементами легкой атлетики и единоборствами.

Особой популярностью среди воспитанников Кубанского Александровского училища пользовались регулярные внеурочные формы занятий спортивными играми – футболом, крокетом и лаун-теннисом (9).

Зачастую в отчетах педагогических советов в кубанских учебных заведениях можно обнаружить различные направления реализации патриотических, духовно-нравственных и эстетических основ воспитания учащихся. «Для развития в детях сознательной любви к Родине (в Александровском училище – С.А.), происходил ... ряд чтений о подвигах героев земли русской, важнейших и знаменательных событиях» (6, с. 15-16).

Таким образом, процесс физического воспитания в Кубанском Александровском реальном училище был ориентирован на официальные средства подготовки, существовавшие в Российской Империи того времени. Прежде всего, это строевые приемы и система упражнений сокольской гимнастики. Они творчески дополнялись самобытными казачьими элементами, основными из которых являлись народные подвижные игры. Кроме того, в состав используемых средств активно внедрялись спортивные игры.

Физические упражнения успешно чередовались с занятиями историей Кубанского казачьего войска, словесностью и пением. Тем самым осуществлялся комплексный подход к развитию личности учащихся, путем реализации принципа единства двигательного, интеллектуального и духовно-нравственного компонентов физкультурного воспитания.

И С Т О Ч Н И К И:

1. Горлова И.И. Культура Кубани на рубеже двух веков //Кубань в эпоху «серебряного века»: Матер. кр. науч.-теор. конф. /Под ред. В.К.Чумаченко. – Краснодар: КГАКИ, 1997. – С. 3-4.
2. Игнатъев В.Е. Физическое воспитание. – СПб., 1912. – 123 с.
3. Екатеринодарские городские начальные училища в 1902 году. – Екатеринодар, 1903. – 84 с.
4. Григорьев А.Е. Физическое воспитание в России (XIX - начало XX века): Исторический очерк. – СПб.: Наука, 1994. – 80 с.
5. Зажаев П. Прошлое и настоящее кубанской начальной школы. – Екатеринодар, 1907. – 32 с.
6. Обзор деятельности Кубанского Александровского реального училища за 1912-1913 учебные годы. – Екатеринодар, 1914. – 155 с.
7. История физической культуры и спорта /Под ред. В.В. Столбова. – М.: Физкультура и спорт, 1983. – 359 с.
8. Агеев В.У. ... И генерал Бутовский для России. – М.: Сов. спорт, 1994. – 32 с.
9. ГАКК. Ф.552. Оп.1. Д.170. Л.35-37.

СТАТИСТИКА НУЖДАЮЩИХСЯ НА КУБАНИ В КОНЦЕ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Опыт дореволюционной России во многом показателен и поучителен. Как в современном, так и в дореволюционном общественном движении актуальными остаются вопросы статистики нуждающихся: их общая численность, категория, принципы категоризации, степень необходимой помощи, ее тип. Сравнительные представления о численности наиболее малообеспеченных дают отдельные обнаруженные данные и переписи.

Первая всеобщая перепись населения в России (1897 г.) определяла общее число лиц, получающих средства к существованию от нищенства, в 373 201 человек. Эта же перепись указывала на то, что для многих нищенство служило побочным источником получения средств; число таких лиц достигало 38 164. Таким образом, по далеко не полным данным переписи определяла количество нищих в 401 365 (лиц), что составляло 32 человека на каждые 10 000 жителей (1). Для отдельных губерний этот показатель колебался от 3 до 147 человек. (2). При статистическом подсчете нищих подразделяли на две категории – “профессионально-нищенствующие” и “лица, занимающиеся нищенством как выгодным промыслом”. Основными причинами нищенства назывались старость, убожество, многосемейность, смерть одного из супругов, а также непостоянство заработка, различные бедствия. В некоторых губерниях нищенство пускало глубокие корни, существовали целые селения, жители которых чуть ли не поголовно занимались нищенством. В голодные годы после неурожая или пожаров появлялось много “временных нищих”. Характерно, что в такое время “профессиональное нищенство значительно сокращалось ввиду своей невыгодности”.

Особенно высок был коэффициент живущих нищенством в губерниях северных и близких к столичным. На Кавказе нищих насчитывалось 31 789 человек. (3). Наиболее неблагополучными считались Дагестанская, Елисаветпольская, Бакинская, Эриванская губернии. Кубань занимала промежуточное положение, здесь на каждые 10 000 жителей приходилось от 11 до 19 нищенствующих (4). Наиболее неблагополучными были города (кроме Екатеринодара) и такие отделы, как Ейский, Лабинский. Надо отметить, что эти данные лишь косвенно отражали реальную картину жизни.

Статистические данные не были однородны. Нищенствующие не

категоризировались на взрослых и детей. Региональная перепись 1896 г. определила число детей-попрошак в 86 человек, но, как замечали сами исследователи, “цифры эти в действительности не рисуют даже части той общей картины сиротства и беспризорности” (5). Следует учитывать и такие редкие данные, как количество детей-подкидышей и малолетних преступников. С 1888 по 1896 г. только в одном Екатеринодаре было зарегистрировано 124 брошенных младенца. Выживаемость среди них составляла 14% (6). Выросшие дети едва ли становились полноценными членами общества. Следствием сиротства и беспризорности было большое количество несовершеннолетних заключенных. С 1893 по 1897 г., по сведениям начальников тюрем, в Кубанской области детей в возрасте до 17 лет ежегодно содержалось в среднем 89 человек (7) и дополнительно в “Кавказском обществе исправительных земледельческо-ремесленных колоний и приютов” до 49 малолеток (8). Это был самый высокий показатель на Кавказе.

К числу нуждающихся относились и нетрудоспособные больные. Лица, требующие постоянного медицинского обслуживания (слепые, глухонемые, умалишенные), составляли на Кубани 0,35% мужского и 0,30% женского населения, соответственно 3 378 и 2 839 человек. (9). Кубань стояла на первом месте по количеству слепых – 2 679 (10), по количеству глухонемых – 1 788 (11), по количеству лиц, страдающих немотой – 459 человек; лишь по количеству лиц, страдающих умственным расстройством, Кубань была второй на Кавказе (12).

Анализируя данные о нуждающихся, следует учитывать и особенности региона, влияние чрезвычайных обстоятельств. Кубань с благодатным климатом и землей была одним из центров переселенческих, миграционных процессов, которые усиливались в годы часто повторяющихся недородов и голода (13). Трудность сбора материала не только в фрагментарности сведений, но и в рассмотрении самого понятия “нуждающихся”. Если в данной статье были приведены данные по количеству наиболее малообеспеченных – нищих, детей, нетрудоспособных больных, то в более полном освещении учет лиц, получающих пособия, увечных, малообеспеченных служащих, низкооплачиваемых рабочих. Изучение статистики нуждающегося населения – важный шаг к более полному освещению социальных и исторических проблем дореволюционной Кубани и России в целом.

ИСТОЧНИКИ:

1. Численность и состав лиц, пользующихся благотворительной помощью, слепых, глухонемых, умалишенных и больных в больницах // Благотворительность в России. - СПб., 1907. - Т.1. - С.5.

2. Там же.
3. Число лиц, самостоятельно занимающихся нищенством в губерниях Кавказа // *Благотворительность в России.* - СПб., 1907. - Т.1.
4. Численность и состав лиц, получающих средства к существованию от нищенства на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // *Благотворительность в России.* - СПб., 1907. - Т.1.
5. Очерк о деятельности Кубанского Областного Тюремного Комитета и Правления Кубанского исправительного приюта и Денежный отчет за 1898 год.- Екатеринодар, 1899. - С.28.
6. КОВ. - 1898. - №76.
7. Очерк о деятельности Кубанского Областного Тюремного Комитета и правления Кубанского исправительного приюта и Денежный отчет за 1898 год.- Екатеринодар, 1899. - С.24.
8. ГАКК. Ф.482. Оп.1. Д.127. Л.39-40.
9. Численность и состав лиц, страдающих слепотой, глухонемой, немотой, расстройством умственных способностей // *Благотворительность в России.* - СПб., 1907. - Т.1.
10. Там же. Их общая численность на Кавказе была около 15 тыс. человек.
11. Там же. В остальных губерниях этот показатель не превышал тысячи человек.
12. Там же.
13. Только в 1891 г. голод охватил 12 губерний России. Как предполагали, на Кубань прибыло свыше 48 тыс. человек, которым была необходима помощь. См.: КОВ. - 1892. - №3. - Ч.Н. - С.1.

Бершадская О.В.

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В КУБАНСКОМ ОКРУГЕ ВЕСНОЙ - ОСЕНЬЮ 1929 г .

(по материалам архивного фонда писателя В.П. Ставского)

Ставский (Кирпичников) Владимир Петрович (1900-1943) -русский советский писатель, автор книг "Станица", "Разбег", "На гребне" и др. о жизни кубанской станицы накануне и в период сплошной коллективизации сельского хозяйства. В первой половине 1928 г. Ставский побывал в станицах Дона, Терка и Кубани: зимой в качестве

специального корреспондента краевой газеты "Молот", а весной - внештатным инструктором окружного комитета партии, членом Штаба колхозной армии по сбору семян для сельхозартелей. Таким образом, он не понаслышке знал о ситуации на Кубани в конце 1920-х - начале 1930-х гг., о чем свидетельствуют собранные им документы, составившие фонд писателя в ГАКК. Это: директивы и распоряжения крайкома ВКП(б) и крайисполкома; докладные уполномоченных и местных руководителей; сводки о ходе хлебозаготовительной работы в Кубанском округе; протоколы заседаний хлебной тройки при окружкоме ВКП(б), записки крестьян с вопросами о налогообложении и проведении коллективизации; протоколы и резолюции коллективов колхозов по вопросам обследования конфискованного кулацкого имущества и др. Изучение материалов архивного фонда В.П. Ставского помогает исследователям дать объективную оценку событиям, которые разворачивались в кубанских станицах накануне и в ходе сплошной коллективизации.

В годы первой пятилетки, целью которой была индустриализация всей страны, основным зерновым районом, в том числе и Кубани, спускаются завышенные планы хлебозаготовок, не учитывающие реальных возможностей крестьянских хозяйств. Зерно шло на экспорт в обмен на зарубежную технику. Такая политика вела к развитию города за счет деревни. Для выполнения хлебозаготовительных планов у станичников изымались не только товарные излишки хлеба, но и запасы, необходимые для пропитания и весеннего сева. Повсеместно закрывались рынки, по крестьянским дворам шли ревизии и обыски. Мерами воздействия на "злостных недатчиков хлеба" были штрафы, аресты с конфискацией имущества, выселение целыми семьями за пределы Северо-Кавказского края. Но, несмотря на это, хлебозаготовительная кампания на Кубани не имела успеха. 29 августа 1929 г. бюро Краснодарского райкома ВКП(б) констатировало, что план хлебозаготовок «находится под угрозой срыва». В ноябре зафиксировано «катастрофическое падение хлебозаготовок... выразившееся в 15% ноябрьского плана по округу». В такой сложной ситуации руководство края не принимало никаких мер для того, чтобы добиться снижения плана хлебозаготовок. Напротив, нереальные цифры плана были увеличены еще в несколько раз. Так, на 1 мая 1929 г. недовыполнение составило 24 млн. пудов. В письме, адресованном всем партийным организациям края за подписью секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.Андреева и председателя крайисполкома П.Богданова сказано о необходимости "добиться

заготовки в период май-июль месяцев 8 млн. пудов зернового хлеба, помимо необходимого количества хлеба, который нужно заготовить в эти же месяцы". А хлебная тройка, заседавшая при окружке ВКП(б), решила, что преподанный Усть-Лабинскому району план заготовки пшеницы в размере 460 тыс. пудов является преуменьшенным и сочла необходимым повысить его до 720 тыс. пудов.

Хлебозаготовительный план на весну-осень 1929 г. Кубанский округ не выполнил. Вся ответственность за его срыв легла на местное руководство и население. Так, в отчете о ходе хозяйственно-политической кампании в Тихорецком районе указывалось, что "станорганизации до чрезвычайности вяло преломляли директивы партии, не сумели организовать борьбы с разгильдяйством в своих собственных рядах, не вели борьбы с теми членами партии, кто на деле брал под защиту кулака, характеризуя его как "трудолюбивого кулака", остались безнаказанными действия посреднического отношения к кулаку при определении годового плана заготовок" В результате были сняты уполномоченные в ряде районов: Тихорецком, Павловском, Славянском и др.

На хлебобобов обрушились репрессии. На заседании хлебной тройки было решено обязать окружной суд "в самом срочном порядке оформлять по судебной линии решения общегражданских собраний о выселении кулаков и укрывателей хлеба. Срок разбора дел подобного рода в судорганах - 3-дневный". Еще в мае 1929 г. было издано постановление "О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде". Согласно этому постановлению многие жители кубанских станиц попадали как в списки кулаков, так и под размытые категории "подкулачник", "зажиточный", "культурный хозяин" со всеми вытекающими последствиями. В итоге на Кубани отмечаются массовые случаи дробления хозяйств, попытки самораскулачивания. Казаки и крестьяне, опасаясь преследований, собственноручно уничтожают нажитое добро. За несколько месяцев 1929 г. таких случаев зарегистрировано: "по Краснодарскому району - 45, по Усть-Лабинскому - 70, по Павловскому - 65, по Тихорецкому - 32. Эти данные... не охватывают всего количества сманеврировавших подобным образом хозяйств". Итак, в исследуемый период отмечается стремительное падение уровня жизни сельского населения.

Известно, что срыв хлебозаготовительной кампании руководство страны оценило однозначно - кулацкий саботаж. Впоследствии это явилось одной из причин проведения сплошной коллективизации в основных зерновых районах .

В 1928-30 гг. в журнале "Октябрь" публикуются повести В.П. Ставского "Станица" и "Разбег" о проведении хлебозаготовок в станице

Вальяновской (прообраз - кубанская станица Васюринская). Литературно-художественный анализ этих произведений не в нашей компетенции. Отметим только, что Ставский устами своих многочисленных персонажей - станичных жителей - довольно-таки точно передал настроение крестьян Кубани, их отношение к мероприятиям советской власти и к хлебозаготовительной кампании, в частности. "Я ничего не выдумывал, - писал впоследствии В.П. Ставский,- и описывал ту обстановку, в которой находился, и то, в чем сам принимал участие. Выдумки там нет, есть отбор фактов...". Не следует забывать о том, что эти произведения писались в условиях жесткой идеологической диктатуры, поэтому многие интересные и характерные факты остались за страницами книг, в документах архивного фонда писателя В.П. Ставского.

Комжсинский В.Г.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ МИРЫ ВАЛЕРИЯ ГАВРИЛИНА

Валерий Александрович Гаврилин родился 17 августа 1939 года в маленьком городке Кадникове Вологодской области в бедной семье. Мать его работала в детском доме, поэтому несколько лет в этом сиротском приюте провел и будущий композитор. Пел в хоре и, не зная нотной грамоты, "рисовать ноты" в виде красивых узоров. Валерий Гаврилин всю жизнь помнил, как в детдоме простая русская женщина, пожилая крестьянка, рассказывала им чудесные сказки, пела мелодичные песни. И это воспоминание детства потом часто возвращалось к нему. В жизни каждого большого национального художника должна быть своя Арина Родионовна! Гаврилин на всю жизнь сохранил любовь к простому человеку, а в русской народной песне его пленили не только собственно звуки, но, прежде всего, русская народная душа.

В то трудное послевоенное время в нашей стране была замечательная традиция: целенаправленно искать по всей необъятной стране юные таланты и собирать их в специальных учебных заведениях. Так однажды и одаренного Валеру Гаврилина увезли в специальную музыкальную школу-интернат при Ленинградской консерватории. А поскольку мальчик не имел никакой музыкальной подготовки, стали учить его игре на кларнете (а его тянуло к роялю), убеждая тем, что

Римский-Корсаков играл-де на кларнете, а Лядов – на валторне. Когда он был в девятом классе, в музыкальной школе открыли класс композиции. К тому времени юный музыкант уже написал несколько романсов, фортепианную сонату. И Валерия Гаврилина перевели “в композиторы”.

В Ленинградской консерватории Гаврилин учился сразу по двум специальностям – композиции (класс О. Евлахова) и народной музыке (класс Ф. Рубцова). Еще студентом Гаврилин часто ездил в фольклорные экспедиции, с огромным интересом и теплотой он общался с народными певцами. Внимательно слушал и записывал народные песни, “жесткие” романсы, частушки, поговорки, понравившиеся выражения. Вечерами все это тщательно начисто переписывал. Показательна тема его дипломной работы в консерватории по фольклористике: “Народно-песенные истоки творчества В.П. Соловьёго-Седого”.

Валерий Гаврилин стал известен как композитор в 1965 г. В большое искусство он вошел стремительно, когда в Малом зале Московской консерватории ленинградская певица Надежда Юренева исполнила его вокальный цикл “Русская тетрадь”. А вскоре этот цикл спела и записала на пластинку выдающаяся наша певица Зара Долуханова. С радостным волнением молодого композитора приветствовали и поздравляли Дмитрий Шостакович и Георгий Свиридов, появились восторженные статьи, радиопередачи, кинохроника. За создание “Русской тетради” Валерию Гаврилину была присуждена Государственная премия РСФСР. Это был всего лишь цикл романсов, но в этой, по определению самого композитора, “поэме о несостоявшейся любви, поэме о любви и смерти” композитор достиг “предельного обнажения чувств”.

“Русская тетрадь” написана на тексты народных песен (героиня – деревенская женщина), но собственно народных мелодий (цитат) в ней нет. По словам композитора, “Русская тетрадь” не просто написана на слова народных песен, “а в связи с подтекстом, с их богатой ассоциативной образностью”. Молодой композитор в многочисленных интервью объяснял тогда так свою эстетическую позицию: “Очень бурно развивается наша цивилизация. Дорожает и становится все необходимое простое человеческое естество. В человеке раскрепостилось многое – не только хорошее, но и дурное. Человеческие отношения стали сложнее, острее тяга к простому, как “мычание”, к тому, что существует без позы, без вранья...”

Форма вокального цикла, венка песен и романсов, объединенных одной идеей, драматургической фабулой, оказалась главной для творчества Валерия Гаврилина. Им написано около десяти вокальных

циклов, некоторые из которых еще неизвестны слушателям. Кумирами композитора в поэзии стали Пушкин и Цветаева, Гете и Гейне, Некрасов и Маяковский. Долгие годы Гаврилин сотрудничал с поэтессой А. Шульгиной, стихи которой отмечены искренностью и фольклорной песенностью. “Русская тетрадь”, три “Немецкие тетради” (третья не обнародована), “Времена года”, “Вечерок”, “О любви”, “Земля”, “Марина”, “Военные письма” - в каждом из этих вокальных произведений есть подлинные художественные открытия.

Валерий Гаврилин стал и создателем особого жанра в отечественной музыке – масштабного, близкого к оратории и к опере хорового или инструментально-хорового “действия”, в котором народная жизнь раскрывается через ряд хоровых фресок, песен-картин. В его “действиях” “Скоморохи” (1967), “Свадьба” (1981), “Перезвоны” (1982) достигается истинно симфоническое, философское обобщение жизни соединением строфических, по существу песенных форм. Это было осознанной творческой позицией, главной идеей. “Мы утратили представление о том, что такое песня. Обеднили ее, - писал композитор. – Что такое “Слово о полку Игореве”? Песня. Своеобразная, но песня. Гомеровские поэмы по сути своей, по эпической музыкальности – песни. Голос подарил миру и нынешнюю, и “прошлую” симфония... Все “серьезные” музыкальные формы – песни”.

Свою грандиозную хоровую фреску “Перезвоны”, состоявшую из двадцати номеров, Гаврилин назвал “симфонией-действием”. Он писал это сочинение семь лет, тщательно и ответственно, как древний иконописец расписывал храм. Пóлтора часа музыки! Георгий Свиридов, выступая на телевидении, о “Перезвонах” Гаврилина сказал: “Это написано кровью сердца – живая современная музыка глубокого народного склада”.

В подзаголовке народно-эпического полотна “Перезвоны” Гаврилин указал: “По прочтении Шукшина”. У этих двух художников, выходцев из русской глубинки, одна судьба. Каждый из них постигал и раскрывал своими средствами тайну народной души, русского характера, “тайну национальности” (Белинский). “Ценю Шукшина, - писал Гаврилин, - за неистовость, не дающую покоя...” А чтобы понять замысел и содержание “Перезвонов” Гаврилина, можно вспомнить слова и самого Шукшина: “Когда буду помирать, если буду в сознании, в последний миг успею подумать о матери, о детях и родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет”. Симфония-действие Гаврилина “Перезвоны” об этом же: о бесконечных дорогах русской земли, о смысле человеческой жизни, о войне и мире, о добре и зле... Когда симфония-действие

Гаврилина звучит в исполнении Московского хора Владимира Минина, когда встречаешься с этой музыкой в исполнении нашего Краснодарского камерного хора под управлением Вячеслава Яковлева, думается о том, что даже если бы Гаврилин подарил нам только этот шедевр, он остался бы выдающейся личностью в нашей отечественной культуре. В 1985 году за симфонию-действие “Перезвоны” Валерию Гаврилину была присуждена Государственная премия СССР.

По умению создать зримый музыкальный портрет, характер, сцену Гаврилин истинно театральный композитор. В молодые годы в полемическом задоре он подчеркивал: “Мой жанр - опера”. И действительно создал целый ряд оперных произведений – “Моряк и рябина”, “Семейный альбом”, “Симоновские ребята”, “Ревизор”, “Утешения”. Из всего этого в концертах исполнялись лишь отдельные фрагменты. Полноценного оперного спектакля с музыкой Гаврилина мы так и не увидели. Какие-то страницы его оперных начинаний были использованы режиссерами и самим композитором в разных театральных постановках и балетных спектаклях (балетах “Подпоручик Ромашов” по Куприну, “Дом у дороги” по Твардовскому), в сюитах и инструментальных пьесах. Венцом устремлений композитора к музыкальному театру стал его балет по Чехову “Анюта” (1986). Вся его нежная и печальная любовь к простому человеку, к русскому неприкаянному характеру нашли отражение в этом спектакле.

Творческое наследие Валерия Гаврилина еще ждет своего анализа и обобщения. Точного перечня его сочинений никто не знает. Многие из созданного композитором не обнародовано. В многочисленных газетных публикациях его произведения подчас по-разному называются. Сам композитор многое начинал и не доводил до конца. Достаточно сложным было его положение в Ленинградском Союзе композиторов, да и во всем музыкантском окружении. Он часто был обуреваем сомнениями и кризисами. Заявив о себе в “Русской тетради” как о выдающемся таланте, как о безоговорочном классике, он всю свою последующую жизнь оставался чрезвычайно требовательным к себе, стремясь ни при каких обстоятельствах не снизить качество своего искусства.

Эстетические идеалом Гаврилина были душевная чистота музыки Шуберта и “заповедный мир музыки Свиридова”. О Свиридове он говорил: “Я благоговею перед ним и люблю сильно и бесконечно, любовь эту можно отнять у меня, лишь отняв душу. И то, что Гаврилин так высоко ценил в музыке Свиридова, его высказывания о ней, в равной степени может служить характеристикой и его собственного творчества: “он не кричит не оттого, что нет голоса: он умеет говорить тихо. Он не

плачет не оттого, что слез нет: не слезами жизнь держится. Он не ищет сочувствующих. Он показывает красоту.”

IV. ЭТНОГРАФИЯ. ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Чабан Микола
(Украина)

ЗАБЫТАЯ СТАТЬЯ МИХАИЛА ТЕЛИГИ

Имя кубанского kobzаря и общественного деятеля Михаила Телиги (1900-1942) в последнее время возвращается из забвения. Муж выдающейся украинской поэтессы Олены Телиги (1907-1942) он разделил с ней трагическую судьбу: в феврале 1942 года их расстреляли нацисты в Бабьем Яру вблизи Киева.

Киевской исследовательнице Надежде Миронец посчастливилось обнаружить в архиве студенческую работу Михаила Телиги “Как я стал сознательным украинцем”. Он писал эти воспоминания, будучи студентом лесного отделения Украинской хозяйственной академии в Подебрадах (Чехословакия). Михаил Телига появился на свет 8 декабря 1900 года в станице Ахтырской на Кубани. А первым толчком к национальному самосознанию, как признавал сам М.Телига, стала его встреча с kobzарем в Екатеринодаре в 1915 году, когда он учился в военно-фельдшерской школе. Под впечатлением игры kobzаря, которая произвела на юношу неизгладимое впечатление, он решил, что и сам непременно научится играть на этом чудесном инструменте. Его знакомый Мартовой, который сам играл на бандуре, познакомил Телигу с Миколой Богуславским.

Об этой легендарной фигуре имеется множество восторженных отзывов современников. Известный украинский историк Дмитрий Дорошенко, который знал Богуславского по Екатеринославу (Днепропетровску), писал, что он был несравненным агитатором среди молодежи, умел привлекать ее к национальной работе, распространению украинской книги, образованию кружков любителей игры на бандуре. Позже он переехал на Кубань и там продолжал свою скромную, но полезную для национального дела работу. Другой украинский историк Василий Беднов называет М. Богуславского “идеальным распространителем украинской книги”. Вот кто учил Михаила Телигу играть на бандуре, давал читать украинские книги М. Аркаса, А. Кашенко, вел разговоры с юношей об украинской истории. Как вспоминал Михаил, его учитель “возле себя объединял молодежь,

воспламеняя своим словом любовь к родному языку, истории и вообще ко всему, что только могло послужить национальному воспитанию”.

“Итак, - как напишет в конце исповеди Михаила Телига, - все началось с бандуры: чары ее меня не обошли... - схватили меня и повели той тропинкой, в конце которой увижу счастье своего народа”.

18-летний юноша в августе 1918 года оставил родной дом и отправился на Украину. Всего лишь 18 лет прожил он на Кубани, но никогда не забывал, что он кубанец и гордился этим. На Украине Михаил служил военным фельдшером в украинском войске, спасал в боях раненых бойцов, а после боя лечил души – играл на бандуре. Затем вместе с остатками армии Украинской Народной Республики почти четыре года был интернирован в Польше.

Вскоре он стал студентом Украинской хозяйственной академии в Подебрадах. Там встретил Олену Шовгенову, дочь ректора академии. “Стойкость взглядов очаровательной дочери ректора imponировала так, что кубанский казак Михаил Телига стал для нее символом молодого, не согнутого, боевого и глубокого, благоукраинца. Мир прекрасный и великий, в котором для нее отныне место навсегда... Молодое сердце прониклось любовью к Михаилу Телиге – вскоре они поженились”.

Тот, кто имел счастье слушать концерты М. Телига, не мог сдержать свое восхищение: “То не пел кобзарь, то пел Пророк”. То Моисей, который взывал к своему народу. Он гремел, он плакал, он просил. А все это вместе взятое создавало могущественное впечатление. Оно входило глубоко в сердце, могучей силой проникало в глубочайшие уголки души...”

Из Чехословакии чета Телиг переехало в Варшаву, где в то время жил отец Елены. Ее подруга 96-летняя Наталья Ливицка-Холодна, которая ныне живет на американском континенте, познакомилась с Телигами в Варшаве. Ее воспоминания содержат ценнейшую информацию о варшавском периоде жизни молодой четы. Михаила она называет “чрезвычайно милым и симпатичным человеком”, “верным рыцарем” Елены. Михаил принадлежал к партии эсефов и был близок к Александру Лотоцкому (1870-1939), профессору истории православной церкви Варшавского университета, основателю и директору Украинского научного института в Варшаве (1930-1938).

Проживая в Варшаве, Михаил Телига, дипломированный инженер, никогда не имел соответствующий своему образованию работы. По воспоминаниям Натальи Ливицкой-Холодной, Михаилу Телиге приходилось выезжать в село на полгода, даже зимой. Работа была тяжелой и мало оплачиваемой. Первый год им помогал отец Олены, но

затем, когда он женился вторично, помощь прекратилась. Олена должна была браться также за работу”.

Михаил страстно любил свою жену. Он был для нее всем – и мужем, и отцом, и опекуном, и товарищем, часто старшим братом, который мог и пожалеть, а иногда и отругать. Но и она отвечала ему той же привязанностью и любовью. Никогда не оставляла его одного в селах, даже тогда, когда имела возможность выехать и пожить какое-то время в лучших условиях.

“Выезд в село был для Олены всегда большой неприятностью. Ее село не было одним из тех, куда выезжали люди отдыхать и пожить на природе. Это было село в глухой и безнадежно темной польской провинции, куда высылали наших инженеров для осушки болот. Местность была сырая и нездоровая, и это губило здоровье Елены. И она и муж ее там постоянно болели. Лена не любила ни села, ни селян. Писала, что если бы “Толстой пожил тут пару дней, то проклял бы все свои идеи сближения с народом”.

Но возможно это было потому, что Телигам приходилось жить в исключительно невыносимых условиях, в болотистых местностях, среди некультурных и отсталых людей. Гигиенические условия были ужасны: ни проточной или ключевой воды, ни канализации не было. Мыться надо было в корытце. Хаты не могли противостоять ни бурям, ни пожарам. Не было никакой врачебной помощи, не было аптек. Однажды Михаил заболел. У него была высокая температура и страшный нарыв в горле. Его нужно было везти несколько часов к врачу, а затем еще и ждать пять часов, пока врач возвратится с охоты. С питанием тоже было очень плохо. Самыми доступными были только картошка и яйца”.

Можно только удивляться, что в таких неблагоприятных условиях М. Телига нашел время написать и опубликовать в “Бюллетене польско-украинском” (1934, № 13) статью “Путем бандуры”. В ней автор ознакомил польского читателя с популярным украинским инструментом, его историей, особенностями игры на бандуре. Эту статью мне посчастливилось обнаружить летом 1998 года в комплекте журнала, который сберегается в библиотеке Варшавского Университета

Интересно, что до наших дней сохранилась бандура М. Телиги. Мне показывал ее летом 1998 года в Ялте Алексей Нырко, который создал при местном педагогическом колледже общественный музей кобзарства Крыма и Кубани.

ИСТОЧНИКИ:

1. Надія Миронець. До біографії Олени Теліги. Михайло Телига// Українське слово (Київ).- 1997.- 6 марта.

2. Дмитро Дорошенко Мої спомини про давнє минуле (1901-1914рр.). - Вінніпег, 1949.- С.125.

3. Василь Біднов. Спомини про А.Кащенко // Літературно-науковий вісник (Львів). - 1923.- Ч.7.- С. 232.

4. Жданович О. На зов Києва. Біографічний нарис // Олена Телига. Збірник -. Київ, 1992.- С.324.

5. Наталія Лівницька-Холодна. Спомин про короткий період життя Олени Телиги // Сучасність (Мюнхен). - 1990.- Ч.10.- С.82.

Мартьяненко Л.Б.

СОВРЕМЕННОЕ БЫТОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК ЧЕРНОМОРСКИХ (ЗАПОРОЖСКИХ) КАЗАКОВ НА КУБАНИ

Фольклор Кубани представляет собой оригинальное и сложное явление. Специфика кубанского устного народного творчества обусловлена поздним заселением края (конец XVIII века), языковой и сословной разнородностью населения. Первыми переселенцами на Кубани были черноморские (бывшие запорожские) казаки – носители украинского языка и линейные (донские) казаки, говорившие на русском языке. Затем наблюдался бурный приток “иногородних” - крестьян из черноземных губерний России и Украины, особенно усилившийся в послереформенный период.

Наблюдения показывают, что в тех районах Краснодарского края, где были проведены преподавателями и студентами филологического факультета Кубанского госуниверситета фольклорные практики, продолжают активно бытовать устно-поэтические произведения черноморского казачества, исполняющиеся на украинском языке. Так, на Кубани широко известны исторические песни “Ой, на гори та жєнци жнуть”, “Зажурьлысь черноморцы”; военно-бытовые и походные песни “ой, на гори огонь горьг”, “В субботу ранэнько”; лирические и семейно-бытовые песни “Розпрягайтэ, хлопци, конив”, “Стоить явор над водою”, обрядовые песни (“мыланки”, “щєдривки”), заговоры и т.д.

Особенно интересно проследить современное бытование в нашем крае, так называемых, малых (афористических) жанров черноморцев – пословиц и поговорок. В отличие от других фольклорных произведений, пословицы и поговорки нельзя попросить специально исполнить, ведь они рождаются и бытуют в живой разговорной речи, вспоминаются ассоциативно в связи с каким-нибудь жизненным фактом или явлением.

Так, например, подчеркивая вздорный характер какого-нибудь человека, метко определяют нелегкую судьбу его будущего суженого: “Комусь кислиця сняться”; тому, кто необдуманно сделал какое-то приобретение, скажут: “Бачили очи, що купували: йиште, хочь повывлаzte”, а, жалуясь на трудную жизнь, незаслуженные обиды, произнесут: “Живем, як горох при дорозі: хто нэ идэ, той скубнэ” и т.д. Важно отметить, что украинские пословицы и поговорки используют в речи не только носители особого кубанского диалекта, возникшего в результате взаимовлияния русского и украинского языков (жители многих хуторов и станиц Кубани), но и говорящие на русском литературном языке. Причем, употребление их в речи оговаривают, как правило, при помощи особых вводных оборотов: “Как говорят, “Как говорит народ”, “Вот, уж, как говорится” и т.п.

Хорошая сохранность многих украинских пословиц и поговорок в русскоязычной среде объясняется прежде всего их жанровой спецификой: известно, что пословицы и поговорки отличаются большей устойчивостью по сравнению с другими жанрами фольклора. Народ хорошо осознает их древность и традиционность: “Старая пословица век не сломится”. Немаловажными причинами устойчивости пословиц и поговорок являются выразительность, отточенность их формы (ритмичность и нередко наличие рифмы, способствующей сохранности текстов): “Полсвита плаче, а полсвита скаче”, “Миняй, свату, слипу кобылу на носату”, “Так бывае, що и медведь литае” и особая функциональная сущность. Роль пословицы – сделать определенные выводы и обобщения из жизненных наблюдений и социально-исторического опыта народа (“Нэ лизь попэредь батька в пэкло: нэхай батько попэчеться, тоди - ты”, “Нэ жнэ, нэ косэ, а жупан носэ”); назначение поговорки заключается в том, чтобы украсить речь, сделать ее яркой и образной (“Як будяк среди роз”, “С тих хуторив, дэ дядька горив”, “Потрапыв, як пальцем в небо”).

Однако, как и все фольклорные произведения, пословицы и поговорки варьируются. Сопоставление кубанских вариантов малых афористических жанров (тексты приводятся из сборника “Пословицы, поговорки и загадки Кубани” - Краснодар, 1993) с их украинскими вариантами (“Українські прислів'я та приказки” - Київ, 1984) позволяет сделать вывод, что для кубанских пословиц и поговорок характерны весьма существенные местные особенности.

Во-первых, варианты пословиц и поговорок могут различаться чисто фонетически. Например, когда украинское “і” в них заменяется на русское “е” в соответствующей грамматической позиции: “Сякий-такий Пантелей, а все на душі веселій” - “Сякий-такий Пантелей, та все Маньке

веселей". Или: "Не вмер бы Данила, так болячка задавила" - "Не умер бы Данила, так болячка задавила" - безударное "у" в русском языке сохраняется, а в украинском подвергается редукции, пишется "в".

Во-вторых, на Кубани нередки случаи двоякого звучания (на русском и украинском языках) одинаковых по смыслу пословиц и поговорок: "Ни богови свичка ни чортови кочерга" - "Ни богу свечка ни черту кочерга". Второй вариант встречается чаще: в русском языке нет форм на -ови (еви) дат.п.ед.ч. существительных мужского рода, в то время как в украинском языке они широко употребительны. Или "Брат любит сестру багату, а чоловик жинку здорову" - "Брат любит сестру богатую, а муж жену здоровую"; "И за холодну воду не визьметься" - "За холодную воду не берется" и т.д.

Следует отметить, что иногда трудно с полной уверенностью сказать о той или иной пословице или поговорке, где они возникли: в русском или украинском фольклоре, столь длительны и широки русско-украинские фольклорные связи.

Порой в нашем крае встречаются особые, контаминированные варианты пословиц. Так, в России хорошо известна пословица "Цыплят по осени считают", на Украине она звучит так - "Курчат рахують по осені", на Кубани появился оригинальный текст - "Курчат по осени считают". Русская пословица "Горько есть, да жаль покинуть" имеет близкий украинский вариант - "Гірко з'їсти, та шкода покинути", а диалектный кубанский вариант выглядит так - "Гадко йисти - жаль покынуть". Контаминированные варианты пословиц свидетельствуют об определенном языковом явлении: некоторые слова литературного украинского языка уходят из активного словарного запаса населения Краснодарского края: "рахувати" (считать), "шкода" (в значении "жаль, жалко"), "стричка" (лента), "чекати" (ждать), "шлюб" (венец) и т.д.

Можно говорить о разной степени сохранности пословиц черноморских казаков на Кубани. Так, в крае очень популярна пословица "Не було у бабы клопит (забот), так купыла порося", ее украинский вариант имеет более полный текст: "Не мала баба клопоту та купила порося, порося у кувік, а баба у крик". Вероятно, кубанский вариант с течением времени сократился. Подобный факт сокращения пословичного текста ввиду того, что некоторые слова уходят из употребления у исполнителей фольклора, наблюдаем и при сопоставлении следующих вариантов пословиц: "кубанский - "Поки дида, покы и хлиба", украинский: "Поки діда, поти й хліба, поки баби, поти й ради".

В то же время некоторые украинские слова прочно вошли в речь кубанцев. Прежде всего это названия профессий: "Не коваль (кузнец),

так и рук не погань”, “Я такой же печник, как ты мирошник” (мельник), “Як бы Бог слухав чэрэдныка (пасуха), уся бы худоба сгинула” и другие; названия овощей: “Навздогад бурякив (свекла), шоб далы капуста”, “Два гарбуза (тыква) в одной руке не удержишь” и т.д.

Известно, что нередко трудно установить точное время возникновения той или иной пословицы или поговорки. Однако, иногда это возможно. Так, поговорка “Рэвэ, як Сэрэда” возникла на Кубани в XIX веке: казак Серёда был знаменитым “басом” войскового хора, и слава о нем разнеслась по всей обширной казачьей земле. По форме кубанская поговорка идентична украинским: “Як сонце, гріє”, “Весела, як ясочка”.

После Великой Отечественной войны в нашем крае появились новые пословицы и поговорки, некоторые из них, очевидно, были заимствованы у украинцев: “Кляне, як бабы фашиста” (ср. укр. вариант: “Кляне, як баба Денікіна”); “Пропав, як фашист под Сталинградом” (ср. укр. вариант: “Пропав, як фашист під Сталинградом”); “У Гитлера тильки и ридни, що бандиты одни” (ср. близкий укр. вариант: “Буде морда бита в Гітлера - бандита”) и другие.

Подобные заимствования стали возможны, потому что в Краснодарском крае до сих пор активно бытуют фольклорные произведения черноморского казачества.

Очень популярны на Кубани прибаутки – шуточные, нередко рифмованные приговорки. Их цель – развлечь, позабавить слушателей. Многие прибаутки имеют явно украинское происхождение: “А, здоров, Юрко! Надив золоту бурку, та й нэ признаешся!”, “Та й була в собаки хата, пишов дощ – вона сгорела”, “Савва встав, Хома сив, а нас укупе усих сим”, “Дуй, дураче, нэ будэ горяче!”, - “Що наши делают? – Та й пообидалы – хлиб жують”, “Дядько! Дайтэ водычки напыться, бо так йисты хочется, що негде и переночевать” и т.д.

В.И. Даль в своей статье “Напутное” отмечает, что прибаутки нередко переходят в пословицы или поговорки, если применяются к какому-либо известному случаю. Так, прибаутка “И знов за рыбу гроши”, используемая для характеристики непонятливого или упрямого человека, приобретает функцию поговорки, а прибаутка “Черт скаче, моды не настаче” может ситуативно иметь обобщенное, пословичное значение.

Кубанские пословицы и поговорки – ценный материал для изучения общерусских и украинских малых афористических жанров, а также для исследования взаимосвязи фольклора русского и украинского народов.

ПЕСНЯ В ЖИЗНИ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАКА

Каждый народ знает свою песенную и музыкальную культуру. Но среди всех наций на земле особой певучестью и музыкальностью славятся итальянцы и украинцы. Любовь к пению является неотъемлемой принадлежностью души почти каждого малоросса. В украинских песнях, думах отражена жизнь народа, исторические события. Поэзию украинских песен заметил и Н. Костомаров: “В великорусских песнях есть тоска, раздумье, но нет почти той мечтательности, которая так поэтически пленяет нас в южно-русских песнях, уносит душу в область воображения и согревает сердце неземным, нездешним огнем”. Он же заметил, что южно-русская поэзия неотделима от природы, она “оживляет ее, делает ее участницей радости и горя человеческой души; травы, деревья, птицы, животные, небесные светила, утро и вечер, зной и снег – все дышит, мыслит. Чувствует вместе с человеком”. Поэтическая душа малоросса не могла жить без песен, которые заключали в себе все чувства запорожца: любовь к Богу, родным, товариществу, храбрость, гордость, веселость и другие чувства.

Переселившись на Кубань, черноморские казаки принесли с собой и малороссийскую культуру, одним из элементов которой является песня. Представляет интерес песенный репертуар черноморцев первой половины XIX века. В песнях отражалась история казачества, его славные дела, его высокие нравственные качества, заветы правнукам. “В песне народ выражал свое былое и настоящее, свою думу, надежды, радость, горе, насмешку”, - отмечал И. Попко.

Исторические источники дают возможность выявить песенный репертуар указанного периода: здесь и историческая песня о разрушенной Запорожской Сечи “Чорна хмара наступає”, и очень популярная походная песня “Засвистали козаченьки” - ее пели герои кухаренковской пьесы “Черноморский побег”, уходящие в поход за Кубань, этой песней начинается и пьеса Д.Дмитренко-Бута “Одна година из казацкого побегу”, хранящаяся в рукописном отделе театральной библиотеки г. Санкт-Петербурга.

Не менее популярной в то время была песня о Дорошенко, которую поют и сегодня в станицах: “Ой, на гори та жени жнут”, она тоже включена в пьесу Д. Дмитренко-Бута.

В песнях отражены походы в Польшу: “Ах, хотелось католямкам Паляя згубиты” и “У недилю рано-поранэньку”. Сидя за рукоделием,

вышивая любимому сорочку к свадьбе, девушки-казачки пели лирические песни. Так, героиня кухаренковской пьесы Маруся пела: “Ой, бачиться, що не плачу”, тоскуя по своему Ивану, ушедшему в поход на черкесов. В этой же пьесе есть другая лирическая песня “Ой, пий, маты, тую воду, що ч наносыла”. В пьесе Д.Дмитренко-Бута герои поют лирические песни “Козак конька сидлае, а дивчина плаче” и “Чом Семена не любыгы”.

Как правило, в то время казачьи свадьбы или ярмарки сопровождалась шуточными плясовыми песнями, такими как “Катерина та Демян побылыся за бурьян” или “Ой, де ты була, забарилася, на дирявом мосту провалилася”. Об этом же свидетельствует эпистолярное наследие Я.Г. Кухаренко. Так в письме от 1844 г. к своим харьковским друзьям он просит прислать ему “Бабу с раком” - шуточную плясовую песню о том, как “пишла баба на базар, хату не топыла и свойому мыленькому йисты нэ зварила” с припевом “чи нэ рак, чи нэ рак, чи нэ юшечка, кучерявий мий голубчик, моя душечка”. В другом письме Т. Шевченко к Я. Кухаренко упоминается лирическая песня “Тэче ричка-нэвэлычка з выпшневого саду”, которую пела в 1842 г. семилетняя Ганна, дочь Я. Кухаренко. Это необыкновенно мелодичная песня и девочка-певунья запомнилась поэту и часто вспоминались в далекой ссылке даже через 12 лет.

Важные свидетельства о проникновении песни и музыки, нераздельно связанных с жизнью казаков, содержатся в историко-этнографических произведениях историка Черноморского казачьего войска И.Д. Попко. Идя служить, казак покидает свою молодницу, напевая себе вполголоса: “Котилися вози с гори, поломалися спици, да вже ж мини не ходити на ти вечерниці”. Будучи очевидцем и участником многих боевых сражений, он пишет, что раненых казаков лечили музыкой: им не давали спать около трех суток, стучали в бубен и пели боевую песню.

В “Черноморских казаках” автор сообщает, что в каждом полку, батарее, роте “были горнисты и барабанщики, кроме того, войско содержит хор военной музыки и хор певчих”. В репертуаре войскового хора была песня, сложенная А. Головатым.

Как указывает Ф.А. Щербина, войсковой судья А. Головатый играл на бандуре, в столичных роскошных гостиных пел “то малорусские грустные думы, полные чудной мелодии и высокого народного драматизма, то веселые, исполненные удалы и юмора казачьи песни, то песни собственного сочинения, изображавшие тяжелое, безвыходное положение черноморцев”. Незадолго до переселения казаков на Кубань он сочинил песню “Ой, годи нам журитися треба перестаты”, которая настолько прочно вошла в жизнь переселенцев, что она стала народной. без нее не обходился ни один праздник на протяжении всего столетия.

“Войсковой певческий хор в сотый раз напевал любимую народную песню”, - отмечал И. Попко, описывая праздник вручения знамени Георгия Победоносца войску в мае 1844 г.

Описывая внешний вид черноморских казаков, И. Попко использовал шуточную песню, лучше которой не скажешь: “иде козак за Кубань, знаяренный, мов той пан: кинь жвавий, сам бравий... Мушкетюга у чехли, а шаблюка при боци, ратище довгее, чому не козак?”

В “Пластунах” И. Попко рассказывает о том, как музыка спасла жизнь казаку Омелько, которого любили в черкесских аулах все женщины и дети за игру на скрипке. И, когда он сидел раненый в плену в яме, молодые джигиты из мирных аулов по просьбе своих красавиц выкрали его и отпустили на свободу.

В очерке “Пешие казаки” автор приводит пример песен, которые пели в 50-е годы прошлого столетия черноморские казаки: кроме указанной исторической песни “Чорна хмара наступае, дощ гуде из неба”, часто звучала “Не хилися, явороньку”. Эпиграфом к историческому очерку “Темрюк” И. Попко взял слова из упомянутой песни А. Головатого: “В Тамани жить, добре служить”. В этом очерке автор приводит хорошее высказывание о песне: “На каждый особенный случай являлась песня, откуда бралась – никто не мог сказать, но только являлась непременно. В песне выражал народ свое былое и настоящее, свои думы, надежды и каждый сильный удар сердца. Думу, надежду, радость, горе, насмешку – все это пел наш народ”.

Во время походов, описывает автор, сам многократно бывавший в них, казаки становились в кружок и затягивали хороводную песню. Заунывным песням предшествовали веселые, а после похода казаки возвращались в лагерь и устраивали праздник. Так, в “Походном дневнике” И. Попко 18 октября 1854 г. сделал запись на эту тему: “Дамы посетили наш лагерь. В каждой части музыка играла вальсы и мазурки, доказывая тем, что сердца бивуачных рыцарей не совсем еще очерствели”. Даже в походных условиях человеку нужна была музыка, песни, которые давали отдых, снимали напряжение, отвлекали от тягот походной жизни, напоминали о доме.

Настоятельная потребность в общении с песней, как неотъемлемой части жизни казачества, привела к созданию в 1810 г. профессионального коллектива – войскового певческого хора. Первоначальной целью создания певческого хора было улучшение богослужения. Ходатайство о заведении хора возбудил протоиерей К. Россинский 2 августа 1810 г., 13 декабря были составлены штат и смета, 18 января 1811 г. утвержденные военным губернатором Одесской и Херсонской губерний Дюком де

Ришелье, а по указу Войсковой канцелярии от 20 февраля 1811 г. было разрешено привлекать в хор учеников Екатеринодарского училища.

Исследователи, занимавшиеся этим вопросом в разное время – И. Кияшко, Г. и Б. Борисовы, В. Бурылев, А. Слепов считают датой основания хора 1811 г. С помощью в Государственном архиве Краснодарского края, установлено, что выдача жалованья регенту К. Гречинскому, началась с 1 октября 1810 г. Думается, что именно эту дату следует считать началом зарождения коллектива. Количество певчих от 7 человек первоначально выросло к началу 30-х годов прошлого века до 32 человек – по 8 басов, теноров, альтов, дискантов. Как отмечает И. Кияшко, содержание хора в год стоило в среднем около двух тысяч рублей, что не очень обременительно. Но польза его была велика, корпел, “облагораживая дикие нравы жителей Черномории и внося в их сердца и неприглядную жизнь светлый луч эстетического наслаждения”.

Путь хора к успеху и всенародному признанию был тернист и труден. Исследование материалов архивов показывает эти постоянные трудности: отъезд регентов, не выдержавших плохого климата, отсутствие нот, помещений для репетиций, отсев юных учеников по причине ломки голоса, а пожилых в связи с отставкой, износ инструментов, за которыми нужно ехать в Харьков, Одессу или Москву, недостаток нужных голосов, в поисках которых приходилось регенту отправляться во все станицы края и т.п. Несмотря на объективные трудности, профессиональное мастерство коллектива и его руководителей росло.

С января 1858 г. в течении двух лет в Придворной певческой капелле обучались профессиональному мастерству двое стипендиатов Войскового хора – Моисей Терпилец и Митрофан Бибик. Вернувшись из Петербурга, М. Терпилец начал работать регентом Войскового хора, а М. Бибик его помощником. Наряду с творческой, репетиционной работой, регенту приходилось заниматься и хозяйственными делами: в штате был 31 человек, шитое пять лет назад обмундирование отслужило свой срок, а потому нужно было заказать новые мундиры и шаровары, выпросив в Войсковом правлении на это средства. Для обучения неграмотных малолеток нужно было купить 20 букварей, 20 учебников русской грамматики и других учебников, а также бумагу, чернильницы, карандаши, песочницы, спросив разрешения на покупку у канцелярии. Недостает нужных голосов – он ездит по станицам, набирает певчих и прослушивает их, найдя в конце концов 17 малолеток (15-19-летние считаются малолетками) из станиц Пашковской, Брюховецкой, Дядьковской и других. Он просит в своей капелле прислать ему ноты – ему присылают на 62 р.90 коп. Как видно из архивных дел, он с энергией взялся за дело, и результат не замедлился сказаться. Наказной атаман

Кусаков в письме директору капеллы А.Ф. Львову сообщает: “С возвращением в Екатеринодар урядника Терпильца, обучавшегося церковному пению в Санкт-Петербурге у регента Придворной певческой капеллы, Войсковой певческий хор значительно улучшился в отношении метода пения”.

Когда же первый кубанский писатель Я. Кухаренко, находясь на посту наказного атамана, ввел должность директора хоров, пытаясь освободить творческих работников от хозяйственных бесконечных дел, он встретил сопротивление со стороны атамана Н. Заводского, запретившего придумывать новые должности. И все осталось по-прежнему: хормейстер занимался кроме репетиций покупкой свеч, заказом мундиров, выпиской дров и прочими хозяйственными делами.

Тем не менее, хор становится всенародно любимым, необходимым, его ждут с нетерпением во всех станицах, без него не обходится ни один праздник, ни одно торжество: будь то посещение Екатеринодара великим князем Михаилом Павловичем в сентябре 1817 г., или освящение Марии-Магдалинской женской монашеской пустыни в апреле 1850 г., или посещение Екатеринодара в сентябре 1861 г. Александром II, который нашел хор “замечательным по голосам и стройности исполнения”.

Через сто лет на праздновании юбилея Войскового хора генерал-лейтенант Бабыч в праздничном докладе отметит: “Идя на праздник в войсковую соборную церковь и слушая чудные напевы своего дивного войскового хора, черноморец отрешался от житейских тревог, как бы внутренне очищался и набирался душевных сил снова целые месяцы бороться на боевых линиях”.

Таким образом, созданный для улучшения богослужения и исполнявший первоначально церковное песнопение, хор за полвека превратился в многоплановый профессиональный коллектив, в репертуаре которого было не только духовное песнопение, но и украинские народные песни, а также произведения Д. Бортянского, В. Моцарта, Л. Бетховена, М. Глинки, А. Даргомыжского, А. Рубинштейна, П. Чайковского, Р. Шумана, В. Калинникова и других классиков.

Фольклор, традиционная культура передавались из поколения в поколение. Песни черноморских казаков дошли до нас, благодаря труду историков, литераторов, собирателей Н. Костомарова, П. Кулиша, А. Бигдая и нашего современника В. Захарченко.

ИСТОЧНИКИ:

1. Кухаренко Я.Г. Черноморский побег // Основа.- СПб., 1861. - №11.

2. Дмитриенко-Бут Д. Одна година из казацкого побыгу.- СПб, Театральная библиотека, отдел рукописей, № 132 укр.

3. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быгу.- СПб., 1858.

4. Попко И.Д. Пластуны// Ставропольские губ. Ведомости. – 1855. - №13-20.

5. Попко И.Д. Походный дневник//Военный сборник.- 1860. – Т.14. - №7

6. Кияшко И.И. Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанского казачьего войска. 1811-1911. – Екатеринодар, 1911.

7. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1176.

Тимошенко С.А.

СОВРЕМЕННОЕ БЫТОВАНИЕ ЗАГОВОРОВ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ НА КУБАНИ

Традиционная культура Кубани неоднородна. В кубанском фольклоре нашли отражение исторические и культурные процессы, происходившие здесь в конце XVIII – начале XIX веков. Именно тогда началось активное заселение пустовавших земель побережья Кубани переселенцами из южнорусских и восточных левобережных губерний Украины. Среди черноморских казаков, заселявших северо-западные районы, преобладали выходцы из Украины, среди линейных казаков – донцы и переселенцы из Центральной России. Все эти исторические процессы обусловили специфику кубанского фольклора.

Народное творчество Кубани во всей полноте отражает особенности кубанских говоров как с южнорусской, так и с украинской основой. Л.А. Апостолов писал: “Язык кубанской области довольно своеобразный. Малорусское наречие в наиболее однородных станицах подвергалось значительному влиянию великорусского, приняв туда много оборотов и слов. В свою очередь, сильно изменилось и великорусское наречие... Часто трудно бывает различить, на каком наречии говорят, до того великорусская речь пестрит малорусскими словами и оборотами...” (Л.А. Апостолов. Географический очерк Кубанской области. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 23, Тифлис, 1987, с. 237.)

Среди рассмотренных заговоров, бытующих на Кубани, отмечается преобладание русских заговорных текстов; украинские заговоры немногочисленны. Заговорные тексты, произносившиеся первоначально

на украинском языке, претерпели большие изменения под влиянием русского языка. Несомненна украинская традиция произнесения следующего кубанского заговора: “Орав чоловик на чорных волах. Як сила, сила не зйди, а кровь не приди навороженного, молитвенного (имярек)”. Следует отметить, что иногда трудно точно определить, где возник заговор – в русском или украинском фольклоре.

Большинство заговорных текстов, привнесенных на Кубань из Центральной России и распространенных среди русскоязычного населения, сохранили свои языковые особенности. Однако некоторые заговоры изменились под влиянием украинского языка и южнорусских говоров. Диалектные формы слов часто встречаются в русскоязычных заговорах: “Ехал Юрыно по мосту”, в заговорном тексте от вывиха (“свиха”) болезни ссылаются на “невдобные” места, одну из зорь-зарниц в любовном заговоре зовут “Мархва”; обращаясь к Богородице, знахарь просит: “Сечи сибирскую язву раба Божого навороженого, хрещоного”.

По степени влияния кубанского диалекта можно выделить заговоры, в которых диалектное воздействие слабо выражено. В таких вариантах преобладает русская основа и наблюдается стилистическая вибрация текста. Нередко встречаются случаи разного звучания одинаковых по смыслу слов заговорных формул: “Йихав Иисус Христос” – “Ехав Иисус Христос”.

Сравним заговоры, бытующие на Кубани, один из которых демонстрирует пример украинского влияния, а другой – преобладание русскоязычной основы с южнорусским диалектным воздействием: “Икалка, икалка, пиди до воды, хочь на кого напады: хочь на коня, хочь на кобылу, хочь на дивчину чернобриву” и “Икалка, икалка, поди до воды, на кого хочешь напады: хоть на быка, хоть на корову, хоть на дивчину чернобриву”.

В другую группу можно отнести русские заговоры, в которых произошли большие изменения под влиянием кубанского диалекта и южнорусских говоров. Таких текстов немного; первоначально исполнявшиеся на русском языке, они в процессе бытования стали произносятся на кубанском диалекте: “Молодык молодой, у тоби крест золотой. Зверь в поле, рыба в море, мертвец в гробе. Колы вони зайдутся пьть – гулять, тоды у р.Б. (имярек) зубы заболять. Аминь.”.

Для некоторых кубанских заговоров характерно употребление глаголов в форме 3-го лица единственного числа с окончанием на -ть (говорыть, береть) и без него (ворон не каркнэ, кровь не капнэ). Но здесь же могут встретиться формы “не станет”, “не йдет”, что говорит о различной степени влияния диалекта на язык русского заговора.

Возможно одновременное употребление диалектных и литературных форм слов, как, например, в заговоре от вывиха: “Господь его (сустав) укрепив и умудрив, на свое место поставил навороженному...”

Украинские заговоры на Кубани претерпели больше изменений, чем русские, из-за изменения первоначальной среды их бытования. Влияние украинского языка сказывается в том, что некоторые кубанские тексты сохранили украинские понятия, грамматические формы слов и целые выражения. При этом сам заговор читается либо на русском языке, либо на кубанском диалекте: “Месяц на небеси, дуб у земли, камень в воде, мертвец в труне (укр. – “гроб”);

“Благословите и помогите месяц на небе, ведмедь (укр. – “медведь”) в лесу”;

“И заляжете вы, зубы, как мертвые люди, закаменейте на веки вечные и правая сторона, и левая, и кутники...” (куть – юж., кутние зубы – “коренные зубы”).

Кубанские заговоры сохранили традиционные для украинского фольклора названия и понятия: “червона кровь”, “кохал” (любил), “яр” (овраг), “чоловик” (мужчина), зори – “чаровници”, “мирошник” (мельник), “паляница” (хлеб). В подробных перечислениях всех возможных видов сглаза или какой-либо болезни наряду с русскими определениями встречаются и украинские: сглаз “мужицкий, дваццкий, парубоцкий, выстрибный (укр. “прыгающий, скачущий”), ветряный...”; бышиха “батикова, матэрына, подумана, погадана, пристречна (от укр. пристріг – “сглаз”) ветрам...”; уроки “мужские, женские, девчачи, хлопчачи, вдовины...”.

В заговоре из сборника малороссийских заговоров П.С. Ефименко (№ 76) знахарь пытается “водшептати” уроки “пристрьльны, насланы, вьтряны, батьковы, матерены, чоловѣчи, женочи, парубочи, дитячи, хлопчачи, девочи...”

В кубанских заговорах часты украинские формы звательного падежа: батько, матэ, сонечко, місяцю, ячмэнцю, “молодык-молодыче”. Под влиянием украинского языка в кубанском диалекте глагольные суффиксы -ыва, -ива, -ова, -сва заменены суффиксом -ува, что также нашло отражение в заговорах: “Стал Иисус Христос на кровяной реке ночуваты и на рожденной, хрещеной кровь замовляты”; “Ты прибуваешь из гор, долиин, лугив и берегив, щоб так и до менэ, р. Б. прибували добри люди...”.

Среди изученных заговоров выделяется небольшая группа текстов, которые первоначально произносились на украинском языке, но в процессе бытования на Кубани утратили некоторые фонетические и

грамматические черты. Например, заговор от зубной боли: “Йхав Иисус Христос на билом кони, найшов рукавичку, рукавичку надивав, рабы Божой зубы замовляв. Щоб не болилы, щоб не томили, щоб на вики занимлы”.

Другой кубанский заговор “на молодык” демонстрирует пример близости к украинскому заговору как в структурно-композиционном плане (диалог с месяцем и просьба), так и в языковом: “Месяцю Владимиру, ты на том свити був? – Був. – А ты мертвых людей бачив? – Бачив. – А в их зубы не болять? – Ны болят и ны щимлять. Дай, Боже, щоб у р.Б. зубы занимлы, закамнили во веки веков”. Украинские варианты этого заговора многочисленны. В сборнике П. Ефименко читаем: “Ты, мисяцю Адаме, молодык! Пытай ты мертвыхъ и живыхъ: у мертвого зубы не болят? – У мертвого зубы николы не болят, кости задубилы, зубы занимлы; николы не будутъ болять. Даруй, Господи, щоб у мене, р.Б. навороженого, молитвенного, хрещеного зубы занимлы, николы не болишы”.

Заговоры от зубной боли интересны известными и в кубанском, и в украинском фольклоре героями, некими “братьями”, как правило природными образами в нерушимом естестве. В заговорных формулах упоминаются “червяк в зубу, мертвяк в гробу, медведь в лесу”; “дуб у лиси, береза на земли, камень у мори” и другие “братья”. Подобное разнообразие было отмечено только среди украинских заклинаний в сборнике П.С. Ефименко, в других печатных сборниках они встречаются гораздо реже. Как правило, такие заговорные тексты немногословны, содержат перечисление героев и какое-нибудь невыполнимое условие: “Дуб у лиси, береза на земли, камень у мори. Як три браты зайдутся до кучи, тоди будут у р.Б. зубы щемиты, болигы”. Аналогичное условие ставится и в украинском заговоре: “Мъсяц у небъ, мертвецъ у гробъ, камнь у моръ. Якъ три браты до купы зберутся и будутъ банкетъ робити, тоди у мене зубы будутъ болгы”.

Для заговоров, бытующих на Кубани, показательное минимальное использование красочных изобразительных средств. Эпитеты (как и в украинских заговорах) в большинстве случаев являются традиционными, устойчивыми: конь – “вороной”, нитка – “шелковая”, море – “синє”, головушка – “буйна”, кости – “желты”, “жвты”, кровь – “червона”.

Сквозные эпитеты употребляются в немногих текстах. Наиболее распространен в кубанских заговорных текстах эпитет “каменный”: “Каменная девица пошла в каменницу, за ограду, каменных коров доить: из каменных коров молоко не йдет, пусть из тебя, крещеного, навороженного кровь не йдет”. “Каменные” и “костяные” герои

упоминаются и в украинском заговоре: “Ишла костяна баба съ камяной горы, съ камяною дойницею до костяной коровы. Коли съ камяной коровы молоко потече, тоди р.Божого кровь потече”. В силу того, что выбор художественных средств продиктован сугубо практическими соображениями, тут налицо соотносительность с реальным или желаемым состоянием, нет ничего, рассчитанного на эстетическое восприятие. Нечувствительность к боли, “каменность” знахарь пытается “передать” и больному. Подобная особенность присуща и украинским заговорным произведениям (М.В. Готман. Особенности использования поэтических средств в украинской заговорно - заклинательной традиции).

Следует отметить, что в кубанских заговорах содержатся упоминания о местностях и водных пространствах Кубани. Известно, что в заговорных текстах часто болезни (особенно мучительные и тяжелые) отсылаются в далекие и непроходимые места: в болота, на “очерета” (на Кубани и Украине – камыш, растущий в труднодоступных болотистых местах), на моря и океаны. Обычно знахарь далее не конкретизирует их местоположение, не связывает их с реально существующими географическими объектами. Однако в кубанских заговорных текстах от “бышиха” говорится: “Вас 77, идите соби на Черно море”, или, изгоняя лишай, знахарь произносит: “Иди соби на Черно море, там тоби житы, там тоби спочиваты”. В другом заговорном тексте недуги и хвори высылаются в “гаманские леса”.

Итак, слияние двух культур, русской и украинской, особым образом выразившееся в создании кубанского диалекта, нашло отражение в фольклоре (в частности, в заговорном творчестве) Кубани. В свою очередь, кубанский диалект оказал влияние на языковые традиции русских и украинских заговорных текстов, собранных и записанных в кубанских станицах, что, несомненно, является одной из особенностей заговоров, бытующих на Кубани.

Тимошенко О.Т.

“МУЗЫКА СЛОВА” В МАЛОЙ ПРОЗЕ Ю. КАЗАКОВА

Ю. Казаков – писатель чуткой, ранимой природы, странник, не привязанный ни к чему бытовому. Современники называли его “взрослым ребенком”, “мужчиной с женским сердцем” и сначала не принимали его. Рассказы подолгу лежали в редакциях, печатались с сокращениями. Потом он сам не принял происходящего вокруг и замолчал, более десяти

лет почти ничего не публиковал, его архивы погибли. Так что читатели так и не узнают сокровенных мыслей, чувств этой страдающей безвременно ушедшей души. Умер как жил: тихо, одиноко, невысказано. Но он не был “оторванным листом на “литературном древе”. Казаков – явление чисто русское, корневое, выросшее из Пришвина, Бунина и продолженное в В. Лихоносове.

С первых шагов в литературе Казаков заявляет о своем стремлении следовать М. Пришвину. Чтобы понять истоки его мироощущения, он отправлялся “через пятьдесят лет по его следам” на русский Север. Темы, сюжеты, композиционные решения рассказов 50-х гг., особенно охотничьих, явно заимствованы у Пришвина (“Ночь”, “Тедди”, “Артур – гончий пес”).

Идея “родственного внимания”, душевной привязанности человека к окружающему миру станет для него наиболее близкой в творческом наследии Пришвина. В рассказах 60-х гг. Казаков сосредотачивается на постижении тайн человеческой души под влиянием природы. Казаков – поэт и философ мгновения, уединенного созерцания мира. “Вхождение в природу” звучит то торжественно (“Осень в дубовых лесах”), то тревожно (“Двое в декабре”). Взаимопроникновение этих двух мелодий очень характерно для его прозы.

70-е годы – наиболее сложный, драматический и при этом малоизученный период творчества Казакова. Преобладает герой, отвечающий собственному строю мыслей автора. Бродяжничество, внутренняя свобода всегда импонируют ему. Поэтому мотивы дома и дороги, покоя и движения, укорененности и подвижности бытия – становятся основными в этом десятилетии. Стремление сблизить эти начала отличает духовные искания героя последних лет. Природа же способствует философскому осмыслению этих проблем.

В рассказах “Свечечка” (1973), “Во сне ты горько плакал” (1977) внутреннее противоречие между гармонией и невозможностью ее реального обретения нарастает, надрывая душу лирического героя, сдавливая его голос.

В томительной жажде гармонии с миром эти художники абсолютно совпадают. Но, в отличие от пришвинского “праздника жизни”, у Казакова радость наслаждения природной красотой всегда надломлена, чем-то ущемлена. Совершенство природы обостряет драму духовного одиночества личности. В последних рассказах это противостояние становится трудно преодолимым, поэтому мироощущение позднего Казакова драматично.

Ю. Казаков из поколения, опаленного войной, репрессиями. Это

горожанин с природным чувством природы, а отсюда и обостренным ощущением опасного разлома в душе человека, отстраненного от “материнского лона”. Сегодня можно с уверенностью сказать, что он первым почувствовал эту духовную беду россиян (“На полустанке” 1953), опередив писателей, вышедших из деревни, прочно связанных с землей.

В прозе Казакова тонкий психологический анализ организует действие рассказов, сюжет держится на смене впечатлений, ощущений героев, они, зачастую, безымянны. Почти в каждом рассказе своя интонация, мелодия или несколько взаимодействующих.

Уединение наводит героя рассказа “Во сне ты горько плакал” на мысли о таинстве своего рождения, о духовной связи поколений, насильственно оборванной в их семье. Мир героя сложен и многослоен. Его мысли то накладываются, то переходят одна в другую, постоянно пульсируя. Из незавершенности, оборванности ассоциаций рождается такой звуковой образ душевного состояния героя. По звучанию рассказ напоминает симфонический оркестр перед концертом. Неожиданно, в финальной фразе вся гамма переживаний оборачивается в горькую иронию, потому что они обращены к полугодовалому сыну. Герой обречен на замкнутость в собственном мире, которая его томит и печалит.

Музыкальность – стилеобразующий принцип малой прозы Казакова. Профессиональное занятие музыкой благоприятно сказалось на его художественном творчестве. Казаков обладает весьма редким качеством: звуковой образ предметного и духовного мира передавать словом. Следуя эстетической традиции Бунина, Казаков создает музыкальную прозу в современной литературе.

ИСТОЧНИКИ:

1. Казаков Ю.П. Рассказы. - М., 1983.-480 с.
2. Кузьмичев И.С. Юрий Казаков: набросок портрета. - Л.: Сов. писатель, 1986. - 272 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Спартак Геннадиевич – аспирант Кубанской государственной академии физической культуры

Бершадская Ольга Витальевна – научный сотрудник отдела истории КГИАМЗ

Боук Брайан – докторант исторического факультета Гарвардского университета (США)

Горлова Ирина Ивановна - доктор философских наук, профессор, ректор КГУКИ, академик, президент Краснодарского регионального отделения МАИ

Еремеева Анна Натановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КГУКИ

Жадан Виктор Андреевич - преподаватель Краснодарского Высшего музыкального училища им. Н.А.Римского-Корсакова

Караченцев Владимир Федорович - зав. Домом-музеем В.Г. Короленко в Джанхоте

Комиссинская Людмила Васильевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и истории культуры КГУКИ

Комиссинский Виктор Георгиевич - кандидат искусствоведения, профессор кафедры теории и истории музыки КГУКИ

Корсакова Наталья Александровна – старший научный сотрудник отдела истории КГИАМЗ

Котричева Виктория Геннадиевна – научный сотрудник отдела истории КГИАМЗ

Мартыненко Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы КубГУ

Науменко Владимир Владимирович – соискатель кафедры теории и истории культуры КГУКИ

Недвига Наталья Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе КГУКИ

Оспищева Лариса Евгеньевна – преподаватель истории Адыгейского государственного университета

Серова Валентина Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы КГУКИ

Слуцкий Аркадий Иосифович - доцент кафедры библиографии КГУКИ

Солодка Маргарита Борисовна – доцент кафедры литературы КГУКИ

Сомова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы КГУКИ

Стругова Марина Рафаэловна – старший научный сотрудник отдела истории КГИАМЗ

Тажиудинова Ирина Геннадиевна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры новейшей истории и социологии КубГУ

Тернавский Николай Александрович – соискатель кафедры теории и истории культуры КГУКИ, председатель Общества украинской культуры Кубани

Тимошенко Ольга Тихоновна - доцент кафедры литературы КГУКИ

Тимошенко Светлана Алексеевна – учитель русского языка и литературы средней школы № 6 (г. Краснодар), соискатель кафедры истории русской литературы КубГУ

Трехбратов Борис Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой музееведения КГУКИ

Федина Альбина Ивановна – преподаватель кафедры музееведения КГУКИ

Фролов Борис Ефимович – зав. отделом истории Краснодарского историко - археологического музея - заповедника им.Е.Д.Фелицына

Чабан Микола – краевед, журналист, член Союза писателей Украины

Ченцова Татьяна Федоровна – доцент кафедры литературы КГУКИ

Чумаченко Виктор Кириллович – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы КГУКИ, председатель комиссии по литературе Фонда культуры Кубанского казачества

СОДЕРЖАНИЕ

Горлова И.И. Актуальные проблемы историко-культурного регионоведения 3-4

К 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины

Трехбратов Б.А. Эволюция общественно-политических взглядов Ф.А. Щербины 5-15

Боук Б.М. (США) Языковые вопросы в трудах Ф.А. Щербины 15-17

Караченцев В.Ф. Ф.А. Щербина и В.Г. Короленко в Джанхоте 17-19

Науменко В.В. Вопросы материальной культуры черноморских казаков в трудах Ф.А. Щербины 20-22

Чумаченко В.К. Ф.А. Щербина: годы эмиграции (1920-1936) 22-26

Наши публикации:

Переписка Ф.А. Щербины с Н.А. Рубакиным (предисловие, комментарии и публикация В.К. Чумаченко) 27-37

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина

Серова В.Н. П. Мериме, Ф. Стендаль и А. Пушкин: точки пересечения 37-39

Ченцова Т.Ф. Мнимый Пушкин: литературные мистификации, подражания, пастиши 40-44

Солодкая М.Б. Пушкиниана дальневосточного зарубежья 44-47

Сомова Е.Г. Звукопись А.С. Пушкина 48-50

Комиссинская Л.В. Пушкинская юбилейная мозаика (по материалам "Кубанских областных ведомостей за 1899 г.) 51-55

История. История культуры. Историческая культурология

Недвиг Н.Г. Из истории взаимоотношений кубанского казачьего войска и православного духовенства 55-61

Тернавский Н.А. Некоторые особенности становления и развития культуры кубанского казачества 61-64

Фролов Б.Е. Мундир кубанских казаков как историко-культурное явление	64-66
Котричева В.Г. Портретная галерея казачьих атаманов	67-68
Слущкий А.И. Кубанские сюжеты в личной библиотеке Б.Д.Гринченко	68-74
Еремеева А.Н. Книга и книжное дело на Кубани и Дону в годы гражданской войны	74-80
Тажидинова И.Г. Кубанские театры в 1920-е г. (особенности репертуара)	80-83
Стругова М.Р. Украинский театр на Кубани в первой половине XX в. (по материалам КГИАМЗ)	83-85
Корсакова Н.А. Культурная жизнь кубанского казачества в зарубежье (по материалам воспоминаний казачьей эмиграции)	85-88
Жадан В.А. Роль регентских курсов в развитии музыкальной культуры Кубанской области конца XIX столетия	88-92
Александров С.Г. Физическое воспитание учащихся Кубанского Александровского реального училища в начале XX века	92-95
Оспищева Л.Е. Статистика нуждающихся на Кубани в конце девятнадцатого столетия	96-98
Бершадская О.В. Хлебозаготовительная кампания в Кубанском округе весной-осенью 1929 г. (по материалам архивного фонда писателя В.П.Ставского)	98-101
Комиссинский В.Г. Музыкальные миры Валерия Гаврилина.....	101-105

Этнография. Фольклор. Литературоведение.

Чабан М. (Украина). Забытая статья М. Телиги	105-108
Мартыненко Л.Б. Современное бытование пословиц и поговорок черноморских (запорожских) казаков на Кубани	108-111
Федина А.Г. Песня в жизни черноморского казака	112-117
Тимошенко С.А. Современное бытование заговоров черноморских казаков на Кубани	117-121
Тимошенко О.Т. “Музыка слова” в малой прозе Ю. Казакова	121-123
Сведения об авторах	124-125

**Типография Краснодарского государственного
университета культуры и искусств
Краснодар, 350072, ул.40-летия Победы,33
Заказ № 119 , объем 8 п.л., тираж 150 экз.**